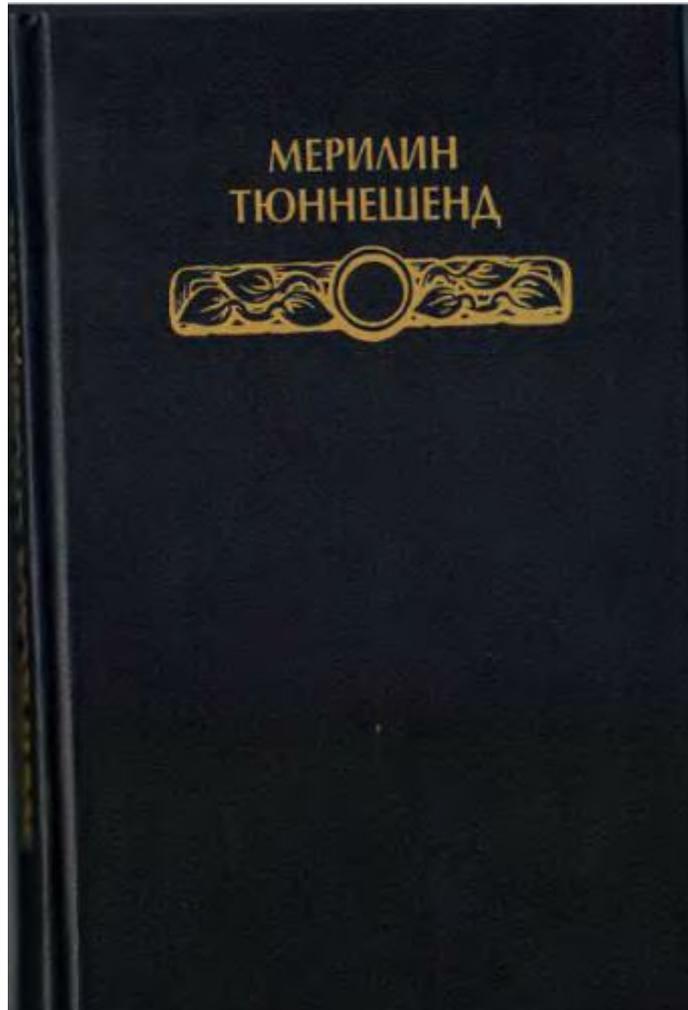

Мэрилин Тюннешенд
«Магическое сновидение»

Вступление

В середине семидесятых я училась на последних курсах университета и проявляла горячий интерес к языкам и религиям древних. Тогда я всерьез собиралась заняться написанием докторской диссертации. У меня был жених – честолюбивый ирландский поэт, опьяненный «романтикой дороги». Мы с ним договорились, что сразу же по окончании университета отправимся в путешествие на поезде через всю Америку в Мексику. Когда он погиб – внезапно и трагически, - я решила, в память о нем, осуществить наши планы самостоятельно.

Благодаря этому решению мне посчастливилось повстречаться с индейцем из Юмы, которого я буду называть в этой книге Джоном Черной Вороной. Это не традиционное индейское имя, но оно прекрасно символизирует один аспект его жизни. Его подлинное имя несет в себе невыразимое уныние. Моя дружба с Джоном совсем не походила на формальное ученичество. Мое знакомство с ним скорее можно уподобить похищению солнца древним богом.

На языке своего народа Джон мог быть назван Кваксоном – человеком, владеющим одной из главных форм Сновидческой Силы. Его сны и его откровения заставили меня вступить в смертельную борьбу за собственную трансформацию. Его намерением было

пробудить во мне энергии феникса, преобразить меня в существо, подобное ему самому, чтобы он смог покинуть мир вместе со мной. Именно поэтому он позвал меня и убил меня – разбросав взрывом в бесконечности перед моими собственными глазами.

Джон познакомил меня с другим Сновидящим – Сновидящим, обладающим особой Сновидческой Силой. Я назвала его Чоном. Чона больше всего интересует исцеление жертвенного элемента, присущего процесс трансформации. В древности этот элемент присутствовал в виде человеческих или кровавых жертв, хотя чаще всего при этом происходило жертвоприношение жизненной энергии с подавлением исконного, женского и созидательного начала. Именно в Сновидении Чона жертвоприношение обретало статус восхождения на иной уровень сознания, при котором существо достигало подлинной и полной трансформации.

Чон околдовал меня своей любовью и своим знанием учения Древних. Его магия обращена к синхронным уровням осознания и измерениям времени. Для того чтобы понять эти практики, я тала искать инструкции в календаре народа Майя, который называется Цолькин. Чон чувствовал, что исцеление – многомерный процесс, одновременно происходящий на всех уровнях, во все времена и во всех измерениях.

Оба этих необыкновенных существа применяли ко мне свою магию, гармонизируя во мне мои энергии в некоем танце Создателя-Разрушителя. Чтобы пережить их уровни существования, я отправилась два отдельных мира, где в том, что эти миры могут стать достижимыми, а их энергии могут быть использованы для трансформации сознания. Надеюсь, что, памятуя об этом, читатель сможет пересмотреть свою жизнь и свои сны, соотнося их с манифестацией Созидательного Сновидения.

Концепция Целительного Сновидения проистекает из того, что вся жизнь и все сознание связаны между собой. Время – едино, и мы существуем в вечном Сейчас. Это подобно настройке радиоприемника, при которой воспринимаемый нами частотный спектр и создаваемая им реальность зависят от того, где именно мы фокусируем свое сознание. Смерть – всего лишь поворот ручки настройки, но мы продолжаем существовать, как и все мироздание. Ради истинного исцеления мы должны перейти на все уровни творения, во все времена.

Это и есть Магическое Сновидение – дар трансформации. Оно заронит свою бессмертную искру в тебя и начнет творить свое волшебство. Пусть же эта искра проникнет как можно глубже. Позволь мне, читатель, привести пример, как этот процесс происходил во мне.

В 1922 году, в мой день рождения, корабли из Колумбии прибыли в порт моего родного города. После многих лет общения с туземными Сновидящими я поняла, что это событие было большим знаменем. Вскоре я получила стипендию Национального Фонда для продолжения моего исследования культуры Майя. А затем, возвратившись из летнего путешествия по мексиканским джунглям, я серьезно заболела. Эта болезнь приводит к изменению структуры ДНК.

Для того чтобы понять эту метаморфозу, я должна познать мощные преобразующие энергии – растворить все свое существо, чтобы возвратиться к первобытному состоянию. При возвращении в этот мир я не перенесла в него всех частей своего Я и разбудила новые энергии, непостижимые для меня ранее. Из всех сил я пыталась восстановить равновесие. Я обладала знанием, неведомым этому раненому миру. Преображение, познанное мной, обладает достаточной силой, чтобы исцелить этот мир, перенеся его на иной уровень вибраций.

В чем заключается этот целительный процесс? В восстановлении первобытных условий или в эволюции, направленной в рамках этих условий к высшим идеалам творения? К чему ведет оно: к смерти или к новой жизни? Требуется ли оно Божественного вмешательства или зовет к личному озарению? Является ли это проверкой нашего мужества? Осмелимся ли мы полюбить в полную силу? Ответы скрыты от нас, они дремлют, как капсулы времени, спрятанные в древних пирамидальных склепах.

Пророческий календарь Майя указывает на 2012 год Р. Х. как на год их пробуждения. Согласно верованиям Майя, Земля прекратит рециркуляцию жизненной энергии незадолго до наступления этой даты; эта эссенция будет использована для того, чтобы великие перемены стали возможными. Майя верят в циклическую природу времени. Согласно их записям, это будет пятое разрушение и воссоздание, несущее собой эру шестого солнца – солнца сознания.

Это пророческое Сновидение охраняется существами, зовущимися Чуч Кахау – хранителями времени в классической культуре Майя. Чуч Кахау следят за тем, чтобы всегда находились люди, готовые ублажать эти силы, поставляя им необходимую жизненную энергию – обычно в виде человеческих жертвоприношений. Одним из таких людей, наблюдавших за обрядом жертвоприношения, был Халач Винник – высший чин военизированного общества Майя, в котором не было правителей.

Халач, как сказал мне мой Чуч Кахау, - враг. Ибо он пытается контролировать силы трансформации. Моим союзником является майянский бог Кукулкан – покровитель истинной трансформации, достижимой при одухотворении или пожертвовании собственного я.

Пролог

Мои родители обладали огромной энергией. В один прекрасный день моему отцу суждено было стать разработчиком ракет «Аполлон». Моя мать была помещью буйвола и львицы. Они были в восторге от собственного брака. В порыве первобытной страсти они слились в единое целое в свою первую брачную ночь, и через девять месяцев и два дня я появилась на свет, помня все это.

Прирожденная Сновидящая, я провела свое одинокое детство в подвале, где у меня была крохотная модель «высшего мира», заключающая в себе древний дух, с которым я вела беседы и который я прозвала «Дедушкой». Дедушка обычно стоял в тени – высокий и статный, - говоря на языке, понятном лишь мне, давая советы в таких вопросах, до понимания которых, по общим представлениям, я еще не доросла.

Впервые я увидела Дедушку во плоти тогда, когда мы выехали из своего дома, находящегося на Юге, и пересекали пустыню. Мой отец тогда занимался разработкой «лунных проектов». Я же, маленькая девочка, сидела на заднем сиденье машины, наблюдала через заднее окно за стариком-индейцем, идущим вдоль дороги, и разыгрывала сцену собственного похищения, заламывая в отчаянии руки. Он бросил на меня взгляд и залился таким хохотом, что ему пришлось остановиться, и я отчетливо помню, как его фигура становилась все меньше и меньше, а дорога уносила пыль, поднятую нашим автомобилем. Затем порыв ветра забросил в автомобиль бабочку через открытое окно, и она устроилась на моем бедре.

Моя «впечатлительность» стала предметом особого внимания со стороны родителей во время вступления в переходный возраст, словно они боялись, что что-то «неконтролируемое» может случиться. «Хрупкая» - вот как меня окрестили. Я скрывала свой тайный язык от всех, ожидая кого-то, кто сможет говорить на нем со мной. Кого-то, кто сможет оказаться рядом со мной – по одну сторону зеркала – и при этом наслаждаться красотой.

Им оказалось первое существо, в которое я влюбилась. Чужак и поэт Высокий тонкий брюнет с бледно-голубыми глазами и глубоким текучим голосом. Мы могли телепатический перешептываться целую вечность в университетских аудиториях и не отрывали друг от друга глаз в переполненных холлах. Никогда прежде я не встречала существа, с которым могла делиться столь многим и к которому могла прикасаться при этом. Затем его не стало.

Часть первая

Сновидение

Глава первая

Мы возвратились на юг. Именно здесь я встретила Ричарда Моррисона и влюбилась в него. Ричард приехал в Штаты из Северной Ирландии для того, чтобы изучать американскую литературу в маленьком колледже на юге страны. В то время я еще не решила, чему посвятить себя, и колебалась между иностранными языками и вопросами религии и философии.

Ричард был моим первым мужчиной, и я отдалась этому чувству целиком. Я шокировала своих родных тем, что, не скрывая своей связи, перебралась из общежития в его квартиру. Я была очарована им, и ему это нравилось. Но и он был пленен мною. Мы оба были ненасытными читателями и жарко обсуждали все прочитанное. Особенно нас интриговали Джек Куруак и Уильям Барроуз, Карлос Кастанеда и Габриэль Гарсия Маркес.

После того как Уильям Барроуз прочел цикл лекций в нашем колледже, мы с Ричардом приняли решение отправиться в путешествие по Мексике сразу же после сдачи выпускных экзаменов. К этому времени Ричард должен будет получить диплом по английской литературе, а я по испанскому языку. Лекции были посвящены «Обнаженному ланчу»¹, после чего на частной квартире состоялся ужин в честь автора. На ужине присутствовал Джером, игравший на фортепьяно для Билли Холидей.

Было около девяти часов, когда мы подъехали к изящному дому, стоящему у озера. На мистера Барроуза со всех сторон сыпались вопросы. А мы с Ричардом стояли на кухне и наблюдали за тем, как люди постепенно начинали осознавать собственную неспособность вести осмысленный разговор и в смущении отходили от писателя, оставляя место для нас. Ричард подал мне знак приблизиться к Барроузу, в то время как тот ободряюще смотрел на него.

Я сделала несколько шагов вперед и произнесла: «Визуальное измерение вашего творчества очень стимулирует».

Барроуз улыбнулся в ответ и вздохнул все грудью.

- Этот парень, что с вами, он кто, писатель?

Я кивнула Ричарду, и он подошел к нам. Я представила мужчин друг другу и, разговаривая, мы вошли во флоридскую комнату, расположенную над роялем. Сквозь стекло, мы увидели под собой напоминающий аквариум холл, залитый золотым светом, и Джерома, перебирающего белые клавиши. Зрелище было совершенно волшебным.

Нас возвратил к действительности голос писателя, звучный, как электропила. Он стал рассказывать историю про джентльмена из Нью-Йорка, разыскавшего его сразу же после встречи с пришельцами. Пока Барроуз увлеченно рассказывал Ричард о том, как тот человек пытался убедить его использовать этот случай в одном из своих произведений, я, увлеченная музыкой, совершенно забыла о своих собеседниках. Наконец, обернувшись к писателю, произнесла:

- Что же хотел сообщить нам пришелец?

Барроуз ухмыльнулся в ответ, выпустил изо рта длинную струю дыма, достойную крестного отца сюрреализма, и позволил своей свободной руке на мину ту задержаться на кармане консервативного костюма-тройки.

¹ Naked Lunch – самое знаменитое произведение Уильяма Барроуза (William Burroughs) – сюрреалистический роман, описывающий наркотическую зависимость.

- Эта часть оказалась совершенно несурзой, - крикнул он. – До этого момента я слушала его с большим интересом. Предположим, сияющий купол висит в воздухе и освещает Н4 в ночном небе.

Лицо Барроуза не выражало ровным счетом ничего. Ричард издал хриплый смешок.

- А что же такое Н4? О чем это должно нам говорить? – спросила я, тряхнув головой.

- Вот именно! – бешено замахал руками писатель. – Именно тут все полетело к чертям! Я совершенно разочаровался в нем – вежливо поблагодарил и распрощался.

- Какая жалость, - пробормотала я.

Именно в эту минуту подвыпившая примадонна, одетая в цветастое платье, скрывающее ее могучий торс, подплыла к Барроузу:

- Ах, господин Барроуз, возьмите меня как-нибудь полетать с собой!

Барроуз застонал и захихикал, изо всех сил сопротивляясь женщине, увлекающей его в гущу гостей, но вскоре был поглощен группой вновь прибывших.

Этим же вечером, но несколько позже, Ричард долго проговорил с Барроузом во флоридской комнате. Все это время я просидела внизу, наслаждаясь наилучшим сыгранным на фортепьяно джазом, который я когда-либо слышала в своей жизни. На обратной дороге Ричард говорил не переставая. Он взял адрес секретаря Барроуза и получил предложение посылать туда образчики своей прозы. Они также долго обсуждали вопрос о том, насколько вдохновляющими для писателя являются путешествия.

- Я хочу, чтобы мы с тобой отправились в Мексику, сразу после выпускных экзаменов, Мерилин, - взволнованно говорил Ричард, когда мы ехали по темным улицам на своем «Фольксвагене» домой. – С твоим знанием испанского мы сможем путешествовать самостоятельно и увидеть множество интересного. Я чувствую, что такое приключение здорово поможет моему творчеству. Ты всегда говорила, что латиноамериканская литература сейчас переживает Золотой Век.

- А меня не нужно уговаривать, Ричард. Это отличная мысль. Только пообещай мне, что со мной не произойдет ничего подобного тому, что приключилось с подружкой Барроуза.

Увидев непонимающий взгляд Ричарда, я тут же добавила:

- Я имею в виду, что сцена, в которой описывается, как он случайно прострелил ей голову в гостинице, основана на реальном факте.

Я улыбнулась с притворной застенчивостью, закурила сигарету и выпустила дым а-ля Гарбо. Ричарду нравилось наблюдать за тем, как я затягиваюсь по-французски, и я иногда курила, чтобы доставить ему удовольствие.

Был май нашего последнего университетского семестра, и мы начали заниматься подготовкой своего «писательского» путешествия в Мексику. Вначале мы поедem на поезде до Юмы, штат Аризона, а затем продолжим продвижение на юг на автобусе, с остановками в каждой деревушке. Мы станем закаленными путешественниками, знаменитыми писателями и настоящими любовниками – за одного путешествия.

За две недели до запланированного отъезда я должна была заехать за Ричардом, который брал интервью для университетской газетки у заезжей рок-группы. Было темно. Дул сильный ветер, и я, направляясь к своему «Фольксвагену» чувствовала себя совершенно разбитой. Роясь в сумочке в поисках ключей, я вдруг услышала совершенно жуткий звук. Казалось, он исходил из преисподней или был порождением кошмара. Словно почувствовав, что я фокусируюсь на нем, звук становился все громче, гнусавее. Я бросилась назад в свою комнату, захлопнув за собой дверь. Забилась в темный угол, дрожа как осиновый лист.

А звук становился все невыносимее – вой и крики, леденящие кровь. Я подумала, что так может орать только женщина-убийца, все еще сжимая в руке алый от крови топор. Никогда прежде и никогда после я не слышала ничего сравнимого с этим звуком. Перед моим внутренним взором вставали видения – зубчатая, серая пустошь, словно усеянная

осколками стекла. Меня прошиб пот – крупный и едкий, и я почувствовала приступ тошноты. Наверное, я провела в своем углу не менее часа, пока все не прекратилось.

Мне было страшно покидать нашу квартиру. Но я должна была заехать за Ричардом, который наверняка уже начал нервничать, теряясь в догадках о том, что могло случиться со мной. Там, где я уронила ключи, сидел странное животное, величиной с кота, только передняя часть его тела была серой, а задняя черной. Казалось, оно умышленно уселось под ярким фонарем, чтобы я могла убедиться в том, что такой окрас никак нельзя отнести за счет оптической иллюзии. Я сделала пару шагов по направлению к животному, и оно ту же исчезло.

Всю дорогу меня бил озноб. Когда я подъехала к зданию клуба, то почувствовала себя настолько плохо, что поняла: назад машину вести я не смогу. У меня возникло безошибочное ощущение, что подобное переживание является каким-то предупреждением, - что-то неведомое нам обоим собирается мстить нам. В машине, несущейся по дороге, я рассказал об этом Ричарду. Он слушал внимательно, и я увидела, как румянец сходит с его лица. Раскурив очередную сигарету, он стал рассказывать мне древние истории своей родины – что-то о духах смерти.

Затем, не отрывая взгляда от кона, Ричард стал рассказывать мне о своем повторяющемся Сновидении, которое его очень тревожило. Во сне он стоит возле фургона на пустом мосту посреди ночи. Неожиданно из ниоткуда, из мрака вырывается машина с горящими фарами и несется прямо к нему. Она налетает на него прежде, чем Ричард успеет отскочить с дороги. Ричард сказал мне, что передние огни этой призрачной машины выслеживали его, словно глаза самой смерти. Во время рассказа он не мог скрыть волнения, и на висках у него проступил пот.

Позже, возвратившись домой и, улегшись в постель, мы, ясное дело, чувствовали крайнюю подавленность от всего пережитого этим вечером. Мы занялись любовью (в последний раз, как мне стало известно впоследствии), после чего забылись достаточно крепким сном. Мне приснился повторяющийся сон, преследовавший меня с самого детства. В этом сне я остаюсь одна, без родителей, в пустыне и пытаюсь найти хотя бы след человека. Но я не нахожу ничего – лишь кости и кактусы. Поднимается порывистый ветер, подталкивающий меня вперед со слепой силой. Поднятый ветром песок ослепляет меня. Наконец мне удается различить крохотную хижину, затерянную среди барханов. Я с трудом пробираюсь сквозь пески по направлению к ней. Я подхожу вплотную к хижине и вижу, что рядом с ней стоит высокий индеец, сгибающийся под порывами ветра. «Дедушка, Дедушка!» - кричу я ему. Он слышит мой зов и начинает отчаянно жестикулировать, давая понять, что я должна немедленно спрятаться в хижине. Дырявые стены не в состоянии полностью оградить нас от порывов ветра, но все же в хижине мы чувствуем себя в безопасности.

Обычно сон прерывался именно на этом месте, но в эту ночь мне явилось его продолжение. Я спрашиваю Дедушку: «А где же Ричард?» - но тот в ответ лишь качает головой. Тут Ричард подскочил на постели с громким криком, который разбудил нас обоих.

Двумя днями позже, возвращаясь домой, мы попали в автомобильную аварию на пустынной загородной дороге. Мы ехали с концерта, о котором Ричард должен был написать отзыв, и за рулем был наш друг, Эрик Дамон. Я сидела на переднем сиденье и беседовала с ним о музыке. Ричард дремал сзади. Дорога была темной и пустой. Ни одной встречной машины. Белая полоса стала расплываться перед моими глазами. Я обернулась, чтобы взглянуть на заднее сиденье. На нем свернулся клубочком Ричард, словно плод в утробе матери. Я улыбнулась, почувствовала, как моя голова опустилась на плечо, и, поглядывая на Ричарда, начала погружаться в сон.

Мне кажется, что я помню, как центробежная сила стала выбрасывать нас с дороги, а затем, когда я проснулась, раздался страшной силы удар. Ветровое стекло разлетелось на мельчайшие осколки. Впереди зияла черная прямоугольная дыра. Меня пригвоздил к

сиденью. «На помощь – кричала я. – Я не могу выбраться отсюда. На помощь!» Тут я взглянула на руку. Она была вся в крови. «О Боже!»

В поле моего зрения появился Эрик. Он шел один под круглой луной посредине пустынной дороги.

- Мерилин, - сказал он, просовывая голову сквозь боковое окно. На его лице виднелись порезы.

- Эрик, что произошло? Где Ричард? – закричала я.

- Он лежит на дороге, примерно в ста футах позади. У него неважный вид, Мерилин. Должно быть, он вылетел на дорогу, выбив люк. Даже не знаю, сколько времени прошло после аварии. Я расставил предупреждающие знаки вокруг машины, а они пошли звонить. Скоро должна приехать скорая.

Я безутешно зарыдала.

Скорая приехала через несколько минут. Дверцу машины с моей стороны пришлось вырезать автогенном. На то, чтобы вытащить меня наружу, ушло около двадцати минут. Меня сразу же отнесли в карету скорой помощи, стоящую рядом. Эрик был прав. Ричард выглядел совсем неважно. Он уже лежал внутри с кислородной маской на лице. Он был очень бледен. На его лице застыло странное выражение, словно он только что выслушал какую-то приторно-льстивую, но в то же время саркастическую шутку. Он не отрывал от меня глаз всю дорогу, пытаясь что-то сообщить взглядом, но умер на операционном столе от внутреннего кровотечения, которое так и не удалось остановить.

Нам с Эриком сделали уколы и ничего не сказали. Нас отпустили по домам после того, как врачи зашили наши головы и обработали раны на теле. Мать Эрика поджидала нас в моей квартире, чтобы сообщить новость. Увидев ее, я сразу поняла, что случилось, и тут же бросилась к машине, чтобы добраться в больницу. Но не добежала, упав на землю и забившись в конвульсиях.

Ричард был выходцем из бедной ирландской семьи и почти всему в своей жизни был обязан своей рано овдовевшей, необразованной матери. Мне не удалось вовремя связаться с ней и потому самой пришлось заниматься подготовкой к похоронам. Когда ей сообщили о смерти сына, она выразила опасения, что не сможет оплатить дорожные издержки, хотя я предложила оплатить перелет.

Моя мать пришла мне на помощь. Я была бесплотным духом, бродящим по опустевшему дому, рыдающим часовым, обнаружив его любимую книгу или наткнувшись на его ботинок. Я нигде не могла обнаружить стихов Ричарда. Ночью я ложилась на его вещи, сваленные в кучу, и извивалась в истерике, шаря руками по своему лицу, словно искала потерянные глаза.

Однажды вечером в комнату вошла моя мать с решительным лицом:

- Тебе нужно уехать отсюда, Мерилин. Он оставил тебе все свои сбережения, так? Беги! Будь свободна! Именно этого он хотел. Обычная жизнь – не для тебя.

Часть вторая

Исцеляющее сновидение

...

Когда мы подъехали к Юме, уже совершенно стемнело. Воздух был сухим, а ветерок теплым. Я вытащила свой битком набитый рюкзак из-под сиденья, и поезд стал издавать звуки, которые всегда раздаются в поездах, когда те подъезжают к конечной остановке. Вначале, выйдя из вагона на темную платформу, я не заметила его. Он был одет в черные штаны и в черную рубаху навыпуск. Его волосы были черные, перевязанные черным платком. Что-то не позволяло мне отвести от него глаз. Я даже сняла со спины рюкзак, чтобы мне было легче стоять и смотреть. Он был высок, спокоен и

неподвижен. В тени стоял старый индеец со светящимися, как у кота, глазами, - тот самый индеец, который так часто приходил ко мне в моих детских снах. Это был Дедушка!

Для меня старый индеец, Джон Черная Ворона – как он попросил себя называть, - был началом и концом всего. Помню, как думала, уходя с вокзала вместе с ним, что с этого момента моя жизнь станет совсем иной. Я оказалась права.

- Ты можешь остановиться у меня, Золотистый Лютик, - произнес старик, подходя ко мне.

Казалось, он высматривал кого-то в толпе, и я подумала, не перепутал ли он меня с какой-то другой женщиной.

- Единственная гостиница в этих местах вон та.

Он указал рукой на двухэтажный дом постройки тридцатых годов, издали напоминающий конюшню. В свете уличного фонаря мне с трудом удалось разглядеть вывеску, свисающую со второго этажа. Меня передернуло.

- Это крысиная дыра, - прибавил он, - и уже поздно. Ты не найдешь сейчас такси. Кроме того, в резервации куда интереснее, чем тут.

Он указал куда-то во мрак в другом направлении.

- К тому же я уже старик и не кусаюсь.

Я изумилась скорости и умению, которое проявил этот индеец, уговаривая меня. Он был упорен. Властен. Его поведение напоминало мне отчаянную жестикуляцию из моего сна. Я ощутила, как этот древний дух пытается вытащить меня из преисподней, в которой я оказалась, и поняла, что он был моей последней надеждой избежать полной аннигиляции.

В полном шоке я покорно кивнула головой. Все прочие перспективы в этом маленьком пустынном городке казались мне менее привлекательными. Он блеснул лукавой улыбкой, развернулся и повел меня за собой. Из пустыни прилетел ветер, и лунный серп вышел из-за одинокой тучи. Скучная растительная жизнь и ночные птицы, казалось, ожили все разом каким-то чудесным образом, начали перешептываться и издавать протяжные мягкие крики.

Я же доверчиво углублялась в ночь с человеком, которого прежде встречала лишь во сне.

- Следуй за мной, - произнес он, когда мы пересекли мост и поплелись по грязной дороге, покинув совершенно пустую платформу.

Джон Черная Ворона, индеец из Юмы, жил в своем дощатом домишке в резервации. По виду ему можно было бы дать восемьдесят пять лет. Я поправила свой рюкзак и оглянулась на луну. Мы шли по дороге, огибающей одинокий холм. На вершине холма, справа от дороги, стояло большое высохшее дерево, напоминающее по форме изогнутую виллу. Впереди, слева от дороги я увидела одинокий магазинчик, освещенный единственной тусклой лампой. Мы спустились в его световой круг, неслышно приближаясь к нему.

Мы зашли в это маленькое здание. Джон Черная Ворона спросил меня, не желаю ли я что-нибудь приобрести, а затем отошел к кассе и завел разговор с индейцем, слепым на один глаз. Я осмотрела все полки в надежде найти что-либо съестное. Единственными вещами, на которых можно было остановить свое внимание, оказались свиные шкварки, вяленая говядина и парочка коробок крекеров, завалившихся между канистрами с керосином, проволокой, шинами и сигарами. Я остановила свой выбор на крекерах и кока-коле. Подойдя к прилавку, я просила Джона, не хочет ли он чего-нибудь для себя, но тот лишь отрицательно покачал головой.

Саймон Долгое Безмолвие Эмерсон – именно так был представлен мне человек у прилавка – пригладил свои черные волосы с сильной проседью и сел на табуретку. Он улыбнулся и посмотрел на меня одним здоровым и одним серебристым глазом. Я протянула ему деньги и сложила еду в свой рюкзак. Джон продолжал стоять,

облокотившись на прилавок. Мне показалось, что он смеется над тем количеством еды, которое я приобрела.

Попрошавшись с хозяином магазина, мы побрели по дороге еще около мили, пока нашему взору не открылось крохотное поселение, состоящее из автоприцепов и дощатых домишек, окутанных неярким светом нескольких уличных фонарей.

- Вот мы и пришли, - сказал Джон, когда мы спустились со склона к маленькому одиноко стоящему домику.

Дом, принадлежащий Джону Черной Вороне, стоял между песчаными холмами, частично закрывавшими его от дороги, и канавой. Когда он открыл дверь и мы вошли вовнутрь, я поняла, что здесь не электричества. Единственная комната этого жилища освещалась керосиновой лампой. В неверном свете я различила две деревянные койки, стоящие у противоположных стен. В ногах у каждой койки, стоящие у противоположных стен. В ногах у каждой койки находилось по большому окну. Это были единственные окна в доме. Из одного окна открывался вид на холмы, из второго можно было увидеть ров с водой. Джон Черная Ворона указал мне рукой на койку, с которой была видна вода, и сказал, что я могу занимать ее.

Я сбросила на нее все свои вещи. Звук был такой, словно матрас был набит соломой. Кровать была покрыта хлопчатобумажным одеялом, на котором красовались изображения молний – желтых на синем фоне. В ногах лежали запасные одеяла. Джон зажег еще одну лампу, и я увидела, что на его одеяле изображены звезды, словно разрывающие изнутри.

В центре комнаты стоял недоделанный деревянный стол и две скамьи. У задней стены располагались высокая табуретка, газовая плита с двумя конфорками и два деревянных сундука. Задняя дверь находилась строго напротив входной двери. В тусклом свете я сумела различить свисающие с балок вязаные сумки, набитые, как мне показалось, сушеными растениями.

Джон Черная Ворона сказал, что мне стоит выспаться, так как утром мы с ним, возможно, предпримем вылазку в пустыню. Затем он объяснил, что «удобства» находятся на заднем дворе, сразу же за домом. Я достала пасту, зубную щетку и клетчатую пижаму и вышла во двор.

Я отыскала кран недалеко от рва, наполненного водой, искрящейся в лунном свете. Рядом с ним находилась кабинка для душа и туалет. Там же стояло несколько деревянных стульев, прислоненных к стене дома. Я отважно вошла в туалет и там натянула на себя пижаму.

Когда я возвратилась в дом, Джон Черная Ворона сидел за столом и тихонько хихикал себе под нос. Его смех немного покоробил меня, но все же я чувствовала себя совершенно спокойно, забираясь под одеяло. Я была полностью измотана дорогой, занявшей тридцать шесть часов. За все это время я ни разу не сомкнула глаз.

Матрас действительно был набит соломой. Джон распахнул окна, и нежный ночной ветерок овеял меня. Затем он загасил лампы, и я услышала далекий крик совы. Медленно проваливаясь в сон, я различала тихое пение Джона. В эту ночь мне впервые приснился сон о культуре Майя.

Я пробираюсь через лес вместе с Джоном Черной Вороной. Сквозь листву мы видим какие-то развалины – судя по тому, что мне известно из альбомов, это развалины Паленке. Мы идем по тропе. Мне кажется, что во сне я осталась сама собой, только мои волосы заплетены в длинную черную косу и на мне надета белая туника.

Вот мы подходим к поляне, на которой стоит высокий, мускулистый, уже немолодой человек, покрытый бронзовым загаром. Он также носит белую тунику. Его черные волосы подстрижены, с челкой, и он улыбается. Видно, что он ожидает нас с Джоном Черной Вороной. Мужчина говорит, что я сплю, и что именно благодаря этому они могут находить меня. Он представляется на языке Майя (который я каким-то образом понимаю), как Чуч Кахау – хранитель времени. Затем объясняет мне, что Джон

– Уай Кин – солнцеоборотень. Он говорит, что каждый из нас троих должен исполнить свою судьбу.

Дальше мы идем все вместе. Все вокруг цветет и источает аромат. Мы приближаемся к массивному каменному диску календаря, лежащему на земле между побегов винограда. Мужчина берет семена тамаринда и бросает их на каменный диск. Они катятся и останавливаются в желобках, образующих иероглифические надписи, словно шарик на колесе рулетки. Чуч Кахау просит меня прочесть «выпавшие» таким образом даты. Оказывается, что я могу разбирать майянские иероглифы. Одна дата – 4 мая – день моего рождения, вторая же дата – последняя цифра на календаре.

- Почему календарь обрывается здесь? – спрашиваю я, оборачиваясь к Чуч Кахау.

В ответ он делает мне знак – вновь посмотреть на календарь. Я вижу, что желобки иероглифов заполняются кровью. Вскоре кровь начинает течь ручьем у наших ног. Семена, брошенные на диск календаря, превращаются в прекрасных бабочек и улетают.

Раздается хлопающий звук, и я слышу, как говорит Чуч Кахау:

- Когда это произойдет, ты будешь знать. Разыщи Кукулкана.

Затем он делает на прощальный жест рукой и исчезает среди густой листвы.

Джон Черная Ворона углубляется в лес и находит там огромных размеров паутину с дырой в центре. Он показывает мне жестом, чтобы я следовала за ним сквозь эту дыру.

Пройдя сквозь дыру, я пробуждаюсь в своей постели. Первые лучи рассвета пронизывают последние минуты ночи в пустыне, и это видимо сквозь мое окно. Джон Черная Ворона сидит, скрестив ноги, рядом со своей койкой на маленьком коврик с изображением птицы – духа грозы. Он наигрывает беспрестанную мелодию на флейте из речного тростника.

- Это прекрасно, Джон, - сказала я, потягиваясь.

Прохладный утренний ветерок задувал в окно. Джон отложил в сторону свою флейту и улыбнулся в ответ. Эта музыка развеяла не только мой сон, но и мою печаль.

- Мне приснился совершенно невообразимый сон.

Перевернувшись на левый бок, я взглянула прямо ему в глаза:

- Мне снилось, что я вместе с тобой и еще одним индейцем иду по лесу.

Джон Чёрная Ворона просто кивнул головой, приглашая меня продолжить рассказ.

- В этом сне, продолжала я, - мы все были индейцами и я понимала язык Майя. Я видела древний календарь и оказалась в состоянии прочесть его.

Я оперлась локтем на постель.

Солнечный свет тронул гладкие снежно-серебристые волосы Джона Черной Вороны, которые сейчас свисали пышными прядями по обе стороны его лица. На нем до сих пор были его черные штаны и черная рубашка, а на орлином лице сохранилось то самое странное задумчивое выражение. Он вытянул одну ногу, а другую согнул в колене, подтянув ее к груди. Затем, откинувшись на койку, приступил к разбору моего сновидения.

- Мне кое-что известно об этом, - сказал он.

- Что? – не поняла я.

- Об этом сне. Что, если я скажу тебе, что ты не единственный человек, которому снятся пророческие сны вроде этого? Мне самому известны подобные сны. Они кое-что значат.

- Дума, что если ты был там... - начала я.

Но Джон лишь снисходительно улыбнулся и продолжал:

- Что, если я скажу тебе, что мне известен тот другой человек из этого сна? Именно так я и нашел тебя. Ты уверена, что мы встретились с тобой так просто?

Я просто онемела, глядела на индейца совершенно пустыми глазами. Я и раньше слыхала о подобном образе мышления, характерном для индейцев, но никак не думала, что мне придется столкнуться с ним так скоро. А может, и думала.

- Вероятно, - начала я, осторожно взвешивая каждое свое слово, - принимая во внимание все то, что происходило совсем недавно, я ничего не потеряю, слушая тебя и даже отчасти принимая все сказанное тобой. Не знаю даже как выразиться, но я пережила шок.

Он издал крякающий смешок и заявил:

- В древности люди обычно культивировали особые сновидения.

- Что означают подобные сны?

Во мне говорило нечто большее, чем простое любопытство.

- а как насчет завтрака? – решил изменить тему разговора мой хозяин.

- О, кажется, я умираю от голода!

Казалось, эта перемена темы доставила мне облегчение.

Джон Чёрная Ворона достал глиняный горшок из одного из сундуков, наполнил его водой и поставил на горелку, чтобы заварить травяной чай. Для этого он снял одно из сухих растений, свисающих с балки, и бросил его туда. На горелку он поставил такой же глиняный горшок, наполненный водой и кукурузной крупой. Из того же сундука он извлек две деревянные миски, на которых красовались стилизованные изображения бегунов, две керамические кружки, ложки, крупу, несколько фиников и какой-то мешочек из оленьей кожи.

Он похлопал ладность по скамейке, приглашая меня сесть за стол.

- Вначале покушай фиников и мясо, а затем кашу.

Он развернул целлофан, в который были завернуты финики, а затем раскрыл мешочек из оленьей кожи, в которой оказались кусочки сушеной оленины, покрытые слоем красного перца.

- Надеюсь, ты любишь вяленую оленину? – спросил он, расславляя на столе еду.

- Ох, обожаю! – воскликнула я, хотя никогда прежде не пробовала ничего подобного.

- Я сам охочусь на оленя.

Он встал из-за стола, чтобы притушить огонь под горшком с водой.

- А что в другом сундуке? – спросила я, но Джон Черная Ворона проигнорировал мой вопрос, разливая по кружкам коричневую жидкость.

- Хватает ли пищи? – спросил он наконец, выгибая брови.

- О Господи, ну, конечно же! – ответила я в сердцах.

- а там лежат мои игрушки, - вдруг ответил Джон Черная Ворона, покосившись на другой сундук.

Я решила на второй сундук с нескрываемым любопытством, пока он насыпал мне в миску кашу.

- Ешь, - сказал он, слегка хлопая меня по пальцам и пододвигая свою скамью к противоположной стороне стола, чтобы усесться поудобнее.

Некоторое время мы поглощали пищу в молчании. Когда с завтраком было покончено, Джон Черная Ворона поднялся и заявил:

- Помоги-ка мне убраться, а затем переоденься. Нам стоит прогуляться, до жары. Утром в пустыне есть на что посмотреть. Тогда-то мы и продолжим свой разговор насчет сновидений.

Мы шли вдоль ирригационного рва около часа, а затем стали углубляться в кустарник. Джон указал мне на следы на песке, напоминающие перевернутую буку «S».

- Это след гремучей змеи, - заявил он. – Змеи приползают ночью ко рву, чтобы попить воды. Днем же они сидят под камнями. Здесь множество разнообразных животных. А какое животное нравится тебе?

Он присел на ближайший валун.

Я облокотилась на тот же камень, обернувшись лицом к маленькому базару, видневшемуся вдалеке. Мне показалось, что я поняла скрытый смысл его вопроса.

- Дума, что кошка. Когда я была маленькой, мне часто снился один и тот же сон. Я – кошка, которая мчится сквозь ночную тьму по низким зарослям к реке. У меня всегда были черные пятна на темных передних лапах.

Я показала Джону Черной Вороне черное родимое пятно на своем левом предплечье.

- Когда я приходила к реке, там всегда стоял смешной маленький человек и пил воду. Я злилась и бросала ему на грудь, сбивая его на землю, он падал на спину, я, вместо того, чтобы схватить его за горло, начинала облизывать его лицо и осматривала его. Он начинал кричать, безумно испугавшись. Тогда я соскакивала с него и начинала пить воду, он же бежал по направлению к селению, вопя, что есть мочи.

Джон громко рассмеялся:

- Как по мне, это похоже на черного ягуара. Они водятся в той части Мексики, про которую тебе снился сон этой ночью. Большие кошки часто караулят свою жертву у водоема. Они бросаются на людей, но обычно не убивают их, а только калечат. А ты просто лизала его, ага?

- Откуда тебе все это известно про животных, Джон?

Меня очаровал его рассказ.

- Наша традиция учит нас сновидеть Животных Силы столь полно, что мы сами превращаемся в них в сновидении, где получаем силу и мудрость. Здесь такого человека считают чем-то вроде оборотня. Там, в Мексике, его называют нагвалем. Наши помощники также могут приходиться и рассказывать нам обо всем, что происходит, - обо всем добром и плохом, случающемся с нами. Ягуар – могучий маг. У тебя явно есть способности. Возможно, я расскажу тебе еще много о Сновидении такого рода, если ты пробудешь здесь еще некоторое время.

Джон вытащил из кармана платок, чтобы повязать его вокруг лба. Я почувствовала усталость и легкую грусть, вспомнив о том неопределенном положении, в котором я оказалась.

Мы перешли к другому валуну и устроились в его тени. Джон стал столь же тихим, как сам камень. Вначале я приписала его молчание надвигающейся жаре, но вскоре заметила, что и сама стала вести себя чрезвычайно тихо. Наконец я осознала, что он проник в глубины моей боли - это сделало его безмолвным. Я почувствовала, как к моим глазам подкатили слезы, но я не могла плакать. Зато я поплыла, поддерживаемая слезами, словно водой.

Я взглянула на Джона и увидела сверкающую энергию, которую он излучал. Комфорт. Я провалилась в него. Он понимал все.

Я погрузилась в такую тишину, что стала ощущать пузырьки, остающиеся между моментами существования, - казалось, вся жизнь растворялась в них. Я начала тихо всхлипывать.

- Не плачь. Уходи в безмолвие.

В голосе Джона журчала грусть.

Следующим утром, совершив прогулку по пустыне, занявшую несколько часов, и возвратившись в дом Джона Черной Вороны, мы подготовились к походу в город. Мы оба приняли холодный душ и вымыли волосы приготовленным заранее толченым корнем юкки. Я надела свои шорты защитного цвета, такую же рубашку, заплела в косу свои еще влажные волосы и надела соломенную шляпу, чтобы защитить лицо от солнечных лучей. На Джоне также была одежда цвета хаки – брюки и рубашка с короткими рукавами.

- Мы будем отлично смотреться вдвоем, - пошутил он и вставил в мочку уха коготь пумы в качестве серьги.

Джон повел меня из резервации по мосту. Простирающийся перед нами город Юма казался довольно современным. Он сказал мне, что здесь можно найти ковбойские бары, магазины здоровой пищи и мексиканские рестораны.

В зимний период многие пожилые люди перебираются в город в поисках тепла.

Мы вошли в тускло освещенный бильярдный салон, построенный в тридцатые годы, где с потолка свисали вентиляторы, а стены были украшены громадными портретами Кларка Гэйбла и Греты Гарбо. Мы заказали по стакану холодного чая и, усевшись на деревянные скамьи, стали наблюдать за игрой на бильярде. Джон Черная ворона рассказал мне, что в самые жаркие дни он обычно не покидает этого заведения.

- И в какую же часть Мексики ты собираешься ехать? – спросил он, отхлебнув чай.

- Думаю, что отправлюсь отсюда прямо на юг и остановлюсь в Юкатане. Мне ведь снились его развалины. Затем я возвращусь обратно. Кажется, в этом есть смысл? – ответила я, погружая нос в холодный стакан.

- Вроде бы неплохой план, - согласился Джон.

Какие-то ребята, похожие на военных летчиков, решивших расслабиться после службы, остановились как вкопанные посреди бара и уставились на «хорошенькую» девушку, сидящую рядом со старым индейцем.

- Не обращай на них внимания, - сказал мне Джон. – Для них я что-то вроде деревянного индейца в табачном магазине. Когда они встречают меня, то всегда шутят. Если они стану расспрашивать меня о тебе, я скажу, что ты моя племянница.

Но они не задали ни одного вопроса.

Самую жаркую часть дня мы провели здесь, слушая музыку, доносящуюся из музыкального аппарата, и болтая. Когда на дворе стало попрохладнее, мы сели в автобус, идущий до Сан-Луи-Рио-Колорадо, что у мексиканской границы. Не доходя до остановки, мы подкрепились маисовыми лепешками.

- Твое путешествие начнется с Сан-Луи. Когда ты будешь готова, я сам провожу тебя до границы.

Когда мы возвращались на автобусе в Юму, то проехали мимо плантации финиковых пальм резервации Кокопах. Джон открыл окно, чтобы пыльный, но свежий ветер смог обдуть наши лица, пока мы любовались закатом, расцветившим небо над ныне плодоносной землей бывшей пустыни невероятными красками.

Живя бок о бок с Джоном Черной Вороной, я старалась задавать ему поменьше вопросов о его прошлом. Его ответы всегда были предельно краткими. По его словам, он родился в конце прошлого века, и его бабушка, помнившая жизнь еще до западной экспансии, научила его множеству разных вещей. Мать Джона умерла, когда тому было одиннадцать лет, и он остался круглым сиротой. Затем его, индейца из Юмы, послали учиться в начальную военную школу. Во время мексиканской революции 1910 года он отправился назад, в Мексику, чтобы сражаться за земли индейцев. Там он и похитил молодую индианку, чтобы жениться на ней. Незадолго до похищения она родила ребенка, и тот умер во время ее отсутствия. Узнав об этом, Джон торжественно возвратил женщину ее племени. Из-за этой трагедии он больше никогда не пытался жениться, и у него не было детей. Через несколько лет Джон Черная Ворона возвратился в Аризону.

Что касается моего прошлого, Джона интересовало лишь место моего рождения и то, как выглядела моя родина. Он внимательно выслушал историю обо мне и Ричарде Моррисоне и выразил уверенность в том, что Ричард и я были связаны договором Силы, который «приведет меня на одну с ним тропу» - имен так он сформулировал свою мысль.

Я чувствовала, что Джон ценил наш с ним контакт гораздо выше, чем это можно выразить словами, но он почти ничего не говорил об этом. Никогда прежде я не встречала столь пронзительно одинокого и сильного существа.

Однако мы постоянно возвращались к разговору о сне, посетившем меня в первую ночь, проведенную под кровлей его дома. Джон не хотел мне говорить о его значении, хотя я чувствовала, что ему оно известно. И все же во время наших бесед он открывал мне определенные Сновидческие практики, и это возбуждало во мне любопытство – желание побольше узнать о вещах такого рода. Но пока я была довольна просто фактом нашей дружбы. Воспользовавшись предложением Джона, я согласилась оставаться вместе с ним

на неопределенный срок в одном из самых жарких мест на земле. В конце концов, я была, как и он, совершенно одинока.

Джон Черная Ворона был молчалив от природы. Он не ворочался на кровати во время сна. Он не делал случайных движений и в бодрствующем состоянии, не ронял лишних слов. Мы могли целыми днями обходиться без слов – и лишь глубже постигали друг друга. Я обычно сопровождала его во время прогулок в пустыню, в город или вдоль ирригационных каналов. Он не работал летом, но занимался временными подработками в другое время года.

Когда нужно было выполнять работу по дому, мы делали ее вместе и Джон терпеливо обучал меня. Кроме всего прочего я научилась чистить рыбу, искать мидии, сушить фрукты и растения, разгребать песок и играть на флейте. Как-то Джон приобрел доску и мел, чтобы я могла помогать детям Юмы изучать английский. Иногда Джон ложился под деревом и начинал петь. Это привлекало детей, и они собирались у края круга, образованного его голосом. Затем они вскакивали и, подбегая ко мне, просили написать какое-нибудь слово на маленькой доске.

Джон Черная Ворона и я часто просиживали часами, не шевелясь из песчаника, напоминающие закутаные в плащи человеческие фигуры, меньшая из которых прислонялась к большей. Мы могли смотреть на реку, пока не растворялись в ней, или наблюдать за цаплями, парящими в небе, а затем спускающимися к воде в поисках моллюсков. Часто мы ложились под деревьями, обратив к небу свои лица, и следили за облаками или устремлялись в своем воображении за стайей ворон.

Джон тихо пел. Постепенно мы превращались в песчаник, в реку, в цапель, в тучи и в ворон.

Я слышала, как индейцы из резервации перешептываются друг с другом о Сновидческой Силе. Они догадывались о том, что Джон делает со мной. Когда я становилась «совершенно безмолвной», а мир «останавливался» (именно так называл это Джон), он демонстрировал мне круговые движения рукой и кистью, которыми можно было «тащить и обращать по кругу» энергию. Эти движения напоминали мне заклинания над дымящимся котлом.

Затем меня посвятили в Сновидение – Сновидение сна и Сновидение бодрствования – в обращающуюся передо мной спираль, пропускающую через себя воздух, пропускающую через себя воздух, воду, облака, энергию и саму землю. Вначале мы практиковали с колоннами из песчаника. Джон Черная Ворона сказал, что я должна пропустить их сквозь спираль и попытаться манифестировать их в ином месте. Не знаю, чем это объяснить – абсолютным безмолвием, силой его присутствия или даже моим собственным сновидческим миром, – но его слова были мне совершенно понятны.

Джон рассказал мне, как он притягивает к себе энергию через темный туннель или лежа под спиралью в пирамиде. Его объяснения были совершенно фантастичными и могли восприниматься лишь через глаз, находящийся между бровей. Тогда я вспомнила об ощущении, испытанном мной в поезде, идущем сквозь туннель, когда я ехала в Юму. Это было так похоже на описания переживаний во время клинической смерти – «света в конце туннеля». Все сомнения относительно его методов окончательно рассеялись, так как это было подтверждением силы техник Джона. Со временем я начала ощущать светящуюся серебряную нить энергии, исходящую из моего пупка. Чтобы я ни «тянула», оно где-нибудь да взорвется физической манифестацией, а затем начнет расти, циркулировать и развиваться.

Иногда я задумывалась над тем, что это за существо, способное идти этой дорогой. Однажды мое любопытство победило. Мы лежали ночью на своих кроватях, окна были открыты. Я встала и на цыпочках подошла к нему. Джон Черная Ворона лежал на спине – безмолвный, как скала, и столь же неподвижный. Я легла рядом с ним и почувствовала мускулистость его тела. Вдруг я увидела серебристо-золотистый свет под его закрытыми

веками. Глазные яблоки обратились в моем направлении. Я прижалась к нему еще плотнее.

Ощущение было таким, словно я находилась рядом с римской свечой». Золотая энергия, хлынувшая из него, обволокла меня, словно одеяло. Я растворилась, превращаясь в золотое озеро, покрытое рябью, пульсирующее осознанием своего собственного осознания. Мы так и оставались вместе – сплетенные в этой энергии, - пока не взошло солнце и мы не открыли глаза. Впервые я опередила его на секунду.

Таков был Джон Черная Ворона. Наш танец был элегантен, интимен и утончен. Он проходил почти в полном молчании. Мы растворялись друг в друге. Мы сгорали друг в друге. Никогда прежде в своей жизни я не сливалась с другим существом столь полно и столь мощно. Говорить о наших отношениях как об обычной любви – все равно что сравнивать свет электрической лампочки с солнечным светом.

Мы оба знали, что мне предстоит завершить путешествие. Мы оба знали, что между нами существует нечто безмерное. Оно будет существовать всегда. Он говорил на моем языке лучше всех, и я была единственной, способной до конца понять его язык. Как и обещал, Джон однажды проводил меня до границы – до Сан-Луи-Рио-Колорадо.

- Иди. Ищи. Делай. Будь. Возвращайся, когда Дух прикажет тебе, - сказал он. – Ты найдешь меня здесь.

Был прекрасный прозрачный день. Мне хотелось побыть с ним подольше, и я взяла его за руку. Я была пленена им и думала о том, до чего я люблю его, до чего верю ему. Затем во мне зашевелилось непривычное любопытство, и я посмотрела на мост, ведущий в Мексику через реку Колорадо. Когда вновь повернулась к нему лицом, Джон Черная Ворона положил что-то мне на ладонь.

Он оставался стоять на краю моста, пока я переходила реку, пока мы не стали друг для друга крохотными точками. Я разжала кулак перед пограничным пунктом. На моей ладони лежала серьга Джона – коготь пумы.

Глава третья

Войти в старую Мексику для молодой, недавно «овдовевшей» женщины было подобно жертвоприношению. Грубые мужчины в соломенных шляпах, готовые заявить свои «права» на любую женщину, стояли на пыльных улицах, идущих вдоль приземистых замызганных домов. Некоторые из них пялились на меня и что-то кричали вслед. После долгих расспросов я, наконец, добралась до железнодорожной станции. Поезд готов был вот-вот отойти.

Ничто не может подготовить тебя к поездке на мексиканском поезде второго класса, если ты раньше никогда не ездил мексиканскими поездами второго класса. Я уселась на сиденье – и тут же обнаружила, что ближайшее окно разбито, а ночью в пустыне становится холодно. Все остальные сиденья были заняты скромными мексиканками из деревень, их детьми и их загорелым мужьями в соломенных шляпах и грубых башмаках. Собственно говоря, эти деревянные скамьи со спинками трудно было назвать «сиденьями».

Мне сказали, что поезд второго класса идет в Мехико-Сити в два раза дольше, поезд первого класса, так как сдать было бессмысленно – весь этот тридцатишестичасовой переезд стоил около десяти долларов. Оглядевшись по сторонам, я обнаружила, что все пассажиры приготовились к путешествию на совесть. Почти у каждого был пластиковый мешок, набитый туалетной бумагой, тонкими одеялами и влажными тряпками для вытирания рук и лица.

Более примитивная жизнь, Мексики, казалось, вполне подходила к моему состоянию, однако культурный шок был совершенно оглушительным. Поезд набрал скорость и пропыхтел по мексиканской пустыне около часа, затем стал останавливаться каждые тридцать минут до конца поездки.

Как только поезд прибывал на станцию, в вагоны врывались толпы торговцев с пластиковыми тазиками, набитыми вещами домашнего изготовления. Они кричали на все голоса: «Tamales calientes!», «Churros!», «Cerveza fría!»*. Некоторые кушанья выглядели довольно аппетитно, и мои соседи одобрительно заулыбались, когда я не выдержала и купила несколько куриных тамали. Какая-то пожилая женщина достала из своего кулёка влажную бумажную салфетку и протянула ее мне.

Посещение уборной (если это, конечно, была уборная), оказалось настоящим испытанием. В ней стоял смрад и не было воды. Поскольку уборными часто пользовались, а езда на поезде была тряской, они скорее походили на стойло. В уборной, в которую я вошла, пол был влажным и липким. Я мгновенно сделала свое дело и, распахнув дверь, не останавливаясь, выскочила наружу, отчаянно хватая ртом свежий воздух. Мексиканцы с интересом смотрели на меня и добродушно смеялись. Вечерело, и товары торговцев, ходящих по вагонам, стали иными. Сейчас они предлагали тонкие одеяла и крепкий кофе с сахаром. Далеко на востоке появились горы, но мы все еще ехали по пустыне. Я решила купить одеяло за десять долларов, но спать не могла и развлекалась тем, что пила кофе на каждой остановке.

За ночь наряды моих спутников изменились – они приобрели более южный вид. Вместо башмаков на ногах появились самодельные сандалии – хуарачи. Тамали также стали иными – они были завернуты в сочные гладкие банановые листья и фаршированы овощами. Я объедалась этими новыми тамали.

На восходе мы оказались в тропической горной местности. Листва колыхалась у самых окон вагонов. В утреннем воздухе висел туман. Это был Тепик штата Найрит, на полпути до Мехико-Сити.

Местные люди были проще и даже дружелюбнее северян. На крепких плечах женщин красовались шали, которые они называли «ребозо». Их руки были бронзовыми и сильными. На севере цвета ребозо были более тусклыми, а одежда, несмотря на простоту, имела более городской вид. Сидящая напротив женщина наклонилась вперед, чтобы поведать мне о том, что поезд повернет на восток после того, как минует Гвадалахару, и продолжит идти в том же направлении, пока не достигнет Мехико-Сити. Я задумалась о том, будет ли просто добраться оттуда до Паленке, сколько времени займет дорога и ходят ли туда поезда первого класса с мягкими сиденьями и целыми стеклами на окнах.

Поздно вечером поезд прибыл на современную станцию «Дистрикто Федерал», как называют свою столицу мексиканцы. Езда по самому городу заняла полтора часа. У меня сложилось впечатление, что Мехико-Сити совершенно безграничный, запутанный и абсолютно варварский город. Этот ацтекский муравейник столь колоссален, что не может быть постигнут никем, кроме Коатлике – богиней разрушения-созидания, - некогда породившей его.

Древняя столица ацтеков, на месте которой был позднее построен Мехико-Сити, называлась Теночтитлан и была заложена там, где ацтеки увидели пророческое видение. По преданию, они должны были построить свой главный город там, где увидят пожирающего змею орла, который будет сидеть на кактусе посреди озера. Ацтеки были многочисленны, жестоки и воинственны. Они были одержимы идеей смерти. Мехико-Сити впитал в себя их неутолимый голод

Главный вокзал столицы был полон кипучей деятельности. Там можно было найти большие доски расписания движения поездов во всех направлениях. На доске с расписанием южного направления я обнаружила поезд, направляющийся в Паленке. Он должен был отойти в полночь. Сейчас же было около девяти вечера, и я решила обождать на вокзале и отправиться в Паленке этой же ночью. Я подошла к кассам южного направления и попросила клерка продать мне билет первого класса в одну сторону до Паленке. Тот ответил мне, что все билеты на этот поезд первого класса и что в нем есть еще

* Соответственно: «Горячие тамал» (мясо в кукурузной муке, запеченное в кукурузных листьях), «Жареные пирожки», «Холодное пиво» (исп.). - Прим. перев.

несколько пульмановских вагонов. Я не спала уже двое суток и потому тут же воспользовалась возможностью проехать в одноместном купе с отдельным туалетом.

Ожидание не было особо томительным, так как у меня была возможность свободно передвигаться. Я зашла в ресторан и заказала куриные энчилады* и чашку атоле – горячего напитка, приготовленного из кукурузной муки и приправленного ванилью, корицей или шоколадом. Подкрепившись, я отыскала нужную платформу, на которой осталась стоять в ожидании поезда. Люди, стоящие рядом со мной на платформе, были новым для меня типом мексиканцев. Они носили белые штаны и белые рубахи навыпуск, а на ногах – сандалии. У некоторых были мачете и вязаные сумки. Большинство женщин были одеты в свободные белые платья, расшитые яркими нитками, а их головы украшали вязаные цветастые шарфы.

Мне сразу бросился в глаза один мужчина. Он был среднего роста, загорел, подтянут и мускулист. На нем были свободная рубаха, штаны и сандалии, но рубаха была бирюзового цвета, а не белого, как у большинства. Его соломенная шляпа с маленькой кисточкой из лошадиных волос, болтающейся сзади, живо напомнила мне головные уборы вьетнамских крестьян, работающих на рисовых полях. Через его плечо была переброшена вязаная сумка, набитая сушеными растениями. Думаю, что он заметил краем глаза, как я наблюдала за ним.

Внезапно он обернулся ко мне, снял свою соломенную шляпу, приветственно взмахнул ею и прижал к груди. Его иссиня-черные пряди волос закачались чуть ниже желваков, а челка почти полностью скрыла лоб. Его улыбка оказалась широкой и белозубой – от уха до уха. Мочки ушей были украшены маленькими яшмовыми серьгами. Яшмовые же бусы свисали с его шеи.

Я не могла поверить своим глазам – этот индеец так проходил на человека из того сна с Джоном! Я уронила сумки и просто уставилась на него с открытым ртом. Мои ладони вспотели, а под ложечкой засосало. Я решила, то это сходство всего лишь плод моего нервного истощения. Вдруг я почувствовала урчание в кишках и понеслась в туалет. А он просто стоял и улыбался, наблюдая за тем, как я заворачивала за угол здания вокзала.

Когда я, крадучись, возвратилась обратно и выглянула из-за угла, то увидела, что мужчина стоит на прежнем месте, возясь со своим мешком. Он вновь поднял глаза и посмотрел прямо на меня, пытаясь завязать свой большой сверток пеньковой веревкой. Он послал мне улыбку из-под полей своей соломенной шляпы, а затем, выпрямившись, шагнул ко мне. Я стояла неподвижно – словно парализованная. Вдруг он остановился, чуть подняв голову, и стал прислушиваться к объявлению об отправке поездов.

Несколько юношей в белых рубашках на выпуск подбежали к нему и что-то начали тараторить на каком-то неизвестном мне языке, изобилующем шелкающими звуками и слогами «ик», «ак» и «ук». Мне показалось, что они относятся с почтением к своему собеседнику. У всех были короткие черные волосы и точеные носы, напоминающие птичий клюв. Могу поклясться, что, обращаясь к нему, они произносили слово «Чуч» - майянского имя из моего сна. Они подхватили его мешок и занесли в вагон.

На платформе вновь раздалось объявление о скорой отправке поезда, и я торопилась в свой пульмановский вагон, который оказался следующим за тем, в которые вошел столь заинтересовавший меня незнакомец. Как только поезд тронулся, я переделась в пижаму и забралась на койку. Я слишком устала, чтобы размышлять о событиях сегодняшнего дня. Мы отъехали от Мехико-Сити, и все погрузилось во тьму. Стук колес постепенно убаюкал меня.

Утром мое купе показалось мне теплыми и уютным. Я высунула голову из двери, и проходящий мимо кондуктор сказал, что ехать до Паленке осталось около десяти часов. Местность, по которой мы ехали, была покрыта густой растительностью. В окнах то и

* Enchilada – маисовые лепешки, в которые обычно завернут сыр или мясо, политые острым пряным соусом. – Прим. перев.

дело мелькали станции и городки. Проспав половину пути, я вдруг ощутила приступ голода, и потому, помывшись и переодевшись, я тут же вышла в следующий вагон, где стала поджидать торговцев.

В вагоне первого класса были зачехленные виниловые сиденья и окна с целыми стеклами. Здесь также было заметно чище, чем в вагоне второго класса. Этот поезд, как и было сказано, не останавливался столь часто, как поезд, на котором я добиралась до Мехико, и потому мне пришлось подождать, пока он не сделает остановки в следующем большом городе. Я стала медленно идти по проходу в поисках свободного места. Вскоре я заметила человека, привлекшего мое внимание на вокзале в Мехико, и его спутников, занявших места в середине вагона. Они увлеченно щелкали фисташки. Мужчина улыбнулся мне, и я, сделав вид, что не заметила этого, проследовала дальше по проходу. Однако вскоре оказалось, что единственное свободное место в вагоне находится напротив него. Я обернулась, и он похлопал рукой по пустому сиденью, приглашая меня сесть, и тут же сплюнул фисташковую скорлупу в другую руку.

- Проголодалась, девчушка? – спросил он по-испански с каким-то странным акцентом, как только я уселась напротив.

- Надеюсь, что скоро смогу съесть тамали, - ответила я честно.

Мой собеседник и его спутники залились веселым смехом.

- Возможно, вам предложат тамали из листьев юкки, фаршированные миндалем.

Пробовала такие? Это мое любимое блюдо.

Откуда-то сзади донесся голос одного из его спутников:

- А я люблю ананасные тамали с изюмом.

Мужчины заулыбались.

- Это мои племянники: Элихио, Тиофило и Игнасио, - сказал старший из них, обращаясь ко мне. – Они же зовут меня Чон. Все они родились рядом с Паленке, но сам я родом из провинции Таисал, или Гватемалы, как это сейчас называется, - совсем рядом с развалинами Тикала. Слышала о таких?

- Это одна из причин, по которой я приехала в Мексику.

- Ну да! – воскликнул Чон, подняв брови в поддельном изумлении.

- Да, - продолжала я, - мне хочется посмотреть на то, что было, а не на то, что есть. Я сама услышала, как невесело звучит мой голос.

- Верно, - согласился Чон. – Именно для этого стоит сюда приезжать. Вокруг все меняется, а храмы по-прежнему остаются бесценными!

В голосе Чона звучали сильные чувства. Мне интуитивно понравился этот человек.

Поезд остановился во влажном городе, расположенном на холмах, который назывался Сан-Андрес-Тукстла. Это был штат Веракрус. Вскоре в вагоне появились торговцы тамали.

- Эти тамали из Юкки! – воскликнул Элихио.

Он купил тамали на всех и поблагодарил продавца.

- Хорошо, что мы знаем, что стоит брать, - стал объяснять Чон, - здесь живет множество колдунов, и кто знает, что они могут положить в пищу.

Я решила пропустить этот комментарий мимо ушей и с аппетитом налегала на тамали, пока поезд пыхтел по горной местности, которую индейцы пуэбло называли «Tuxtlas». Вся наша группа притихла на несколько минут, занятая поглощением тамали. Затем наши взоры обратились к окнам, за которым мелькала сочная зеленая растительность.

- Здесь очень высокая влажность, - произнес Чон. – Много влаги – значит, много москитов.

- Москиты не особенно любят меня, - тут же ответила я, поворачиваясь к нему лицом.

- О, но эти полюбят! Есть ли у тебя сетка от москитов и гамак?

Нет, я собиралась остановиться в гостинице.

- Тебе не понравится там, - заявил Элихио, - там нет свежего воздуха.

Чон уставился на меня с широко открытыми глазами.

- Что? Да гостиница слишком далеко от развалин. Между Паленке и ближайшей гостиницей не менее семи миль. Ты сможешь посещать развалины лишь в дневные часы. А лучше всего приходить туда либо рано утром, либо с наступлением сумерек – когда вокруг никого нет. Индейцы майя так всегда и поступают.

- Но я никого не знаю, кто мог бы приютить меня, - я прекрасно понимала, к чему могут привести эти слова и что я должна быть осторожна.

- Моя сестра, Эсмеральда, мать этих ребят, - Чон кивком головы указал на своих племянников, - владеет маленьким ресторанчиком, находящимся примерно в миле от этих развалин. Именно туда мы все сейчас и направляемся. Я остановлюсь там на время, а ребята отправятся по домам. Ты можешь тоже оставаться с нами.

- О, но я, наверно, не смогу. Я ...

Тут я остановилась и в замешательстве отвела глаза.

- Ну, конечно же, можешь! Тебе мало что известно о нас. Вот почему ты чувствуешь себя не в своей тарелке. Понимаю, но незнакомцы часто живут бок о бок, - заявил Чон.

- Дядя Чон – целитель, - гордо объявил Игнасио. – К нему съезжаются люди из всей Майи и часто остаются там на несколько дней. У моей мамы как-то даже остановился археолог из университета. Она привыкла к этому – поверь мне. У дяди Чона есть даже своя собственная хижина, где он принимает пациентов. Если она свободна, ты сможешь воспользоваться ею. Там ты будешь совершенно одна.

Казалось, Чона немного смутила откровенность его племянника. Как только Игнасио закончил говорить, он повернулся ко мне:

- У нас есть гамак и сетка от москитов. Ты сможешь платить моей сестре за еду. Она прекрасная повариха. В миле от хижины находится водопад – прекрасно место, чтобы купаться. А мы сможем обследовать развалины по вечерам – когда все пациенты уходят. Я – отличный гид и не потребуую высокой платы за услуги.

Его предложение показалось мне искренним, а сам Чон производил впечатление доброго и порядочного человека. Его племянники также были хорошо воспитаны. Я слышала, что в Мексике «mi casa es su casa» (мой дом – твой дом) было в порядке вещей и что отказ от искреннего приглашения считался чуть не оскорблением. Несмотря на некоторое чувство неловкости, я все же приняла предложение. В ответ на это племянники радостно заулюлюкали и дружно заявили, что, когда их дядюшка будет слишком занят со своими пациентами, они с радостью будут водить меня по развалинам.

- Как только жители нашего района проведуют о том, что дядя вернулся, они начнут съезжаться к нам, - заявил Теофильо, присаживаясь рядом со мной.

- Я навещал своего друга, живущего в Толуке, в штате Мехико. Вот каким образом я оказался на вокзале, - добавил Чон. – Мой друг – травник. Он собирает лекарственные растения, которые можно найти только в той местности. Он всегда дарит мне большую коллекцию, когда я проведываю его. Вон она – там, в мешке.

Тут губы Чона тронула чуть заметная лукавая улыбка.

Пройдет более восьми часов, прежде чем мы прибудем в Паленке. Племянники Чона достали с багажных полок свои соломенные шляпы и натянули их на самые брови, прикрыв полями лица, чтобы им ничто не мешало спать. Я извинилась и возвратилась в свое купе, чтобы сделать то же самое. Около семи часов вечера кондуктор, постучав в дверь, объявил о прибытии поезда. Я в это время как раз поела очередную порцию тамали.

Я быстро завершила трапезу, упаковала вещи и вышла в соседний вагон, чтобы присоединиться там к Чону и его племянникам.

На платформе нас окутала влага. Сумеречный свет, просочившись сквозь джунгли, имел зеленоватый оттенок. Симпатичная крепкая женщина средних лет, с доходящими до

ее сильных бедер черными косами, в которых виднелись серебристые пряди, приветливо помахала нам рукой. Широко улыбаясь, она неторопливо направилась к нашей группе. Ее кожа была ни слишком темной, ни крайне бледной – она просто светилась. На ней был свободное белое платье с плетеными вставками на груди и коротких рукавах, а на ногах были надеты пластиковые сандалии.

- Что происходит, Чон, - спросила женщина по-испански, подходя к нему и целую в щеку, - она как, с тобой?

При этом она обернулась ко мне и широко улыбнулась.

- Да, Эсмеральда. Знакомся, Мерилин, это моя сестра.

Они до того не походили друг на друга! «Над этим должны часто подшучивать», - подумала я.

- Она будет жить в хижине? – игриво поинтересовалась Эсмеральда.

- Да, - ответил Чон.

- Что ж, добро пожаловать, - обратилась ко мне Эсмеральда, качая головой, и тут же снова заговорила с Чоном: - Чон, тебя ожидает женщина с ребенком. Я думаю, что у него *susto* (испуг).

Затем, вновь оглянувшись на меня, женщина чмокнула в щеку каждого из своих сынков и решительно зашагала вперед. На автобусной остановке мы завели вежливый разговор.

- Когда мы окажемся дома, я приготовлю вам поесть кое-что замечательное, - патетически заявила Эсмеральда, словно речь шла не о пище, а о волшебном искусстве любви.

Казалось, ее сердце готово было вырвать из груди, и женщина прижала к ней руки. Она обладала невероятной красотой и грацией. Я поняла, что приняла правильное решение.

По дороге из города мы прошли мимо большой статуи. Это был бюст знаменитого правителя Паленке, Пакаль Вотана, построившего подобный египетским пирамидам Храм Надписей, который должен был послужить ему склепом. На его голове красовался головной убор из перьев, а черты лица были утонченными – классически майянскими.

Ресторан Эсмеральды назывался «*Antojitos Mayas*». Это было небольшое здание под тростниковой крышей, полностью открытое с одной стороны. С потолка свисали вентиляторы, под которыми стояли маленькие деревянные столики. Меню каждый день писалось мелом на черной дощечке и состояло в основном из майянских и мексиканских блюд. В среднем каждое блюдо стоило три доллара. Столько я ей и платила за свое питание. За проживание с меня денег не брали. Чон оказался прав. Она была прекрасной кулинаркой. В первый наш вечер она подала к столу суп-пюре и жареную дикую индейку с голубыми тортільяс, политую соусом из тыквенных семечек. После того как я три дня питалась одними тамали, такой прием показался мне истинным пиром.

Все майянские хижины имеют одинаковую форму, однако их размер может значительно варьировать. Например, Еточ, как его называют, не имеет окон, а только переднюю и заднюю дверь. Стены либо сделаны из тростника, либо построены из плетня и обмазаны глиной, крыша же всегда тростниковая. В такой хижине всегда царит прохлада и темень. Гамаки привязываются к крепким вертикальным столбам – очень практично. Вокруг дома обычно растут фруктовые деревья, находятся *milpas* – посадки злаков, душистые цветы. Невдалеке пасутся животные. Кухня, которая стоит отдельно, обычно оснащена каменной или цементной плитой, в которой жгут дрова, а также деревянным столиком, глиняными горшками и тому подобным.

Хозяйство Эсмеральды состояло из большой тростниковой жилой хижины, маленькой, тростниковой же, хижины для приезжих, уютившейся рядом, и ресторана, стоящего несколько поодаль. В саду росли манковые деревья, авокадо и пурпурная бутенвиллея, между которыми обычно разгуливали куры и индюки. Ее *milpa* находилась за несколько миль отсюда. Местность была очень красивой – словно странный сон.

Глава четвертая

Моя первая ночь, проведенная в гамаке в джунглях, показалась мне совершенно удивительной. Странное состояние, когда мне казалось, что я ничего не вешу, было очень умиротворяющим. Сквозь открытую дверь то и дело влетал ветер, нежно раскачивающий гамак. Странные звуки джунглей совершенно пленили меня. Некоторые были очень красивыми – особенно запомнился птичий крик, напоминающий звук камушков, падающих в воду. Концерт же цикад оказался совершенно оглушающим. Некоторые звуки вызывали в уме образы призраков, крадущихся в тени. Обезьяны-ревуны были, мягко говоря, совершенно бестактны. Так как они сидели высоко на деревьях, их крики, напоминающие звериный рык и звуки трубы одновременно, заполняли все пространство. Время от времени вся эта какофония неожиданно стихала, словно жители джунглей задумывались на минуту, трубят ли они тревогу или просто передразнивают друг друга. Эта ночь в Эдеме совершенно очаровала меня.

Проснувшись утром, я почувствовала себя совершенно отдохнувшей. Как только я оделась и вышла из своей хижины, я тут же увидела Эсмеральду, одетую в вышитое платье. Она кормила кур у ресторана. Ее сияющая бронзовая кожа порозовела от купания, а косы все еще были влажными. Индейцы Майя, живущие в джунглях, обычно купаются по несколько раз в день. Чон черпал дождевую воду из бочки большим ковшом.

- Доброе утро! – пропела Эсмеральда, рассыпая крупу, которую тут же склевывали куры.

- Доброе утро тебе, - ответила я, направляясь к хозяйке.

- Скоро мы перекусим. Если хочешь искупаться, то можешь воспользоваться вон тем ведром. Я все время буду в ресторане, так что можешь прийти поболтать, когда захочешь, но думаю, что сегодня ты проведешь день с Чоном – он хочет, чтобы ты посмотрела, как он врачует людей. Что ж, посмотри, как делаются дела в этой части мира. Не переживай, скоро ты привыкнешь к здешнему ритму. Мне почему-то кажется, что жизнь здесь течет куда медленнее, чем там, у вас.

Эсмеральда вновь улыбнулась и указала пальцем на Чона.

- Пойди-ка, посмотри, чем он занимается сейчас. Он готов приступить к подсчету.

Я обернулась и посмотрела на Чона, который расставлял под деревом стол и несколько маленьких стульев. Приблизившись, я заметила, что крышка стола украшена шахматным рисунком – приблизительно двадцатью красными и двадцатью черными квадратами. Чон уселся на одном из стульев.

К нему приблизился коренастый мужчина.

- Привет, Чач! – закричал он.

Чон встал со стула, и мужчины обменялись рукопожатиями. Затем они опустились на стулья – лицом друг к другу. Я сделала еще несколько шагов в их направлении и, присев на пень, стала наблюдать за ними. Чон высыпал из мешка на стол какие-то кристаллы и бусинки кораллов.

- Что же ты хочешь узнать? – обратился он к коренастому мужчине.

- У меня что-то не складывается здесь жизнь, - заговорил тот. – Возможно, мне стоит взять жену и поехать с ней в Писте, откуда она родом? А может быть, лучше оставить ее здесь, а самому пойти работать проводником по джунглям к развалинам Бонампака, как посоветовал мне один друг? В таком случае я буду проводить большую часть времени все дома, но смогу отсылать деньги семье.

Чон начал раскладывать камешки в маленькие кучки по квадратам. Завершая каждую кучку, он бормотал несколько слов, заканчивающихся на «ик», - словно молился.

Все это походило на какое-то математическое гадание. Закончив возиться с кристаллами и кораллами, он поднял глаза, на своего клиента.

- Ты сделаешь и то и другое, - сказал он. – Бери свою жену и детей и отвози их к ее матери в Писте. Там они смогут легче прокормиться за меньшие деньги, а твоя жена

сможет ухаживать за матерью, которой вскоре это потребуются. Затем ты сможешь устроиться проводником, пока не подвернется что-нибудь получше.

Мужчина явно обрадовался и стал рассыпаться в благодарностях перед Чоном, несколько раз хватая его за руку и крепко поживая ее. Попрощавшись с посетителем, Чон сгреб кристаллы обратно в свой мешочек и подал мне знак следовать за ним.

- Идем-ка перекусим, пока сюда не явилось слишком много народу, - сказал он мне.

На завтрак Эсмеральда подала свежий ананасовый сок, папайю, яичницу, густо приправленную красным перцем, и маисовые лепешки. Мы ели, и Чон утирал пот со лба каждый раз, как откусывал кусочек от стручка красного перца.

- Перец очень полезен для зубов, - объяснил он мне.

- А что это была за процедура с камешками? – спросила я, когда Эсмеральда принесла еще лепешек.

- Наш Чон – Чуч Кахау, - произнесла Эсмеральда ровным голосом, - это означает, что он глава или хранитель священного счета в языке нашей линии. В Тикале – в том месте, откуда мы родом, всевозможные пророческие вычисления сохранились с древности до наших дней. Войдя в состояние Сна и используя вычисления, Чон способен ответить на любой вопрос о будущем.

Она с гордостью посмотрела на Чона и, улыбнувшись, добавила:

- Он никогда не ошибается. Он видит людей насквозь – их мотивы, их энергию, их склад ума. Ты сама убедишься в этом сегодня.

Я почтительно слушала женщину, жуя папайю. Чон и Эсмеральда переглянулись. В эту минуту к столу подошли Элихио, Тиофило и Игнасио. Вначале они поздоровались с матерью, затем с дядей и уж потом со мной, как с давней знакомой.

- Как тебе здесь понравилось? Красиво? – спросил меня Тиофило.

- Да! – воскликнула я искренне, набивая рот папайей.

Все дружно захохотали.

- Решили прийти, поздороваться с вами, прежде чем отправиться на работу, - добавил Элихио.

- А чем вы занимаетесь? – спросила я, потянувшись за лепешкой.

- Мы – проводники, к тому же иногда работаем на полях или помогаем археологам на раскопках, - ответил за всех Игнасио.

- Вы завтракали? – спросила Эсмеральда.

- Да, мама, конечно, - в один голос ответили сыновья.

Трое юношей согласились выпить по чашке кофе. В этом я узнала традицию позволять человеку, которого ты посетил, сделать хоть что-нибудь для тебя, независимо от того, действительно хочешь ты этого или нет.

- Что ж, - сказал Элихио, приглаживая свою белую рубашу и поднимаясь из-за стола, когда все братья закончили пить свой кофе, - пора идти. Осмотр развалин начинается рано. Я знаю, что дядя собирается отвести тебя туда сам, но если тебе потребуется наша помощь, сразу же скажи. Мы всегда будем рады сделать для тебя все, что в наших силах.

Завершив свою речь этой галантной фразой, он поцеловал мать, попрощался со мной за руку, сгреб со стола несколько лепешек и вместе с другими братьями вышел на улицу.

Несколько молодых майянских девушек пришли в ресторан, чтобы приступить к работе. На них были надеты красивые синие хлопчатобумажные юбки и белые блузы с вышивкой на плечах. Эсмеральда направилась к ним, а мы с Чоном оставались сидеть за кухонным столом. Вдруг я ощутила, как во мне проснулись какие-то странные чувства. Я тут же встала из-за стола и, должно быть, покраснела.

Подняв лицо, я увидела, что Чон смотрит на меня с пониманием и улыбается.

- Чуч Кахау? – спросила я его.

В этот раз отвернулся он.

- Да, ответил Чон мягко, - а ты разве не знала?

По его лицу стала расплываться улыбка.

- Возможно, и знала, - нервно ответила я, хрустя лепешкой.

- Мы давно знаем друг друга, - успокаивающе заявил Чон, вставая из-за стола, - ты храбрая девушка, Мерилин. Как только закончишь завтракать, приходи в мою «лечебницу». Там должны будут собраться пациенты.

Он спокойно направился к самой маленькой хижине.

Целительство Чона оказалось фантастическим зрелищем. Хижина была полна густого ароматного дыма камеди. Чон раскрывал мешки с целебными травами, раскладывая их в кучки. Один за другим в хижину заходили люди и начинали перечислять свои жалобы. Чон сидел и смотрел на них сквозь пелену дыма, пока не начинал «видеть их энергию». Рекомендации принимали миллиарды разнообразных форм. Некоторые пациенты ложились на покрытый толстой соломенной циновкой деревянный стол. Чон начинал втирать в их тело ароматные мази, сопровождая процедуру причитаниями. Другие пациенты покидали хижину с запасом трав и инструкциями по их применению, тогда как иные получали советы по приему особых ванн или назначение диеты. Люди оставляли Чон предметы для того, чтобы он их зарядил силой, или просили его дать им маленькие мешочки, которые они могли бы везде носить с собой. Я также видела, как Чон вручал одним пациентам предметы для захоронения, вставлял другим в уши зажженные скрученные кусочки бумаги, а третьих окуривал дымом или окроплял кукурузной настройкой.

Иная часть Чона – его гипнотическое Я – вырисовывалась сквозь дым и прикасалась к горячим или холодным местам энергетических тел пациентов, которые отчетливо проступали сквозь густой дым камеди. Когда это происходило, дыхание Чон менялось - становилось очень громким, напоминало шум воздуха, выпускаемого из велосипедной шины. Казалось, что из него выступает другое тело, которое исцеляет пациентов. Этот феномен казался мне чарующе-прекрасным.

Очевидно, Чон мог сильно влиять на младенцев – под дверью хижины толпились матери с грудными детьми на руках. Чон брал находящегося в крике ребенка, шлепал его по животу, и тот тут же замолкал и начинал улыбаться. Затем, воркуя над ними майянские молитвы, Чон массировал маленькие тельца и конечности. После таких процедур малыши всегда казались радостно-возбужденными, а их матери особенно счастливыми и признательными. Расплачивались с Чоном по-разному. За дверью стояла корзина, в которую пациенты складывали продукты, деньги, свечи, благовония, кур – все, что они могли и хотели отдать. Некоторые матери приходили со своими детьми к Чону по нескольку раз, прежде чем те окончательно поправлялись. Одна пожилая женщина не могла ходить. Дети принесли ее к Чону, и тот решил оставить ее у себя, так что мы делили с ней хижину на протяжении девяти дней. Поговорив с Чоном и выслушав его наставления, она на третий день начала неуверенно передвигаться по двору, держась за руку дочери. К седьмому дню старуха уже медленно ходила, опираясь лишь на клюку, а на девятый день могла обходиться без всякой опоры.

Прав был племянник Чона, заявив, то люди начнут «валить» отовсюду, как только узнают о возвращении целителя. Очереди к хижине выстраивались от ресторана. Когда в ресторане Эсмеральды было мало посетителей, она выносила на двор складные металлические стулья, чтобы люди, ждущие в очереди, могли посидеть на них. Ожидающие также могли утолять жажду из бочки с дождевой водой.

Благодаря всей этой деятельности у местных индейцев майя бизнес процветал. Туристы съезжались с разных концов, чтобы посмотреть на это «настоящее туземное место» и на «настоящих туземцев». Ресторан работал с восьми утра до десяти вечера, а молодые индианки обслуживали посетителей весь день, прерываясь лишь для того, чтобы поесть самим. Эсмеральда следила за приготовлением пищи, поддерживала порядок в доме и еще успевала помогать батю, когда это было нужно.

В первый мой день, как и во все последующие, молодая индианка, работающая в ресторане, принесла ланч в хижину, служившую кухней. Он состоял из лимонного супа с курятиной, красных и голубых маисовых gorditas* (маисовых же хлебцев овальной формы, фаршированных сыром и различными овощами и приправленных разнообразными соусами). Такое богатство цветов возбуждало аппетит.

Поев, Чон, безусловно уставший от напряженного утреннего графика, тяжело поставил локти на стол. Сейчас он был одет в голубую рубаху и в только что отутюженные белые хлопчатобумажные брюки. Его пальцы поигрывали с одной из яшмовых сережек. Мочки ушей Чона были проколоты – дыры были диаметром с тонкую соломинку для коктейлей.

- Откуда они у тебя? – спросила я, указывая глазами на серьги. – Они кажутся очень старыми.

- А, один мой друг нашел эти серьги на развалинах и подарил их мне в благодарность за лечение. Мне пришлось проколоть уши, чтобы носить их, - заметил он с улыбкой.

Затем тон Чона изменился

- Мерилин, я собираюсь пораньше закончить сегодняшний прием, чтобы посвятить остаток дня исследованию развалин.

- О, это было бы прекрасно! – радостно воскликнула я. – А сколько ты возьмешь с меня за экскурсию?

Чона просто передернуло от этих слов, но он ответил мне очень спокойно:

- Здесь не идет речь о деньгах. Наш договор будет носить иной характер. Я думаю, что ты понимаешь это. Ты сама можешь пригласить меня и сделать все, что тебе захочется, и наоборот. Вот, - продолжал он, доставая из кармана темно-зеленый камень и вручая мне, - этот кусок яшмы кто-то бросил в корзинку как плату за лечение.

Чон поднялся из-за стола и пошел в «лечебницу», чтобы отпустить последних своих пациентов. Я откинулась на спинку стула и проводила его взглядом, размышляя над этим необычным предложением. Безусловно, последний его жест был крайне изысканным. Я должна буду отблагодарить его не только за демонстрацию развалин, но и за возможность наблюдать за его работой. Целительство сейчас интересовало меня бесконечно. Мне не были выставлены никакие условия. Я не могла не дивиться странности судьбы, благодаря которой произошла наша встреча.

В этот же день Чон, надев бейсбольную кепку козырьком назад и прихватив свое мачете, объявил мне, что пора отправляться на развалины. Мы направились в джунгли, начинающиеся сразу же позади хижин. Чон прорубал дорогу сквозь заросли, по которым проходила тропа, опережая меня на добрых сто футов. Зеленая листва тянулась к нам отовсюду, обвивая меня, словно настойчивый любовник. Вскоре мы приблизились к холодному ручью, бегущему по скалистому руслу. Птицы приветствовали нас громкой песней.

- Если мы будем следовать по ходу ручья, он приведет нас к развалинам, что позади Храма Надписей, - сказал Чон, остановившись у стремительного бурлящего потока. – Если же мы отправимся в другую сторону, то достигнем водопада. Этот поток майя пустили под землю, в свою дренажную систему.

Мы спускались по каменистой зеленой земле по направлению к развалинам. Вода, все время струящаяся рядом, была холодной и пузырящейся. Где-то внутри меня родилось и стало крепнуть ощущение вечности. Внезапно я заметила просвет в джунглях. Он превратился в поляну, на которой вдруг выросла могучая пирамида, выстроенная из известняка.

Возникло какое-то странное, непреодолимое чувство.

- Чон, - воскликнула я. – погоди!

* «Кругляшки», исп. – Прим. перев.

Мои колени стали подкашиваться. Ноги стали словно резиновыми, что было совершенно необъяснимо, с учетом моей прекрасной физической формы. Я фактически свалилась на землю и опустила свои ноги в ручей. Водный поток загипнотизировал меня.

Чон незаметно подкрался ко мне сзади.

- Не засыпай сейчас, - прошептал он с загадочным выражением, - время проснуться.

Раздалась громкая трель сверчка. Чон нежно постучал рукой по моему плечу, обернул ко мне свое лицо и снял бейсбольную кепку. Его глаза светились заботой. Затем он сорвал с дерева стручок тамаринда, извлек из него семена и протянул их мне.

- Господи, - тихо воскликнула я, - это же сон!

Я зарыдала, сжимая в горсти семена и глядя на Чона. Из глаз полились слезы. Да, сейчас впервые я смогла «видеть» его. Его лицо – еще не старое – несло на себе отпечаток вечного опыта. Его кожа была тугой и загорелой, на лице выделялись высокие скулы. Его длинный тонкий нос нельзя было назвать тем классическим орлиным клювом, который украшал лица многих индейцев майя. И все же на мгновение, я увидела своего спутника стоящим передо мной в традиционной белой тунике прошлых столетий. Я отвернулась, но его черные глаза прожигали меня насквозь своей любящей силой. Это был тот самый человек, который явился мне во сне, это он приснился мне в хижине Джона Черной Вороны! Мое тело стало бесчувственным от шока.

- Все в порядке, идем же! – произнес он мягко, протягивая ко мне свою руку.

Я колебалась несколько секунд, не уверенная в том, что смогу куда-то идти. Но затем что-то перевернулось во мне, и я протянула ему руку навстречу. Я легко взлетела в воздух, словно оставила вес своего тела где-то позади, на берегу ручья. И мы двинулись – моя рука в его ладони, - пока не достигли волшебного уголка в тени большого храма.

От зданий исходил слепящий свет. Они лучились пружинистой энергией – словно хвосты гремучих змей. Строгие геометрические пропорции белого известняка возносились на фоне сочной зелени джунглей – массивные миражи, взвешенные на колоссальных весах архитектурного совершенства. Они возвышались над нами, глядели на нас сверху вниз, словно боги, явившиеся во плоти.

- Знаешь, кто погребен здесь? – спросил Чон, указывая на ступенчатую пирамиду, вершину которой венчал стройный храм.

- В Храме Надписей покоятся останки Ахау Пакаль Вотана, - пропела я как по написанному, рассматривая иероглиф с сомнамбулическим состоянием.

Своим внутренним взором я смогла различить глубокую могилу и маску смерти, выложенную из яшмы.

- Он правил страной в седьмом столетии Р.Х. – в классическое время царей перед восстанием воинов Чичен-Ице.

- Отлично! – прошептал Чон, постукивая своим указательным пальцем по моему лбу, между бровей, а затем указывая на другой храм, поменьше, с зубчатой крышей, взгромоздившийся на далеком холме. - А там?

- Там покоятся останки его сына, Чам Балома, - заговорила я в трансе.

Затем добавила:

- Которые еще не удалось найти.

Меня саму поразила та уверенность, с которой я все это произнесла. Археологи лишь недавно высказали такое предположение.

- Ага! – подтвердил Чон.

Он потащил меня к дворцу напротив храма. Я на миг остановилась, уставившись на его мощную сторожевую башню. Затем мы вошли вовнутрь сквозь низкий каменный дверной проем и сразу же оказались в спальне. Каким-то образом я безошибочно знала, что каменная плита, лежащая передо мной, некогда была покрыта шкурой ягуара. Рядом со спальней располагались баня и каменный бассейн с «U»-образным отверстием, сквозь которое можно было увидеть струящуюся воду.

Мы прошли во внутренний дворик дворца. К нему с четырех сторон от балюстрады, некогда увенчанной тростниковой крышей, спускалось четыре лестницы. Место казалось мне давно знакомым. Стены были крашены барельефами, изображавшими аристократа, чью голову украшал головной убор, сотканный из соломы и перьев. Он гордо восседал, скрестив ноги, на одном из четырех почетных сидений, тогда как остальные аристократы, сидящие перед ним на земле, прокалывали кончики своих больших стилизованных пенисов. Мне показалось, что я вижу его живьем – как он сидит в своем элегантном головном уборе из зеленых перьев кетцаля*. Чон уселся скрестив ноги на северной балюстраде, и подал мне знак сесть точно так же на южной балюстраде.

- Этот ритуал, - начал он, кивком головы указывая на барельеф, служил для того, чтобы вызывать видения.

Он говорил достаточно громко, чтобы я могла слышать его голос, разносящийся в небольшом дворике.

- Есть особые сорта священных грибов, которые всегда росли в этих местах. В ночь, когда проводилась церемония, плоть языка или гениталий прокалывалась шипом или надрезались обсидиановым лезвием. Жертвенная кровь капала на бумагу, изготовленную из коры фигового дерева. Полученный таким образом рисунок изучался прорицателями, а затем сжигался во славу богов. В этот же момент пудра, приготовленная из гриба, засыпалась в рану, вдыхалась или воскуривалась. Сырая мякоть гриба также съедалась, или из нее варили напиток, в который добавляли кровь участников церемонии.

- Какого же рода видения возникали благодаря этому? – спросила я, входя в состояние транса.

- Экстатические видения богов и их обители. Видения, относящиеся к прошлому, настоящему и будущему, - торжественно отвечал Чон. – Я и сейчас собираю грибы, растущие неподалеку, и время от времени провожу эту древнюю церемонию.

Он поднял рубаху, обнажив торс, на котором были явственно заметны тонкие прямые шрамы. Казалось, они проходят сквозь самое сердце.

- Почему-то мне кажется, что ты не откажешься принять участие в этой церемонии вместе со мной.

Такая перспектива живо заинтриговала меня.

- Есть ли здесь майянский календарь? – спросила я, повинувшись внезапному импульсу. – Не так давно мне приснился календарь, лежащий в лесу где-то рядом с этими развалинами.

Я говорила о том каменном диске из явившегося мне в первую ночь, проведенную под крышей Джона Черной Вороны, сновидения.

- Ты... да это был ты! Ты бросал на календарь семена тамаринда.

Я достала из кармана семена тамаринда, которые Чон вручил мне сегодня.

- Ты бросил семена тамаринда на две даты.

Тут я запнулась, и обалдело уставилась на семена тамаринда на моей ладони. У меня было такое чувство, словно я проваливаюсь сквозь центр Земли.

- Существуют три календаря и множество расчетных таблиц. Но их здесь нет. Зато есть я, - мягко проговорил Чон. – Один календарь – церемониальный. Он базируется на 260-дневном цикле – сроке пребывания плода в утробе матери. Другой календарь – годичный. Расчет времени в нем производится по восемнадцати группам, под двадцать дней в каждой плюс пять дней для очистки в конце года. Последний же календарь – пророческий. Счет времени в нем ведется в обратную сторону – от 2012 года нашей эры по 3113 год до нашей эры.

- Именно этот календарь я и имела в виду! – закричала я, почувствовав, что я не только знаю, о чем идет речь, но что моя судьба непосредственного связана с заключенными в нем пророчествами.

* Птица Центральной Америки с блестящим бронзово-зеленым и красным оперением. Самцов отличают длинные зеленые хвосты. – Прим. перев.

- Все календари были давным-давно созданы Тикале. В годовой же календарь были позднее внесены уточнения в Шочикалько, - продолжал Чон, глядя на меня с противоположного конца двора, - все они по сей день используются народом майя. Существуют также вычисления, основанные на фазах Венеры – небесного светила, символизирующего пророка Кукулкана. Они уходят на пятьдесят миллионов лет в прошлое от времени изобретения первых календарей и оканчиваются 2012 годом.

Внезапно мне на мгновение явилось видение голубого света Венеры, засветившейся в небесах и заполнившей все поле зрения моего правого глаза.

- Почему пророческий календарь обрывается? – спросила я, тут же испытала жутковатое чувство, что повторяю слово в слово фразу, некогда произнесенную в том сне.

- Это часть тайны, касающейся лично тебя. Той тайны, которую поможет тебе раскрыть дым грибов, - ответил Чон.

- Были ли эти сновидения пророческими?

- Ты можешь называть их так. Ты также можешь сказать, что *видела* или *вспоминала*.

- Как ты узнаешь, что пришло для меня время попробовать грибы с тобой?

- Ты узнаешь об этом сама, когда испытаешь жгучую потребность понять, что происходит с тобой. Она будет очень сильной – сильнее всех иных желаний прошлого. Сильнее того желания, которое ты испытываешь прямо сейчас, - сказал он, вглядываясь в глубоко свои мысли.

- Он очень мудр, этот старый индеец. Он совсем не таков, каковым представляется постороннему глазу. Что же касается твоего любимого, то я согласен с Джоном Черной Вороной, сказавшим, что тот послужил мостом, благодаря которому ты оказалась здесь.

- Что же должно произойти здесь со мной? Почему я здесь?

- Чудеса. Я вычислил тебя, - торжественно произнес Чон. – Но будет, пожалуй, лучше, если мы позволим замыслу воплощаться естественным образом. Я буду твоим наставником. Ты просто должна верить в свою интуитивную способность совершать лишь верные поступки, в намерение, приведшее тебя в этот мир, и в свою невероятную энергию. Многие вещи будут происходить крайне загадочно.

Чон вновь опустил голову и на мгновение закрыл глаза. Затем одним плавным движением поднялся на ноги, которые только что были скрещены, когда он сидел. Затем он сошел с помоста и ступил в джунгли.

Стало совсем темно. Чон возвратился с факелом, сооруженным из безжалостно сломанной толстой ветки и сухой банановой листвы. В свете пламени странные тени заплясали на каменных барельефах. Мы стали удаляться от дворца, задевая ногами низкие влажные растения, пока не вышли на тропу. Чон сказал, что нам лучше попытаться сесть на автобус, чем пробираться в этот час по джунглям, где можно встретиться с ягуаром.

Пока мы ждали автобус во влажной синеве ночи, я спросила своего спутника:

- Что случится, если я надышусь грибным дымом сейчас?

Он улыбнулся и похлопал меня по голове.

- Ты не поймешь этого сейчас – ответил Чон мягко, - пока еще не поймешь.

Глава пятая

Меня заинтриговала практика энергетического целительства Чона, и я задержалась здесь на несколько лет, впитывая в себя его учение. Через некоторое время Чон начал обучать меня и давать задания. Эти упражнения заключали в себе то, что он называл *Сновидческим Телом* и *Энергетическим Телом*.

Он усаживал меня рядом с собой и говорил, чтобы я смотрела в дым. Так он демонстрировал, как нужно «подниматься в энергию», используя специальное дыхание и визуальный фокус «третьего глаза», а также то, как нужно проходить сквозь дым – словно паря, а не ступая, - и прикасаться к искрам энергетических полей (или облаков) пациентов. Чон утверждал, что я готова к этой работе, так как одарена от природы

огромным энергетическим потенциалом. Применение этого потенциала – дело магии, к которому следует относиться совершенно серьезно.

- Ты уже создала *Энергетическое Тело*. Ты перемещаешь им энергию. Лишь небесам известно, как тебе это удалось! Возможно, это твоя отвага, а может быть, ты родилась с этим, - сказал Чон с таинственным видом в один прекрасный день, после того как продемонстрировал мне, как следует разрезать энергетическое поле пациента и снимать его, словно кожуру банана.

- Большинству людей требуется многие годы тяжелого труда, чтобы научиться входить в энергию, извлекать и передвигать ее во время *Сновидческих упражнений*. Но все это дается тебе совершенно естественно. Ты интуитивно понимаешь все – так, словно ты достигла центра Вселенной. Это должно быть естественным состоянием человеческого сознания, но, к сожалению, такое встречается все реже. Большинство людей даже не способны видеть энергию непосредственно.

Когда ты достигнешь *Энергетического Тела*, то постепенно начинаешь перемещать в него все больше и больше энергии. Ты словно испаряешь свой физический опыт, свои метафоры и символы, свои чувства и свое сознание, посылая их в энергию – в *Созидательное Сновидение*. Ты шлешь их вверх – абстрагированные, концентрированные, алхимические, - вдыхая в них огонь. Это дает возможность проникнуть своим телом в чистую энергию.

Большинство людей пытаются контролировать почти все при помощи разума, что не позволяем им покинуть привычный энергетический мир анализа/синтеза, сохраняя свою личность, и взойти в мир целостности и вечного исцеления. Им кажется, что они преодолели барьеры, переступили через порог, но на самом деле они лишь расширили свой разум, накопив в нем еще больше сведений. Некоторые же просто плавают в иллюзиях. Это те, кто научился визуализировать все, но так и не сумел пользоваться телом. Так что их знание почти бесполезно в критические моменты. Такие люди теряют почти все со смертью, так как они никогда не входили по-настоящему в энергию жизни.

Но все это никак не грозит тебе. Я обязан рассказать тебе, что нужно делать сейчас. Существует четыре способа эффективного перемещения всего – или почти всего – в энергию.

Чон присел на один из деревянных стульев в своей «лечебнице», я же уселась спиной к тростниковой стене, обратив к нему лицо. Никогда прежде я не видела его столь торжественно-серьезным.

- Два первых способа относятся к перемещению сознания. Взрывом, подобным солнцу, или сквозь мерцающую радугу человек перемещает свое осознание в *Тело Сновидения*, когда оно создано. При этом переходе физическое тело остается позади нас – пустая, совершенно пустая оболочка. Наша же сущность навсегда поселяется в одухотворенном *Энергетическом Тэле*.

При двух других способах изменяется сама клеточная структура организма под воздействием золотого огня энергии или восходящей радуги. Человек берет с собой все, что имеет, и буквально восходит на небо – вместе со своим телом и всем остальным. Он проходит сквозь огонь и воду. Это четыре древние бессмертные практики. Все остальное – лишь побочные эффекты. Или даже переход на уровни смерти, в застывшее время.

- Нередко, - продолжал Чон, рубивший на пне дикий батат своим мачете, - к тебе за исцелением приходят люди, которые даже не сознают, что они отчасти мертвы. Их настигла смерть на уровне духа или энергии, чаще всего в мире низких вибраций, в результате колдовства или по внутренним причинам. Ты почувствуешь тяжесть, когда перед тобой предстанет их энергия. Время растянется.

Я тихо воскликнула и прижала ладонь ко рту.

Чон прекратил рубить батат и поднял на меня глаза.

- Люди, решившие посвятить себя целительству или воскрешению, должны научиться взирать на смерть, - произнес он серьезно. – Ты войдешь в энергию всем своим

телом. Есть один человек, на которого тебе стоит посмотреть. Как только ты увидишь его, то сразу поймешь, о чем я говорю. Он один из живых трупов. Несколько лет назад он стал жертвой колдуний и колдунов из Сан-Андрес-Тукстла и сейчас в плену у сил неорганического или до-органического мира. Он не может выбраться оттуда. Я пытался вытащить его в одиночку, а затем вместе с другими из этого мира. Но все наши усилия пропали втуне. Мне кажется, ему понравится ты или понравится твоя энергия. Возможно, он позволит тебе разбудить себя и последует за тобой. Это приблизит его исцеление.

В любом случае, подобное целительство требует глубочайшего символического видения, которое дано тебе от природы. Благодаря полноте естественной энергии ты сможешь проникнуть в этот мир телесно, прежде чем увидишь его. Но как только произойдет контакт, как только ты окажешься там, твой разум прекратит нормально функционировать. Ты больше не сможешь думать над тем, что делаешь. Ты будешь просто делать.

Чон произвел спиральное движение рукой у левого виска, которое должно было означать, что левое полушарие при этом отключено.

- Ты должна будешь довериться собственному символическому пониманию и иметь достаточно мужества, чтобы выполнять все его требования. Это – прыжок в неизвестность, и он требует огромной отваги. Не считайся с ценой. Это единственный способ передвижения энергии в тех мирах.

Все это очень смутило меня. Предстоящая работа казалась куда более глубокой, чем целительство в хижине. Но Чон уверил меня, что сила Сновидения и его собственное наставничество сделают это возможным и что я выйду на новый уровень, где обрету способность осуществить переход. В самом начале нашего знакомства Чон советовал мне наблюдать за целительскими практиками различных людей, которых я видела на рынках Тукстлы, где торговали травами. Вся эта местность была наводнена темными летучими тенями, от которых веяло смертью. Окружающие холмы всегда были покрыты дымкой.

- Я должен предостеречь тебя: помни, когда ты переходишь в неорганический мир, определенные силы из того мира также могут перейти в этот. Некоторые даже попытаются вцепиться в тебя, чтобы везде следовать за тобой. Это и есть цель магии – работать с подобными силами, чтобы дать им возможность манифестировать себя. Целителям также приходится сталкиваться с ними при необходимости.

Чон ощутил мое возбуждение. Он тут же предложил мне пройти вдоль ручья и спуститься к водопаду, чтобы я смогла, глядя в воду, попытаться вступить в энергетический контакт с человеком, которого зовут Койол.

- Почувствуй, как ты путешествуешь по рекам подземного царства, - прошептал он мне на ухо. Пусть воды отнесут тебя к нему.

Я знала, что если Чон беспокоился, значит, задача была очень страшной. Мне показалось, что он очень сильно печется о Койоле. Пытаясь сосредоточиться, я присела на скользкий камень и обратила глаза к струящейся, завораживающей воде. Небо было серым, и от воды исходило серебристое свечение. Я почувствовала, что проваливаюсь вглубь собственного тела, а затем, со вспышкой энергии, перемещаю свое осознание наружу из тела, разливаясь по ручьям и рекам земли. Через некоторое время, когда мое осознание вновь соединилось, я ощутила шок. Какая-то часть меня смотрела на мертвое тело невысокого крепкого мужчины с черными вьющимися волосами, плывущего вниз лицом. Я закричала и отчаянно попыталась оторваться от этого видения. Я раскачивала головой, думая о Ричарде.

- О нет, Чон! – рыдала я, и слезы капали мне на платье. – О нет!

Мы совершили спиральное «Вступительное сновидение», как называет что Чон, прежде чем поехать в Сан-Андрес. Это *Сновидение* отличается от *спирального сновидения* Джона Черной Вороны, при котором тебя затягивает в несотворенное. Здесь происходит

противоположный процесс – ты внедряешься в мир энергии, которая смещает тебя в *Тело Сновидения*.

Автобус, направлявшийся в Тукстла Сан-Андрес, был маленьким и старым. Сидя на неудобных сиденьях, мы несколько часов наблюдали за дорогой, вьющейся среди повитых туманов холмов. Туман – это своего рода Сновидческий Барьер. Он подобен вуали, которая никогда не поднимается, подобен Чарам Сна. Когда мы наконец приехали и вышли из автобуса, мы прошли сквозь туман. Люди безмолвно передвигались по площади в своих ярких нарядах – словно тени или приведения. С неба лился мелкий дождь – лился как слезы.

Чон снял для нас номер на двоих в скромном мексиканском пансионе. Этим вечером мы сидели в маленьком внутреннем дворике, жаря кукурузу и батат на решетке над горящими угольями. Казалось, что весь внешний мир превратился в дым и возникает лишь тогда, когда мы фокусируем свое внимание. Мы вошли в свою комнату как сомнамбулы и тут же заснули под тусклым светом керосиновой лампы, накрывшись грубыми одеялами.

Утром Чон извлек, казалось ниоткуда, блузу и широкую простую юбку, которые носят женщины из этих мест. На юбке из розовой хлопчатобумажной ткани красовались большие зеленые бабочки. Блуза была сшита из того же розового материала. Этот наряд магически настроил меня на трансформацию. Я облилась водой из ведра и заплела волосы в косы, пока Чон разогревал на решетке тамали. Чуть позже мы медленно побрели в сторону базара.

Чону не потребовалось показывать мне Койола. Мои глаза сами остановились на нем, как только мы подошли ко входу на рынок. Ему под пятьдесят, он крепкого сложения, с короткими черными вьющимися волосами. В нем около пяти футов четырех дюймов роста. -----

Рядом с ним стоит пожилая женщина, торгующая фруктами и травами. Он помогает ей, а она, кажется, удерживает его – словно придавливает его своей «тяжестью», отчего жизнь мужчины кажется почти невыносимой.

- Ты уже интуитивно почувствовала это. Просто наблюдай и входи, - зашептал Чон прямо мне на ухо, когда мы остановились напротив них. – Ты должна будешь войти в его энергию, но помни, что это мир более медленных вибраций. Это энергия, а не обыденный мир – не важно, как там все выглядит. Ощути в себе сопереживание, а затем позволь ему подтянуть тебя к ним. Помни, твой разум не будет задействован – лишь символы, поступки и чувства. Возможно, ты даже вначале не сможешь говорить. Действуй инстинктивно, руководствуясь при этом высшей целью

Я начинаю замечать, что пожилая женщина относится к Койолу как к разу – словно тот слабоумный, и она может эксплуатировать его. Его тяжелое тело сгибается под ящичками, которые он переносит по ее распоряжению. И тут из-за угла появляется Эсмеральда с семьей малышами, семенящими за ней! Я не могу поверить своим глазам. «Что делает здесь Эсмеральда?». Чон читает мои мысли:

- Она делает то же, что и ты. Следи за ее магией!

В голосе Чона чувствуется нескрываемое восхищение.

- Она также принесла с собой почти все. А теперь погляди на Койола. В первом мире, в мире обыденной реальности, он обладает огромной властью и влиянием, но все это нельзя прихватить с собой в эту сферу – подобные вещи слишком ментальны, слишком материальны. Здесь он всего лишь тень самого себя!

Я отметила, что не могу сформулировать ни одной мысли – у меня не было ментальной реакции на эту сцену. Все, что я могла, - это наблюдать за Эсмеральдой. Малыши стали кричать Койолу: «Caballo! Caballo!»! Они прыгали и визжали от радости «Caballo! Caballo!». Он вертится как угорь и смотрит на них. Дети пытаются*

* Лошадь (исп). – Прим. автора.

запрыгнуть ему на спину. Их смех разносится звонко – как веселая музыка на берегу моря. Эсмеральда направляет детей по спирали. Затем они заходят на базар, и Эсмеральда с детьми исчезает в клубах дыма сквозь тенистое отверстие. Вся сцена разворачивается словно сон. Я трясую головой, пытаюсь осознать то, что только что произошло на моих глазах.

Старуха пытается вновь заставить работать «Caballo», но тот увидел меня с Чоном и не шевелится. Чон приказывает мне пересечь энергетический барьер, разделяющий нас с Койолом, и тут же исчезает за углом. Я остаюсь совершенно одна. Громко сглотнув, я направляюсь к Койолу. Я чувствую неотвратимую силу, чем-то схожую с гравитацией, увлекающую меня сквозь какую-то воронку в иное, более тяжелое, мрачное и медлительное место. Чон прав. Этот мир совсем не таков, каким кажется снаружи.

Вначале Койол смотрел на меня прямо. Затем он отвернулся, но продолжал наблюдать за мной краешком глаза, пока я переходила дорогу, приближаясь к стеклянному кубу, наполненному самодельными бусами, стоящему справа от старой женщины. Когда я обернулась, чтобы посмотреть на него, то увидела, что он сделал несколько шагов следом за мной и не отрывает от меня глаз.

Я сделала глубокий вдох. Барьер между жизнью и смертью был пересечен. Лицо Койола, казалось, выражало одновременно грусть и любопытство. Его глаза – водянистые и мутные – лучились странным серебристым светом. Особенно левый. Старуха толкает его под ребра рукой, приказывая отойти с дороги. «Какая хорошенькая девушка!» Ее голова и плечи покрыты широкой серой шалью, остальная одежда черного цвета. Она немного выше Койола, а ее лицо сморщено и обветрено.

Я пугаюсь и отступаю. На минуту я немею. Эта женщина излучает тяжелую дремотную энергию. Безусловно, она могущественная ведьма.

- Не купишь ли ты у меня трав и фруктов? У меня столько разных сладостей! Как раз для такой хорошенькой девочки, как ты!

Своей иссохшей рукой она указывает на ряд тропических фруктов.

Я отказываюсь – медленно качая головой. Для того, чтобы ответить, мне нужно собраться с силами.

- Я здесь с одним человеком, - я киваю в сторону Чона, который вновь появляется и стоит на противоположной стороне улицы, - он велел мне ничего не покупать здесь, - говорю я с интонацией невинного ребенка.

Старуха, понимая, что избалована, вначале злится, а затем говорит с ложной покорностью:

- Молодым девушкам вроде тебя следует учиться у таких старых женщин, как я. Она глядит на меня общинчески.

- Не сомневаюсь в этом, - отвечаю я, чувствуя прилив сил. – Безусловно, мне есть чему у тебя научиться, но мы здесь не собираемся задерживаться надолго. Чон шлет мне улыбку с противоположной стороны улицы, а затем заходит в магазин.

Старуха кажется изумленной.

- Я не причиню тебе вреда. Ты слишком сильна. Но почему бы тебе не поучиться у меня кое-чему? Подумай об этом. Мы можем сторговаться.

Она ковыляет к своему прилавку и присаживается.

Вон он, мой шанс!

- Я подумаю об этом, если ты согласишься мне ненадолго своего помощника.

Ее глаза пылают огнем. Затем она переводит взгляд на Койола, словно тот не более чем бессловесное животное.

- Его? Да от него тебе не будет никакого проку. Но я отпущу его проводить тебя по базару, если ты обещаешь вернуть его мне.

Я киваю. Мы с Койолом приходим сквозь темный проем, ведущий на базар. Он указывает мне на торговца, развешивающего свежеприготовленный лимонад из большого

графина, и начинает беспокойно дребезжать мелочью в карманах своих широких брюк. Он хочет угостить меня лимонадом, и я соглашаюсь. Он с гордостью вручает мне стакан, а затем покупает порцию для себя. Мы прислоняемся к темной стене и пьем напиток. Он все время просто пожирал меня взглядом.

Смуглый парень лет двадцати проходит мимо, косясь на меня. Койол дает ему подножку, и тот спотыкается. Хищное выражение на его лице сменяется смущением. Я с улыбкой смотрю в лицо Койола.

Откуда я знаю тебя? – спрашивает он голосом, который нельзя назвать ни высоким, ни низким.

Я отвечаю ему умоляющим взглядом, вспомнив, как видела его мертвое тело, плавающее в «водах духа».

- Я не шучу! – настаивает он.

- Я видела тебя мертвым, - наконец отвечаю я.

Он недоуменно трясет головой.

- Ах! – только и может произнести он.

Нахмутив лоб, Caballo относит наши стаканы и нервным жестом просит меня незаметно последовать за ним по узкой улочке, ведущей с рынка. Я все время иду позади него. Он движется так стремительно! Когда мы приходим к его дому, я испытываю страх. Железная калитка открывается в маленький пыльный переулок. Посреди грязи стоит одинокое малюсенькое сооружение, напоминающее чулан с крышей. Вихрь закружил белые листочки по спирали и те падают вокруг крохотного жилища.

Мы входим внутрь. Здесь нет мебели, нет даже места для нее. Только матрас на полу и несколько больших горшков, до краев наполненных монетами. Умывальник находится снаружи. Койол стоит в тени, рядом с низкой деревянной дверью. Она закрыта.

- Я могу посмотреть на тебя?

Койол намекает на то, чтобы посмотреть на меня голую и делает жесты, словно снимает одежду.

Мне так жаль его! До чего грустна его жизнь и как слабо он осознает свое положение! Я интуитивно чувствую, что единственный способ продемонстрировать ему разницу между подлинной жизнью и тем сном-смертью, в котором он пребывает, - это выполнить его просьбу и обнажиться перед ним. Я неторопливо снимаю с себя всю одежду и предстаю перед ним совершенно нагой. Он пялится на меня из темного угла, и я слышу, как громко он втягивает в себя воздух.

Теперь он делает мне знак улечься на матрас, что я и делаю без малейшего колебания. Ожидая, что он сделает то же самое. Он раздевается. Его коричневое тело с округлыми мышцами и ягодицами радует мой глаз. Он ложится рядом со мной. Я лежу на левом боку, он на правом. Так мы и лежим, просто глядя друг на друга. Затем он придвигается поближе, так, что мы соприкасаемся друг с другом почти везде: но только почти.

- Я мертв? – жалостливо спрашивает он меня.

- Да, - серьезно отвечаю я ему, ощущая тоску по его потерянной жизни.

- Мне говорили, что ты придешь. Ты что-то чувствуешь? – спрашивает он, имея в виду себя.

- Да, я чувствую тебя, - отвечаю я ему, - ты мне не безразличен. Идем со мной.

- Куда? – спрашивает он обалдело.

- Куда угодно, главное отсюда, - говорю я, широко взмахнув рукой.

- Нет, пожалуйста, останься со мной, - жалобно просит он, сжимая меня в объятиях.

Мое сердце разрывается. Я держу в своих руках испуганное существо. Он не понимает, что я люблю его и он может полностью довериться мне. Почему я испытываю к нему такие чувства? Не знаю, не думаю над этим – только чувствую.

Наверное, Вселенная любит через меня. Я могу прочувствовать его всего. Я знаю, что он считает себя безобразным, но сейчас для меня он самый красивый из мужчин. Он также смотрит на себя как на скучное, неодоухотворенное и не совсем полноценное существо, которому зачем-то ниспослана боль. Его разум и дух силен, почти блистателен, - я чувствую это. Всем своим телом я испытываю его боль – особенно сердцем. Оно бешено колотится, словно хочет вырваться из груди. Я начинаю плакать.

- Не плачь обо мне, - мягко говорит он.

- Пожалуйста, ну, пожалуйста, идем со мной! – умоляю я его.

- Я никогда не сделаю этого, - говорит он и печально качает головой.

Я чувствую, как к горлу подкатывает отчаяние.

- Ну, пожалуйста, ведь ты не можешь оставаться здесь, - уговариваю я его, наблюдая за мелькающими по комнате тенями, - ты должен идти!

- Я не могу.

Его голос звучит важно и глухо, словно сама смерть.

- Но я еще возвращусь! Клянусь, я еще приду за тобой!

Но ты должен идти на базар. Я не могу оставить тебя наедине с этими мельтешащими тенями.

- Это те силы, с помощью которых ведьмы и колдуны контролируют это место, - говорит он мне испуганным шепотом, словно пытается увернуться от летучих мышей.

Теперь мы с Койолом одеты и идем по маленькой улочке по направлению к базару. Он вновь подходит к старухе и начинает прислуживать ей, словно зомби, но я чувствую его тоску и то, как он наблюдает за мной краем глаза. Какая-то тень приближается ко мне и вдруг сгущается перед моими глазами, превращаясь в маленького седовласого старичка. Я энергетически вижу, что это не человек, а одно из тех неорганических или до-органических существ, о которых предупреждал меня Чон.

- Что ты собираешься делать сейчас? – спрашивает он меня.

Я трясую головой и пожимаю плечами в смущении. Тень приказывает мне жестом прикоснуться рукой к его голове, и как только я осторожно кладу ей руку на голову, все передо мной начинает медленно кружиться и я теряю представление о своем местонахождении. Придя в себя, я вижу, что стою на остановке вместе с Чоном.

Я, словно загнипнотизированная, делаю несколько шагов по направлению к Чону. Он совершает спиралевидные движения руками и куда-то указывает. Обернувшись, я вижу, что из автобуса выходит чем-то похожий на паука маленький седоватый человечек с грустным лицом. Господи! Да ведь это же Койол! Старый, грустный и серьезный. Потерянный, иссушенный и одинокий.

Я бегу от него, не раздумывая. Ноги несут меня к базару. Сердце колотится, как бешеное, воздух со свистом вырывается из горла. Но я бегу все быстрее. Начинает идти дождь. «Дождь, Мерилин, - говорю я сама себе, - начался дождь! Нет! Нет! Нет!» Я мчусь ко входу на рынок и вижу Койола, стоящего на прежнем месте – у грязного угла. Он все еще молод, но нас разделяет энергетический барьер. Я словно смотрю на него сквозь толщу воды или сквозь оконное стекло. Все цвета начинают кровоточить. Проступают синие и зеленые капли – подобные землям-слезинкам, на которые смотришь из космоса. Он присаживается на корточки у стены дома – одинокий, незащищенный, - пытаюсь прикрыть от дождя свою всклокоченную голову. Он по другую сторону барьера. Чон возникает словно ниоткуда и нежно касается рукой моего плеча. Время уходит. Койол так и не выбрался оттуда.

Глава шестая

Чон провожает меня со станции, а я чувствую себя совершенно незащищенной. По дороге он объясняет мне, что я все еще нахожусь в своем Теле Сновидения. Он говорит, что возле рынка я действительно видела Эсмеральду, разыгравшую все это представление. Чон и Эсмеральда также находились в Теле Сновидения, и продолжают в

нем находиться. Он также сообщает мне, что Эсмеральда не приходится ему сестрой – они коллеги. Да и три «племянника» на самом деле никакие не племянники, а ученики. Все вместе они составляют группу волшебников под предводительством Джона Черной Вороны. Однако Тиофило и Игнасио еще далеки от совершенства и потому остались в Паленке вместе с Элихио, где помогают ему собирать лечебные травы. Не был бы Чон бесконечно добр ко мне, я бы не доверилась ему столь безоговорочно. Мне хотелось бежать оттуда, словно безумной. Я села на скамейку и начала всхлипывать.

- Я знаю, все это выглядит так, словно мы обманули тебя, - говорил Чон, поглаживая меня по голове, - но не так просто заманить людей в колдовской мир.

- Не вы ли вдвоем убили Ричарда при помощи своей магии? – говорю я в ужасе.

- Нет, мы бы никогда так не поступили, хотя другие смогли бы. Можешь считать, что он принес себя в жертву, чтобы ты смогла исполнить свою судьбу. Ты должна совершить нечто особенное, Мерилин, и это начинается сейчас.

Чон говорит мне, что Джон Черная Ворона уже «совершил переход» в мир высших энергетических вибраций, в мир целостности и исцеления, где он ждет нас по другую сторону второго энергетического барьера.

- Именно туда мы собирались взять Койола. Если бы ты смогла вывести его оттуда, я бы отвел туда вас обоих, - объясняет мне Чон.

Затем он переходит к деталям процесса «перехода» и его цели:

- Мы собираемся пройти сквозь иной барьер, подобный тому, который, как ты заметила, разделял вас с Койолом возле базара. Но только этот барьер обладает более высокой вибрацией. Мы проложим путь другим – многим, идущим вслед за нами. Мы отправимся к озеру у селения Катемако – это наш начальный пункт. Мы вместе войдем в спиральное Сновидение, а затем один за другим направимся к воде. Мерцающий вихрь закружится перед нами, и мы ступим в него и пройдем над водой как над энергией. Но мы не будем первыми, осуществившими переход к этому состоянию. Многие древние существа перешли туда из того самого места.

Я чувствую, что такова была моя судьба изначально. С той минуты, как я ребенком увидела Джона Черную Ворону, мне казалось, что я не принадлежу этому миру – скорее нахожусь где-то над ним. Я чувствую, что это начало конца смерти.

- Что же будет с Койолом? – спрашиваю я, чувствую, как к горлу подступают слезы.

Лицо Чона покрывается морщинами и вдруг становится похожим на старый треснувший глиняный горшок.

- Мы не смогли освободить его. Он не обладает достаточной энергией, чтобы следовать за нами. По крайней мере, пока.

Я вижу в его глазах слезы. Он отворачивается.

- Как будет выглядеть этот вихрь? – спрашиваю я, пытаюсь справиться нахлынувшей тоской при мысли о Койоле.

- Он будет мерцать. Как только ступит в него, ты начнешь растворяться.

После нужно довериться Силе. Никто не может сказать, что произойдет.

Он говорит, все еще отворачивая от меня лицо. Его плечи слегка подрагивают.

- Скольким вещам не еще предстоит научиться!

Я прихожу в отчаяние от собственной неопытности.

- Это так, - соглашается Чон. – Но этот переход ты должна совершить немедленно. И ты совершишь его. У тебя есть врожденные способности для этого.

- Увижу ли я Ричарда? – наивно спрашиваю я.

- Нет, но ты увидишь другие создания – Древних, перешедших туда до нас.

Во время автобусной поездки в окрестности Катемако я полностью погружена в свои чувства. Здесь мы снова снимаем номер и живем в нем с неделю. Но я знаю, что для первого мира это – тысячелетия. Мы Сновидим Спиральный Вход и Манифестирующую Спираль, которую показал мне Джон Черная Ворона. Катемако более походит на

Сновидение, чем на реальный городок. Это просто иллюзорный остров в бесконечности, еще менее осязаемый, чем Сан-Андрес.

Внезапно перед нашими глазами предстают два древних существа. Их одежда такая же, как и у местных индейцев, но только из цветного сатина. Они переплывают на каноэ через зачарованную лагуну и выходят на берег, чтобы поглядеть на базар, расположенный у озера. Поверхность озера покрывается энергетической рябью.

Двое Туземцев – мужчина лет пятидесяти с волосами по плечи, зачесанным за уши так, что видна одна серьга, и женщина с седыми косичками, одетая в розовое сатиновое платье, – начинают излучать золотой свет. Остановившись у витрины с лентами, они поворачивают к нам свои лица. Ветер развеивает пестрые связки лент.

Мы с Чоном медленно шагаем по направлению к озеру. Я буквально чувствую, как передо мной раскалывается воздух, образуя проход. Наступает полная тишина. У меня даже не возникает ощущения глухоты. Я начинаю видеть, как новые существа из другого мира начинают проходить сквозь этот раскол на своих белых и золотых каноэ. Они плывут по озеру.

Чон говорит мне, что это старшие волшебники, которые уже совершили переход. Некоторые из них были его наставниками.

Чон подходит все ближе к воде. Кажется, что время остановилось. Я вижу, что люди вокруг нас начинают двигаться с замедлением. Ясно, что они не смогут увидеть то, что должно сейчас произойти.

Чон делает шаг вперед и исчезает. Вначале от него начинает исходить мерцающий свет, затем он растворяется в воде у меня на глазах.

Затем, словно из ниоткуда, появляется Эсмеральда. Она идет по озеру, держа за руку старшую женщину.

Обе с каждым шагом становятся все моложе и красивее. Косы Эсмеральды уже достигают. Она вместе с женщиной проходит мимо меня, и я слышу, как она делает свой первый вдох, издавая звук «ха».

Я делаю шаг вперед и попадаю в бездыханность вечности. Мои ноги начинают растворяться, словно я иду по воде. Все вокруг сверкает. Древние, отмеченные знаками своих собственных энергий, беззвучно выстроились в ряд – как часовые, приветствующие нас.

Энергия врывается сквозь раскол, словно могучая река. Я вижу неизвестные мне существа из других измерений. Они проходят за мной.

Тут я вспоминаю о Койоле – о том, что он остался где-то там. Мое сердце болит. Внезапно позади меня возникает громадная расселина – настоящая пропасть. Темная сила достигает меня через эти чувства и начинает засасывать, тянуть назад!

Я вижу Джона Черную Ворону. Он возвышается над краем другой пропасти, развернувшейся прямо передо мной. Вокруг него пляшут молнии, а позади него поднимается ветер. Край этой пропасти похож на утес, освещенный призрачным белым светом, отбрасывающим длинные тени в глубокую расселину.

- Переходи снова, Мерилин, - передо мной появляется канатный мост, переброшенный через пропасть, - Ты должна перейти или возвратиться назад, - его голос гремит над воем ветра.

- Я не могу, - кричу я, что происходит со мной?

- Тебя затягивает назад, - кричит он в ответ.

- Почему я не могу перейти, Джон?

- Какая-то часть тебя уже перешла. Ты должна перейти! – гремит голос Джона Черной Вороны.

- Я не могу! Что будет с Койолом?

- Тогда прыгай, - стонет он, - Я не могу потерять тебя! Тебя тянет вниз. Прыгай же в пропасть, я брошусь следом!

- Что тогда случится? – кричу я изо всех сил.

- Мы станем скитаться по низшему миру, пока не найдем выхода.

У меня нет выбора. Я не могу идти ни вперед, ни назад. Я делаю шаг вперед и лечу вниз в черноту, которая кажется мне бесконечной. Джон бросается следом за мной. Не знаю, как долго мы там блуждали, но наконец, я выбираюсь на поверхность.

Я возвращаюсь в номер в гостинце в Катемако. Джона Черной Вороны, Чона и Эсмеральды нет нигде поблизости. Я не могу найти свой паспорт в ящике, куда недавно клала его. Все мои вещи пропали (если не считать того, что на мне), даже туфли исчезли с ног!

Я выхожу на улицу и брожу там, как приведение, - голодная и потерянная. У меня такое чувство, словно мое тело распадается на части. Не представляю даже, как мне удастся держаться на ногах. Я пытаюсь заговорить, но люди не слышат меня. Я для них словно приведение. Не представляю, куда подевались Чон с Эсмеральдой. По-видимому, Чон все же покинул этот мир, оставив меня совершенно одну! Возвратится ли он назад? А если и возвратится, каким образом я смогу найти его? Я начинаю плакать, но никто этого не замечает. Я прошу, чтобы мне дали денег на билет до Сан-Андреса, чтобы отыскать там Койола. Конечно же, он все еще там.

Когда я прибываю в Сан-Андрес я иду на базар, то не нахожу там Койола. Сколько же времени прошло с тех пор? Сколько лет? Темная энергия опускается на меня, подобно хищному космическому кораблю. Массивная тень преобразуется в огромного мужчину с кучерявыми каштановыми волосами. Он одет в штаны бронзового цвета и рубашку. Он появляется, окутанный клубами дыма, из прохода, и бешено вращает руками. Властным жестом он приказывает мне усесться на землю возле здания рынка. Сам он тут же садится рядом. Мы оказываемся рядом с канавой.

- Где тот мужчина, которого дети называли «Caballo»? – спрашиваю я его, утирая слезы. – мне говорили, что он работает здесь, возле рынка, каждый день. Мой собеседник устремляет на меня напряженный взгляд. По какой-то причине я не могу сфокусироваться на чертах его лица.

- Он не здесь! Он убрался восвояси! – говорит он яростно.

- убрался восвояси? – вскрикиваю я, в панике оглядываясь по сторонам.

- Ты тоже должна убираться! – кричит он

- Но куда мне идти? – умоляюще спрашиваю я.

- Уходи! Уходи! Уходи! Здесь для тебя небезопасно! – орет он, стуча кулачищем себя по колену. – Откуда ты пришла?

- Я не знаю! Не знаю!

Мужчина поднимается, а затем исчезает, как и появился, в клубах дыма через проход. Я тоже поднимаюсь на ноги, как только дым рассеивается, и озираюсь по сторонам. Сместилось ли что-то во мне после этого разговора? Или сместился мир? Сейчас он выглядит более материальным. Опускается ночь, но мне некуда идти спать. Я отползаю от здания рынка в тень. Не застряла ли я навеки здесь? Не стала ли я призраком, скитающимся в низшем мире?

Солнце восходит, и я начинаю бродить по улицам в поисках Койола. Моя юбка и блуза запачканы землей после того, как я провела ночь, лежа на земле. Я хожу вдоль прилавков, на которых выставлены цветы, травы, обувь, одежда – все, что только можно вообразить, - и прошу дать мне работу. Я предлагаю свои услуги женщине, торгующей съестным, но та либо не слышит меня, либо не воспринимает всерьез мои слова. Я пытаюсь убедить других торговцев том, как сильно я нуждаюсь в работе. Я объясняю им, что застряла здесь без денег и мне нужно купить билет до границы. Я говорю, что согласна на любую честную работу.

Кажется, никто не понимает меня. Я начинаю терять всякую надежду когда-либо добраться домой, вернуться к своей семье. Если я позвоню им, окажутся ли они на месте? И что я скажу им? Я начинаю искать платный телефон. Единственный таксофон в этом

городишке находится позади рынка, но, когда я снимаю трубку, оказывается, что он не работает. Я вспоминаю о судьбе Койола, и мне кажется, что я оказалась в таком же положении, что и он. Но все же у меня есть шанс.

Я иду по заброшенной улице, ведущей от рынка. Пытаюсь вспомнить местонахождение хижины Койола. Завернув за угол, я сталкиваюсь с человеком, разыгрывающим какое-то странное представление перед незримой аудиторией. У меня возникает недоброе предчувствие, но я отгоняю от себя все мысли.

Жилище Койола оказывается гораздо дальше, чем я себе представляла. Узкий, пыльный проезд протянулся на довольно большое расстояние. Я решаю идти дальше, хотя предчувствие усиливается. Дойдя до перекрестка, я замечаю калитку между двумя старыми зданиями. За ней находится домик Койола. Я перехожу улицу и тут, из-за угла одного из зданий, появляется мускулистый мужчина с косматой черной шевелюрой, явно принадлежащий к рабочему классу. Его лицо покрыто бронзовым загаром. На нем грязные джинсы, хлопчатобумажная рубашка и соломенная шляпа. Он, вероятно, метис, но при этом производит впечатление человека, потерявшегося в чужом городе или в чужой среде. Похоже, он пьян, так как идет нетвердым шагом. Весь его вид должен вселять в меня опасения, но я чувствую сострадание к нему – я ощущаю его боль. Я подхожу к нему, чтобы спросить о Койоле. Тут я замечаю темную тень вокруг него. Он входит в переулок, открыв железную калитку.

- Не знаете ли вы человека, живущего вон там? – кричу я вдогонку мужчине и указываю рукой на маленькое цементное сооружение, стоящее среди куч пыли.

- Ты, шлюха блондинистая, сучка капиталистическая, - бормочет он, не раскрывая рта, и пошатнувшись, прислоняется к зданию.

- О, нет, я совсем не такая!

Мое сердце высоко подпрыгивает и я начинаю пятиться к выходу. Мне следует поторопиться! На улице нет ни души. Я начинаю подозревать, что это объявленный вне закона революционер, спасающийся здесь от кровавого террора, творящегося на границе Гватемалы.

- Эй, блонда, эй, гринга! – орет он, преследуя меня. Я поворачиваюсь, чтобы перейти улицу. Мои виски и ладони покрываются потом. Я делаю несколько шагов, не оборачиваясь назад. Слышу, как за моей спиной щелкает калитка, и затем его рука хватается за меня. Я чувствую его горячее дыхание затылком и слышу биение собственного сердца. Он выкручивает мне руку и тычет дулом пистолета мне под ребра.

Затем он начинает затягивать меня в переулок. Похоже, что он захватил этот домик. Что случилось с Койолом? Мужчина запирает за нами железную калитку. Похоже, что этот переулок обычно используют как свалку. Мужчина ускоряет шаг и втаскивает меня в крохотную хижину. Затем закрывает дверь.

Я падаю на пол. В помещении нет окон, в нем царит мрак и затхлость. Он зажигает масляную лампу и подвешивает ее на стропила. Справа от меня лежит голый матрас, вокруг которого разбросаны кусочки маисовых лепешек, пустые банки из-под пива и кожура от фруктов. Рядом я замечаю окровавленную тряпку, и у меня перехватывает дух. Лезвие из обсидиана лежит тут же. Большие пластиковые кувшины, наполненные монетами, исчезли.

- И не думай визжать! – говорит мой похититель, глядя на меня сверху вниз. – Кто ты такая, что считаешь, что со мной можно говорить вот так? – рычит он.

- Я и не думала оскорблять вас, - говорю я умоляюще. – Мне просто хотелось знать, не случилось ли с вами чего!

- Вставай-ка! Да поживее! – выкрикивает мужчина, садясь на деревянный ящик, все еще сживая пистолет в руке.

Я подчиняюсь. Указывая дулом пистолета на мою грудь, он шипит:

- Теперь снимай одежду.

Он не сводит с меня застывших ледяных глаз.

Лишь сейчас до меня доходит в полной мере весь ужас моего положения. Я расстегиваю свою розовую блузу, под которой ничего нет, кроме голого тела. Моя скромная грудь кажется совершенно беззащитной в этой цементной лачуге. Я расстегиваю юбку, украшенную бабочками, и бросаю ее на пол.

Вся моя одежда сброшена в кучу на пол, а я стою совершенно голая. Мужчина подходит ко мне и толкает на грязный матрас. Лежа на нем, я смотрю, как мужчина расстегивает свои брюки одной рукой – в другой руке зажат пистолет, с которым он ни на секунду не расстается. Я вздрагиваю, когда брюки спадают с него. Он тут же опускается рядом со мной и всовывает в меня свою эрекцию довольно скромного размера. Я говорю самой себе, что могло быть и хуже. Самое главное – чтобы он не убил меня.

Он несколько раз дергается и стонет. Я отворачиваюсь, пытаюсь глотнуть свежий воздух. От него несет алкоголем и немывтым телом. Я сжимаю зубы, но изнасилование заканчивается столь же быстро, как и началось. Остается лишь мерзкое склизкое чувство. Это лишь временное облегчение. Я чувствую, что муки еще не закончились. Однако он откатывается от меня, присаживается на край матраса, закуривает сигарету и кладет спичечную коробку на свое голое бедро. Что же он будет делать дальше? Может быть, убьет меня?

Темная комнатка наполняется запахом дыма. Тени, словно фантомы, кружатся в воздухе. Он поднимается и рычит:

- Если я еще раз увижу, что ты шляешься здесь – бью.

В его голосе чувствуется определенность, от которой стынет кровь.

Я безмолвно сижу. «Почему?» - спрашиваю я про себя.

- И не вздумай рассказывать кому-нибудь о том, что видела меня здесь! – говорит он, глубоко затягиваясь. – сплевывает, глядя с неожиданным отвращением на мою наготу.

Я ползаю по полу, собираю свою одежду, пытаюсь унять дрожь, натягивая ее на себя. Выпустит ли он меня отсюда, не причинив большей боли? Одеваясь, я поглядываю на него – пытаюсь прочесть выражение его лица. Его глаза водянисты, а лицо и голое тело мертвы от злости.

Я стою, глубоко и судорожно вдыхая воздух ада. Энергия пружиной сжимается во мне. Она ищет выхода. Я замерла, не представляя, что сделаю в следующее мгновение.

- Убирайся, - тупо говорит он.

Я тут же бросаюсь к двери, а затем бегу к калитке, которая, к моему удивлению, оказывается приоткрытой. Позади меня раздается пистолетный выстрел.

«Не передумал ли он? Наверное, сейчас стреляет в меня» - думаю я как-то отстраненно.

Я бегу без остановки, не оглядываясь, около четверти мили, пока не добегаю до перекрестка. Здесь я сталкиваюсь со старухой с рынка и на минуту застываю на месте. Она косится на меня из-под своей черной шали, словно готова съесть живьем. Я чувствую, что попала в ловушку – изнасилование было всего лишь первым этапом. Я слышу скрип колес, и рядом со мной останавливается грузовик. Не раздумывая, я отворяю дверцу, запрыгиваю в кабину и начинаю сбивчиво рассказывать о том, что со мной только что произошло, простоватому пожилому фермеру, сидящему за рулем. Водитель очень скоромен и застенчив. Он, слушая мой рассказ, стыдливо опускает глаза. Он из соседней деревушки и предлагает отвезти меня туда. Я не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность.

Я опасливо оглядываюсь, не преследует ли нас человек, изнасиловавший меня. Но нет, улица позади машины совершенно пуста. Когда грузовик проезжает мимо старухи, мотор начинает чихать и машина останавливается. Из-за дома, у которого та стоит, выходят несколько женщин помоложе и начинают медленно приближаться к грузовику. Я смотрю в глаза старухе и чувствую, что ее взгляд вгоняет меня в сон, но в этот момент грузовик заводится и трогает с места. Старуха провожает меня умоляющим взглядом, пока мы несемся по пыльной дороге к холмам Сан-Андреса.

Эту ночь я провожу в грузовике, рядом с мазанкой водителя, довезшего меня сюда. И тут я вхожу в *Сновидение*. В сновидении мне является голый метис, вышибающий себе *** в темной сырой камерке. Он зловеще смеется – безумный и опасный – и грозит пройти сквозь меня. Он одержим духом проклятого принца, некогда правившего Империей Майя. Сейчас он оказался пленником в подземном царстве древних колдунов. Он кричит мне, что трансформация возможна лишь в хищном мире мертвых и потому он не может вырваться оттуда. Он захватывает пленников в поисках энергии и жертвоприношений. Его зовут *Халач Винник*.

На следующее утро, бродя по дорогам маленького поселка и прося денег на автобусный билет до Мехико-Сити, я ощущаю, что оказалась ближе к миру обыденной реальности, но еще не попала в него полностью и уже никогда не попаду. Отныне мне суждено стоять обеими ногами в обоих мирах, протоптать тропу через границу и постоянно проскальзывать то в один, то в другой.

Я приехала в Мехико-Сити и явилась в американское посольство. Там мне выдали письмо, в котором указывалось, что мой паспорт и туристские документы украдены. Мне также вручили тридцать пять долларов на железнодорожный билет до американской границы. Я села на поезд, отправляющийся до Сан-Луи-Рио-Колорадо, в надежде вновь встретиться с Джоном Черной Вороной. Ведь он кричал мне, что не потеряет меня в тот миг, когда я бросилась в бездну! Наверное, Джон возвратился в этот мир. Он – моя последняя надежда. Я не представляла, как смогу жить дальше, если он не окажется здесь.

Глава седьмая

Местный автобус, отходящий от границы, прибыл в Юму ранним утром, и я отправилась со станции прямо в резервацию. Я думала с замиранием сердца о том, что обнаружу или не обнаружу там. Невероятно, но Джон Черная Ворона сидел в своем доме и, похоже, ожидал меня. Входная дверь была открыта, и я, не останавливаясь, влетела в деревянную хижину. Увидев его, я на время потеряла дар речи. Джон стоял у горелки и жарил рыбу на сковороде. Запах был сильным. Тело Джона слегка напрягалось, а лицо было очень серьезным. Он повернул голову и устремил на меня пронизывающий, повелительный взгляд. Я почувствовала, что вот-вот упаду в обморок. Джон отошел от плиты, поставил на свой маленький деревянный стол две тарелки с рыбой и с видом, не терпящим возражений, жестом приказал мне садиться к столу.

Его взгляд был невероятно выразительным, но я не осмеливалась прочесть его. Я ощутила, что Джон применил ко мне свою магию. Вскоре я утратила способность отчетливо формулировать свои мысли. Что происходило со мной? Тайный смысл всего происшедшего со мной в последнее время не укладывался в мое сознании. Я не могла есть рыбу. Казалось, она смотрела на меня пустыми глазами как сама смерть. Я встала из-за стола и пересела на скамейку, которую Джон держал специально для моих визитов. Сложив руки между коленями, я бездумно уставилась в открытый проем задней двери.

Пустыня была недвижима. Лучи солнца падали через окошко на пол в шаге от скамейки, на которой я сидела. Меня совершенно заморозил сонм пылинок, горящих в лучах солнца. Мимо прошел Джон, пригнувшись, чтобы выйти во двор. Через минуту он возвратился, неся в руках огромный пук триостренника. Бросив его на пол, Джон наполнил две пустые тыквы водой и достал кусок вяленой оленины из сундука. Затем он протянул две тыквы мне, и я, перебросив их через плечо, последовала за ним наружу.

Я знала, куда он направляется. Нам предстоял пятимильный переход через пустыню к двум колоннам из песчаника. Мы не говорили ни о чем, и я была рада этому. За все время пути мы ни разу не остановились, чтобы передохнуть. Я обнаружила, что физическое напряжение и просторы пустыни помогают мне сосредоточиться. Постепенно я начала освобождаться от воспоминаний от воспоминаний обо всем происшедшем со мной.

Когда мы, наконец, достигли цели своего путешествия, Джон Черная Ворона подал знак соблюдать абсолютное безмолвие. Он вырыл яму в мягком песке большим совком, сделанным из раковины. Затем он бросил в яму сухие ветви мескита и разжег костер. Пока он бросил в яму сухие ветви мескита и разжег костер. Пока огонь горел, Джон развязал пук триостренника. Трава была длинной и жесткой. Джон стал вязать из нее что-то вроде редкой циновки. Когда мескит превратился в уголья, Джон бросил на них остатки триостренника.

Трава начала тлеть, и Джон бросал ее все больше и больше, пока полностью не засыпал ею мелкую яму. Затем он расстелил над ямой только что изготовленную им циновку и подал мне знак прилечь на нее. Я сняла тыквы с плеча и подчинилась его приказу. В длину яма простиралась от моих плеч до коленей, а в ширину была уже моего тела. Я почувствовала, что проваливаюсь вниз, но циновка из триостренника все же удержала меня на некотором расстоянии от горячих угольев. Дым полностью окутал меня.

- Вдыхай дым! – крикнул мне Джон, - Не страшно, если придется покашлять. Я собираюсь совершить ритуал воскрешения мертвеца. Ты мертва, не важно, осознаешь ли сама это, но ты не возвратилась еще полностью. Это относится к твоему духу. Ритуал направлен на то, чтобы призвать дух и освободить его из преисподней, через которую ты прошла. Я вызову в тебе древние воспоминания, но они смогут проявиться лишь позже, - значительно позже. Ты можешь заснуть, пока ожидаешь. Воспоминания придут из других сфер осознания. Они несут в себе картины таинственной борьбы между жизнью и смертью. Не важно, что ты увидишь, но ты должна бороться вопреки всему. Бороться и не сдаваться. Знание придет к тебе из страха и красоты наших древних практик. Эти воспоминания начнут проявляться во сне. Пробудив их, ты пробудишь себя.

Джон затаил песню и начал ритмично ударять рукой по одной из тыкв с водой. Он говорил на языке, на котором никогда прежде не говорил при мне: «Уай кин кетай, кин акам куми чу цун ки».

Вдруг от жары, дыма и пения я теряю сознание. Моя голова начинает беспрерывно качаться из стороны в сторону. Джон поет, и бесформенные визуальные образы проникают сквозь дым. Мне кажется, словно яркий сноп света рассекает дымку. Над лучом находится вращающийся, завывающий диск солнечного света. Орлиный профиль Джона возникает на фоне дыма. Черты его лица становятся все более и более отчетливыми, и вот мне уже тяжело смотреть ему в лицо. Я чувствую, как все клетки моего тела готовы разорваться от давления, от пульсирующей жары, от ритмичного стука. Я переживаю невыносимое напряжение. Высокая частота окутывающей меня энергии пронизывает мой мозг и проникает в каждую пору моего тела. Джон вскрикивает, словно дикое животное. При вспышке света дым исчезает!

Позже я осознала, что яма остыла. Стали сгущаться сумерки. Должно быть, я находилась вне тела долгое время. Джон подал мне знак подняться. Встав на ноги, я подошла к тыкве с водой и сделала несколько агрессивных глотков. Он быстро выхватил ее из моих рук и дал понять, что я должна присесть на землю и ждать, пока он не засыплет следы костра.

Затем мы стали углубляться в пустыню. Когда мы достигли колонн из песчаника, стало совсем темно. Джон черная Ворона присел между ними и приказал мне знаком последовать его примеру, чтобы восстановить энергию. Колонны возвышались словно гигантский камертон над искрящейся каменистой пустыней. Над всем этим царили вулканические холмы с их волшебным озером, возникшие здесь словно по мановению руки чародея.

Безмолвие ночи становилось все более глубоким, и Джон Черная Ворона воспользовался возможностью прошептать несколько слов:

- Нужно разорвать пути смерти. Все, что сотворено, должно обрести свободу.

Я интуитивно поняла, что все происходящее касается не столько меня, сколько самой смерти. Пока мы сидели между двумя каменными обелисками, из-за горизонта выплыла прекрасная полная луна. Я почувствовала притяжение этого небесного тела и, встав во весь рост, прислонилась к колонне, чтобы полностью открыться для лунного света. Ее отражение застыло на глади озера, и я отдалась воде, чтобы полнее слиться с лунным светом. Немного позже Джон Черная Ворона сказал, что почувствовал близость пум, и мы осторожно стали возвращаться в темноте к его дому.

Мы добрались домой только под утро. Было все еще темно, и мы проспали до полудня. Когда я проснулась, Джон уже приготовил для нас кашу из кукурузы.

- Сейчас нет времени говорить о том, что происходит, - заговорил он прерывающимся голосом, - мы в потоке. Нам остается лишь плыть по нему. Задействованы все энергии.

Мы спешно отправились на берег Колорадо, прихватив с собой сушеные фрукты и несколько тыкв с водой. На берегу реки Джон развернул соломенную циновку и расстелил среди камышей рядом с водой. Мы сели на нее.

- Этой, второй практике я хочу обучить тебя здесь, у края воды. Она древнее, чем пирамиды. Когда-то ей научили меня. Сейчас она стала моей силой и моей судьбой. Ее можно применять лишь у воды в ясный летний день – такой, как этот. Иначе результат будет не столь разительным.

Но прежде я хочу, чтобы ты совершила физическую молитву, известную как «Дымящийся Череп». Ее совершали прорицатели еще на заре времен. Тебе понадобится ее мудрость. Я хочу, чтобы ты увидела горящие нити энергии, поднимающиеся от земли, словно тростник, и оплетающие все мироздание.

Рука Джона Черной Вороны описала круг по ходу часовой стрелки перед моими глазами.

- Смотри на эти золотые трубочки света – на эти нити, исходящие из энергии земли. Смотри на них глазом, который находится у тебя между бровей.

Тут Джон устремил на меня свой пронзительный жгучий гипнотический взгляд.

Я чувствую взрыв в своей голове, при котором открывается единственный глаз во лбу. Ощущение такое, что словно я смотрю сквозь отверстие в желатиновой мембране. Я могу заглянуть в мир энергии. Я также могу заглянуть в само вещество.

- а сейчас приблизься к одной из этих линий энергии, так, словно ты вдыхаешь ее, затягиваешься ею, - слышу я откуда-то доносящийся голос Джона Черной вороны. – Притяни к себе золотисто-белую дымку и пусть она провалится в твою матку, как камень. Увидь, как там формируется золотое яйцо.

Я выполняю все эти таинственные наставления и ощущаю пульсацию в животе, словно там работают кузнечные меха. Я чувствую, как внутренняя энергия. Начинает разгораться и расширяться во мне по мере того, как я теряю чувственное восприятие внешнего и начинаю фокусироваться на внутреннем свете.

- Из яйца возникает дым, опускающийся вне ниже и ниже, пока не просочится наружу. Затем он начинает клубиться и поднимается вдоль твоего позвоночника. Он струится, словно разогретый воздух над языками пламени. Когда он достигнет твоего сердца, вдохни его. Увидь, как твои легкие горят, а сердце пульсирует, обаятое пламенем. Вскоре в тебе накопится столько энергии, что ей придется прорываться вверх. Разбухающий овал света возникнет в центре твоей груди. Сделай вдох. Свет поднимается, растет, расширяется. Ты выдыхаешь жар. Овал раскрывается. Внутри овала – белый огонь. Нос и межбровье открываются, словно ты нюхаешь священный порошок. Глаза начинают гореть. Раскаленный дым достигает черепа, который начинает гудеть, как кристалл. Дым начинает клубиться внутри кристалла. Увидь дымчатые включения. Из всего черепа начинает сочиться раскаленный пар. Он дымится.

Выдыхай с мягким звуком «ха». Пусть нижняя челюсть свободно повиснет, рот открыт. Увидь, как серое облако огненного газа вытекает изо рта, превращая все на своем пути в пепел. Все превращается в пепел, кроме тебя и меня. Восстань энергией из пепла. В сером тумане газа ты горшишь все более ярким огнем. Бери его! Он твой! Возьми Силу!

Я действительно чувствую, как в мою голову проникает луч света и пригвозждает меня к месту. Он проходит сквозь меня, как огромный канал. Передо мной возникает Джон. Я вижу, что его глаза светятся зеленым огнем. Он пронзает меня взглядом и поднимает правую руку, похожую на змею. Ладонь повернута книзу, а тыльная сторона руки – ко мне. Я вижу, как там открывается глаз, подобный тому, что открылся во лбу. Он выставляет вперед два пальца, подобных зубам змеи, готовой атаковать. Он поднимает левую руку, словно для того, чтобы призвать энергию, затем посылает разряд, образовавшийся между двумя пальцами, прямо к моим грудным мышцам. Возникает ощущение укуса. Энергия вливается в меня, направляемая собственным давлением. Я содрогаюсь и задыхаюсь.

Моя способность к восприятию расширяется. Я вхожу в резонанс с миром, который начинает вибрировать с большей скоростью. Передо мной отворяется золотой вход.

- До того как белый человек явился на нашу землю, эта река разливалась каждой весной. Тогда летом мы могли засеять землю, а осенью собирать урожай. Сейчас выше по течению стоит плотина. Но в те времена это было единственным безопасным местом для перехода реки. В других местах течение было слишком быстрым, а вода глубокой. Это была наша земля. Место перехода до сих пор находится здесь. Я покажу тебе, как нужно переходить в высший мир энергии, прямо с этого места. Показать должен я, так как обладаю силой этих мест.

Большинство людей не знают, что делать в момент смерти. Для того чтобы бороться с ним или воспользоваться его силой, человек должен найти понимание в самом себе. Я хочу, чтобы ты сама поняла все и перешла реку энергии. Горящее яйцо, которое ты видишь, - энергия жизненной силы. Это твое лучшее начинание. Каждый раз, раскрывшись, она будет продвигать тебя. Золотисто-белые овалы будут осыпать тебя жизнью, исцелением, магией. Поскольку ты осознаешь энергию, она возвратится к тебе сторицей. Существует великое искусство манифестации и созидания. Более того, твоя энергия будет вливаться все быстрее и быстрее в великое море жизни. Я учу тебя этому переходу.

Теперь слушай внимательно. Когда придет смерть, ты покинешь свое тело в гигантском золотисто-белом яйце, озаренном изнутри Телом Сновидения. Перед тобой будет простираться полотно мерцающего света, а позади тебя будет разливаться река энергии. Ты пойдешь по воде и начнешь вибрировать с большей частотой. Будет казаться, что ты растворишься проходя сквозь барьер. Перейди через реку энергии, прорвись огненным взрывом сквозь барьер – и ты обнаружишь меня по другую сторону. Я буду ждать тебя там. Это сила, которую я даю тебе. Я – единственный человек, способный даровать ее. Наделенная этой силой, ты сможешь заглянуть в иные миры и даже сможешь овладеть великим искусством перехода при жизни.

Тебя ведет судьба. Тебя привела когда-то сюда не случайность, и то, что произошло с тобой позже, было задумано. Иначе ты бы не была здесь с таким, как я, старым индейцем-чародеем. В награду за то, что я показываю тебе все это, я требую, чтобы в свое время ты поделилась этим с другими.

Ты начнешь видеть вихри в своем обычном мире. Ты станешь мостом между энергией и веществом. Ты сможешь преобразовывать почти любую болезнь и манифестировать невероятные вещи. Этим ты будешь делиться с другими. Если ты станешь практиковать Дымящийся Череп, тебе будет открыто любое знание, при условии, что твое сердце останется чистым. Обретя достаточно сил, ты сможешь

призывать и переделать энергию так же, как это сейчас делаю для тебя я. Я открываю тебе все это, так как это должно произойти, и я готовлю тебя к этому.

- Что ты сделал со мной в огненной яме? Это походило на ритуальную кремацию!

- Верно! Ведь ты была мертва. После этого я проник своей энергией в само ядро твоей сущности. Я одарил тебя всем этим, так как заботился о тебе. Сейчас это твое достояние. Это не похоже ни на что иное. Тебя взяла к себе сама Сила. А сейчас вставай!

Я начинаю дрожать всем телом. Джон Черная Ворона страшит меня.

- Став свидетелем этого финального акта, ты должна будешь покинуть это место. Некоторое время ты проведешь во сне – многие годы, - а затем проснешься и вспомнишь, что должна выполнить задание. Когда все будет сделано, я призову тебя, и мы вместе покинем мир.

Он смотрит на меня долгим взглядом, пока я не становлюсь совершенно неподвижной. Джон держит меня за руки. Сам он начинает преобразовываться.

Я ощущаю в себе безмолвие, подчиняющееся лишь собственной воле. Я не могу вырваться из него! Джон проникает в меня, фокусирую на себе все мое внимание. Когда я уже не вижу ничего вокруг – только его, Джон Черная Ворона взрывается белым светом – горит перед моими глазами, как рождающаяся звезда! Лучи золотого огня, вырвавшись из него, пронизывают меня насквозь. Я зажмуриваю глаза в этом ослепительном свете! Я ничего не вижу. Каждая клеточка, каждый атом моего тела сгорают до сердцевины. О Господи! Что я сделала! Что я увидела!

Часть вторая

Исцеляющее Сновидение

Глава восьмая

Прошло двенадцать лет, прежде чем глубинные воспоминания тали выходить на поверхность. Вначале они приходили в форме снов. До этого я находилась в спячке. Мои чувства омертвели, и я жила в пустом материальном сне. Иногда мне даже казалось, что отрывочные воспоминания о Джоне и Чоне – не более чем галлюцинации. Во мне крепло подозрение, что, тяжело пережив смерть Ричарда, я просто сошла с ума. Чтобы скрыть это подозрение от себя и окружающих, я завершила образование, а затем стала работать учительницей в академическом эскапистском трансе. Мое пробуждение началось с одного сновидения.

Я оказалась на туманном высокогорье Чиана, в Мексике. Я сидела в гостиничной комнате, наполненной дымом камеди. Охотники – индейцы майя, пробираются сквозь снега, неся на носилках больного ягуара. Охотники останавливаются у моей двери. Ягуар снимает белую безглавую каменную маску со своей морды и швыряет ее в снег. Охотники продолжают идти. Я думаю над своим положением и тихонько подбираюсь к двери. Я решаю взять маску себе

Именно в этот момент майянский воин священник в накидке из шкуры ягуара подходит к моей двери. Он сильно бьет ногами об землю и поднимает руки к небесам в иероглифическом танце. Его поза таит в себе угрозу. И хотя он пытается скрыть свое лицо под накидкой, я узнаю в нем Халач Винника. Священник бросает на землю другую маску – пятнистую, как шкура ягуара, - которая падает еще ближе, чем первая. Я знаю, что он хочет завладеть маской ягуара и готов сражаться со мной за нее. Я уступаю без боя. Но, когда он отводит взгляд в сторону, я беру его маску. Он поднимает белую маску со снега и уходит в туман.

Меня разбудил телефонный звонок. В полной темноте я долго пыталась нащупать телефонную трубку. Я потеряла ориентацию и не имела ни малейшего представления о времени. Звонил мой лечащий врач – Мелвилл Стикл.

- Мерилин, я получил ваше сообщение. Вы до сих пор плохо себя чувствуете? – спрашивает он низким голосом, по-деревенски тягуче.

- Да, доктор, просто ужасно.

- Вы принимаете лекарства?

- Да ну конечно.

Я переворачиваюсь на спину и трогаю свой лоб свободной рукой. У меня до сих пор сильный жар.

- Никак не могу выздороветь. Ничего не могу есть. Кашляю, пока меня не вырвет. К тому же этот жар. Не могу избавиться от озноба.

- Мерилин, мне хотелось бы, чтоб вы увиделись со специалистом «Сакред Харт»*, доктором Уильямом Бэббиттом. Я хочу, чтобы вы прошли все обследования, которые он назначит.

- Ладно, доктор Стикл, как вы скажете.

- Вот и отлично, я договорюсь о встрече на завтра.

- Завтра? Но ведь завтра суббота...

- Он принимает пациентов и по субботам, в первую половину дня. Постарайтесь приехать туда как можно раньше.

Я испытала приступ беспокойства. Что творится со мной? Я уже пропустила несколько дней в школе, и мои ученики, наверное, совершенно разболтались. Я чувствовала недомогание с тех пор, как повезла их смотреть на место, где причалили корабли Колумба. Я не могла спать по ночам. В голову все время лезли воспоминания о пожаре, разрушившем мою классную комнату. Я со своими учениками рисовала на задней стене класса большую картину, на которой изображались майянская пирамида, построенная в честь бога Кукулкана. Мы завершили работу над ней в пятницу, а в выходные пожаром было разрушено все филологическое крыло школы. Причина пожара так и не была установлена. Все это страшно тревожило меня. Я чувствовала, что должна существовать некая тайная связь между пожаром и моей болезнью.

На следующее утро я проснулась с первыми лучами солнца, проникшими в мое окно. Даже после ночного сна я чувствовала сильную физическую слабость. На встречу с доктором я отправилась одетая в шерстяное пальто. В этот теплый день обогреватель в моей машине работал на полную мощность. Я кашляла всю дорогу не переставая. Наконец я добралась до клиники и оставила машину на поземной стоянке, предназначенной для посетителей ракового центра. Выходя, я обратила внимание на красивый черный «ягуар-седан», пристроившийся рядом с моим джипом.

Стеклянная дверь, ведущая в Онкологический Центр, раскрылась сама, как только я ступила на резиновый коврик, устилающий пол. Я сразу же попала в регистратуру, где за стойкой сидела добродушная толстая регистраторша в алом брючном костюме, на котором красовалось изображение пуделя. Она с упоением сосала коричные леденцы и смотрела на меня с любопытством.

- Вы пришли на прием?

- Да, к доктору Бэббитту, - с трудом произнесла я, облокотившись на деревянную стойку и потянувшись за конфеткой.

- Как вас зовут? – спросила она, перелистывая большие страницы журнала.—

Мерилин Тюнншенд, - ответила я, но, увидев смущенное выражение на лице толстухи, спросила сама:

- Разве что-то не так?

- Вашего имени нет в списке.

- Дел в том, что на прием к доктору Бэббитту меня лично записал доктор Стикл. Я не постоянная его пациентка.

* «Сакред Харт» - с англ. Святое Сердце.

Это показалось женщине достаточно убедительным. Сняв трубку и позвонив «вниз», она заявила:

- Можете идти вниз, он примет вас. Спуститесь в подвал на лифте, а затем сразу же поворачивайте направо.

Лифт опустился в подвал, дверца открылась, и передо мной предстала сцена, достойная преисподней! Раковые больные. Некоторые из них едва держались на ногах. Здесь были старики и еще совсем молодые люди. Некоторые сидели, другие стояли, прислонившись к стене.

В центре этого огромного неземного храма стояли полки с файлами, возле которых суетились служащие в белых халатах. Пошатываясь, я двинулась к этому алтарю.

- Мерилин Тюнншенд? – спросила я так, словно сама не была уверена, что это мое имя. – К доктору Бэббитту, - продолжала я, заикаясь.

Женщина, к которой я обратилась, подала знак своей сотруднице.

- идейте со мной, - сказала та мне и повела меня через лабораторию в отделение химиотерапии.

Меня поразила та темная энергия, которая ощущалась здесь везде. Очевидно, она была порождена воздействием, оказываемым на пациентов лучевой терапией и химиотерапией. Везде можно было увидеть пациентов, полулежащих в низких креслах с подвешенными на стойках системами для внутривенного вливания, напомнившими мне воздушные шары, готовые взвиться в небо. Светловолосый, среднего роста мужчина суетился возле них, словно проверял давление гелия в шарах, заботясь, чтобы они не спустились.

Возможно, это и есть доктор Бэббитт? Меня завели в смотровой кабинет и оставили там одну, прикрыв за собой дверь. Я замерла, словно зайчонок, прячущийся в траве. Но вот дверь открылась и в комнату вошел мужчина.

- Мерилин, я доктор Бэббитт.

Мне потребовались все мои силы, чтобы встать со стула. Я обернулась и увидела собственное отражение в зеркале на стене. Я пришла в ужас! Одежда болталась на мне, как на скелете. Лицо казалось черепом, обтянутым серой мумифицированной кожей, а волосы песочного цвета свисали пучками просаленной соломы до острых локтей.

Доктор Бэббитт, заметив мою реакцию на собственное отражение в зеркале, мягко усадил меня на стул.

- Садитесь, Мерилин, - сказал он спокойным добрым голосом, в то время как его глаза выражали тревогу.

Я представляла, как синапсы в его мозгу искрятся от напряжения.

Только сейчас мне удалось хорошенько рассмотреть его. С первого взгляда могло показаться, что он скандинав. Это был нордический тип – волевой. Слегка вьющийся и лишь у лба лунным. От него под флуоресцентным светом ламп исходило белое сияние. Рук были деликатными, но вполне мужскими.

- Давайте-ка, поговорим о ваших симптомах, - начал он. – Есть температура?

- Да, около 130 по Фаренгейту, - ответила я, наблюдая, как он начинает записывать мои слова.

- Потеете ночью?

- Да, а как вы догадались?

В ответ он только пожал плечами.

- Вы кашляете. Как давно это началось?

- Кашлять я начала еще в День Благодарения, но с Рождества кашель усилился. А что у нас сейчас? Февраль?

И я закашлялась.

- Да. Потеря в весе?

- Около двадцати фунтов за последний месяц, - сказала я, оглядывая свое явно исхудавшее тело.

- Железы увеличены?

Он пощупал шею и заглянул в горло.

- Нет, думаю, что нет.

- Тошнит?

Казалось, вопросам не будет конца.

- О, да.

- Мне нужно обследовать вас, Мерилин. Сможете подойти к столу?

Он выглянул в холл и позвал сестру. Когда она вошла в кабинет, доктор Бэббит начал разминать мою шею, словно кусок теста. Его пальцы легко порхали по обеим сторонам шеи.

- Вы никогда не замечали эти увеличенных желез? – в его голосе прозвучала тревога.

- Нет, обычно я не ощупываю себя здесь.

Он обеспокоенно посмотрел мне прямо в глаза.

- В другие страны выезжали?

- Да, и нередко. Последний раз в Мексику. Я получила грант для работы там.

Думаете, я подцепила там что-то? Но я никогда раньше ничем не болела, если не считать кишечной инфекции.

- Не знаю. Как вы думаете, чем вы больны?

- Доктор Стикл думал, что это мононуклеоз. Но мне что-то не становится лучше.

- Если это и мононуклеоз, то наихудший случай, который я когда-либо встречал в своей практике, - отрубил он, но затем продолжал более мягко:

- Я собираюсь проверить вас в своей клинике. Вы должны будете пройти обследование и сдать анализы.

- Хорошо, делайте то, что считаете нужным.

Он улыбнулся. Врачи обожают сговорчивых пациентов.

- Тогда порядок. А в чем состояла ваша работа по гранту?

- Я исследовала истоки латиноамериканской настенной живописи, изучая фрески индейцев майя доколумбовой эпохи. Благодаря гранту мне удалось провести три месяца в джунглях и горах полуострова Юкатан. Параллельно я занималась лингвистической работой, набирая материал для докторской диссертации.

- вы говорите по-испански свободно?

Доктор казался заинтригованным.

- Да, хотя я не испанка.

- Прошу прощения, Мерилин, - сказал он вежливо, подходя к конторке и наживая на рычаг интеркома.

Он отдавал приказы уверенным тоном, как человек, привыкший, что незримые собеседники немедленно выполняют все его распоряжения.

Тут же на пороге появился санитар и, усадив меня в кресло на колесах, помчал «a la cartega»* по туннелям этого радиоактивного подземелья к лифту, который изверг нас на восьмом этаже клиники. Там меня доставили в палату номер 800, где я смогла прийти в себя от бесконечных поворотов.

Это была маленькая одиночная палата – мне сказали, что все палаты здесь одиночные, - с огромным окном, из которого открывался вид на современный небоскреб с пирамидальной крышей. Надвигалась ночь, а мне совершенно не хотелось спать. Пирамидальная крыша тускло светилась. Наблюдая за ней, я незаметно уплыла в сон.

Через несколько дней, когда солнце взошло над зданием, увенчанным пирамидальной крышей, анестезиолог начал готовить меня к бронхоскопии. Через катетер для внутривенных вливаний он впрыснул какое-то вещество для уменьшения выделения

* «На полной скорости» (исп). – Прим. перев.

слюны. Вскоре глотать стало очень трудно. После этого в палату вошел суроволицый санитар со стрижкой «ежиком» и уложил меня на носилки.

Он долго вез меня по нескончаемым коридорам. Наконец мы добрались до диагностической лаборатории, оснащенной телемонитором и панелью управления для компьютерного анализа. Меня попросили лечь на стол для рентгенологического исследования. Крохотная блондинка – медсестра по имени Флора – дала мне релаксант, а затем оросила полость носа и рта ледокоином с запахом детского аспирина. Теперь я уже не могла глотать вообще. Затем она рассказала мне, что я должна положить левую руку на специальный подлокотник, чтобы она не мешала рентгенологическому исследованию легких.

После этого в диагностический кабинет вошла женщина-врач по имени Тигуэс. На ней были хирургические перчатки, голубой медицинский халат и маска. Она посмотрела на меня так, словно я была ее первым подопытным инопланетянином. Доктор Тигуэс взяла в руки длинную черную резиновую трубку толщиной с соломинку для коктейлей. К концу трубки были присоединены крохотная камера и лампочка. Она включила телемонитор, и ее глаза засияли.

Когда доктор Тигуэс подошла ко мне с резиновой трубкой, мои глаза оставались широко открытыми, а дыхание стало ритмичным. Она ввела трубку в мою правую ноздрю и стала проталкивать ее вглубь. Мне было неприятно, но не больно. Когда трубка уперлась в заднюю стенку горла, я закашлялась, но доктор продолжала водить эту черную тонкую змею в недра моего дыхательного аппарата. Я продолжала покашливать даже тогда, когда она достигла моего правого легкого, но со временем привыкла к этому ощущению.

Доктор Тигуэс ввела в трубку проводок, оканчивающийся крохотным пинцетом. Ее левый глаз оказался рядом с моим лицом, а правым она заглядывала в глазок, находящийся на наружном конце трубки. Когда ей требовалось отщипнуть кусочек ткани, она нажимала на кнопку, а электронный пинцет, подчиняясь сигналу, откусывал нужный участок. После этого она вытягивала проволоку из трубки, помещала кусочки ткани в чашку Петри и вновь повторяла всю процедуру.

Я повернула голову и стала смотреть на монитор. Вид моих дышащих легких загнипнотизировал меня. Они словно были обведены серой полосой, а капилляры, проходящие сквозь легочную ткань, казались тонкими темными нитями. Я также заметила расплывчатые тени и смогла различать зонд и крохотные механические щипцы.

Я вновь посмотрела на доктора Тигуэс. Ее глаз показался мне огромной вращающейся воронкой.

Я Сновижу, уношусь куда-то на одном из пятнышек света в ее глазу. Пятно света превращается в линию и взрывается радужной светящейся кометой. Она пронесется сквозь бесконечную пустоту. В центре этой пустоты находятся мои колоссальные легкие. Все время по кругу

Когда мне проверяли вечером температуру, над пирамидальной крышей, освещенной неоновыми огнями, вошла полная луна. Из вентиляционного отверстия, выходящего наружу из-под моего окна, поднимался пар. Мои простыни стали влажными. Подушка промокла.

Я слышу звуки глиняных флейт и цимбал. Гонг! Верхушка пирамиды купается в ослепительном белом свете. Я стою на коленях у каменного алтаря в келье, высеченной в глыбе известняка. Меня полностью захватывает это видение. Я вслепую пробираюсь сквозь какое-то неизвестное вещество. Мои губы беззвучно произносят какие-то неопишуемые слова.

С противоположной стороны алтаря свет сгущается – становится более ярким. Он отвердевает, пока не поднимается над полом, словно могильная плита. От его боговых сторон исходят острые, угловатые, беловато-желтые эманации,

напоминающие крылья. В центре светящейся трубы находится блистающий вертикальный раскол – место, где столкнулись два мира света. Из этого раскола доносится голос сущности света.

- Кто ты? – спрашиваю я, и мои руки складываются у сердца.

В ответ гремит звук. Я ощущаю рельеф иероглифов – символов света, перенесенных из их светового источника на камень алтаря, где я могу нащупать их кончиками пальцев. Мои пальцы порхают по абстрактным светящимся мыслям, словно пальцы слепой. Иероглифы превращаются в маленьких световых змей, кусающих своими острыми зубами нежные подушечки моих пальцев. Я чувствую, как они продолжают извиваться от моего прикосновения.

- Я здесь, чтобы привести тебя назад к тому, кто помнит о тебе.

Свет, кажется, полностью окутал комнату. Он вновь сгущается перед моими глазами.

- Кто помнит обо мне?

Я вижу, как рука, состоящая из белого света, появляется из светового раскола. Я чувствую, как она нежно и бережно гладит меня по щеке. Свет исходит из нее, как пар из сухого льда. Рука прохладна и спокойна.

- Помни, - произносит голос.

Вспышка абсолютной ясности. Я знаю, что со мной происходит. Знаю, что должно произойти.

Глава девятая

Прошло несколько дней после этой процедуры. Наступает вечер, и я лежу на больничной кровати. Весь день в палату являлись сестры – брали кровь на анализ и пытались соблазнить меня апельсиновым шербетом. Я с отвращением отказывалась от пищи. Не могла на нее смотреть. Мне вполне хватало ее запаха.

В окно проникал лунный свет, и мне казалось, что маленькие перламутровые пони, сорвавшись с гор, поднимают за собой шлейф блестящей пыли. Я протянула к ней руки. Струющийся свет омыл их. Я поняла, что мне вновь пора уйти в лунный свет и безмолвие.

Я поднимаюсь из своего тела – плыву наверх. Я чувствую, как свободно взлетаю, а затем оказываюсь в ином мире.

Туманы сновидения, становясь все прозрачнее, открывают передо мной землю предков Майя в Центральной Мексике. Я вижу с высоты пирамиду солнца в Теотихуане. Пирамида расширяется книзу – величественная, массивная – подобная природному образованию, на котором высечены ступени. Я знаю, что под пирамидой есть пещеры, по которым предшественники древних мексиканцев ползли в конце великого потопа, обнадеженные тонкими лучами солнечного света, проникающего сквозь трещины. Они воздвигли гору над пещерами, уложили камни, пока она не стала второй по величине пирамидой в мире, уступающей только Великой Пирамиде в Гизе. Я знаю, что прежде, до потопа, климат здесь был гораздо более суровым, и мужчины охотились на мастодонтов, а над густыми зарослями возвышались дымящиеся вулканы. Я сразу же узнаю картину и чувствую, что это начало Новой Эры. Индейские племена в основном ведут кочевой образ жизни. Злаки лишь начинают выращивать, а вода является главной ценностью.

Я переносюсь в 300 год новой эры. Потомки кочевников осели на полуострове Юкатан. В некоторых местах полуострова царит тропический климат, а в других – засушливый. Существует легенда, что сюда с небес обрушился огромный астероид, подняв в воздух тучи пыли, и преградил доступ солнечным лучам, из-за чего мир погрузился в серый сумрак. Люди изобрели астрономию, чтобы наблюдать и предсказывать подобные явления. Они продолжают строить пирамиды, развивают

искусства и агрокультуру. Люди отличаются большой силой и охотятся на диких животных.

Сцена переносится вперед во времени, и вот я стою у огромного, совершенно круглого природного водоема. Он кажется мне бездонным, а его берега состоят из белого пористого известняка, на котором растут деревья. Таких мест множество на полуострове, и все они священны. Морская вода просачивается сквозь известняк, который задерживает в себе соль и делает воду пресной. На дне таких водоемов живет бог дождя Чак Мул. По уровню воды можно судить о его настроении.

Водный жрец (именно он способен лучше всех толковать пожелания Чак Мула) стоит у края водоема. Поднимается ветер. Горизонт мрачнеет. Жрец, бедра которого повязаны куском льняной ткани, напоминающей юбку, держит на руках младенца и кричит, обратив лицо к небу:

- как великий бог воды, Чак Мул, приносит воду жизни нашим землям и забирает воду обратно, так он забирает к себе и жизни, которые нам дает. И потому я, слуга Чака, предлагаю ему только что рожденную жизнь в надежде, что он позволит нашим хлебам вновь заколоситься.

Сейчас жаркий сухой сезон, и Чака следует умиловить. Если он пошлет воды назад, они придут с большой жарой. Из толпы раздаются выкрики:

- Чак, нам хочется пить! Чак, пошли нам воду!

На лице младенца появляется улыбка – смешная болезненная улыбка. Его родители, как и полагается, стоят внизу – у самого края водоема.

- Сейчас он бросит ребенка в воду! – раздается одинокий возглас.

Я сознательно вхожу в это сновидение.

- Не бросай ребенка! Его только что начавшаяся жизнь будет поглощена Мулом. Накорми его чем-то, что он сможет выплюнуть.

Маленькая головка младенца качается вверх и вниз, тогда как жрец поднимает его все выше.

Вновь из толпы доносятся выкрики:

- Давайте поглядим, что он сделает с ней!

Рука какого-то человека указывает на меня.

- Мы сможем предложить ребенка позже, если он не захочет эту. Это новый способ – она предлагает в жертву себя!

- Это новый способ! – вторит другой голос из толпы.

- Новый способ! – хором подхватывает вся толпа.

Родители поднимаются по тропе и забирают из рук жреца своего ребенка. Они будут ожидать в специальной хижине для церемоний, на случай, если младенец вновь потребуется для жертвоприношения.

- мы бросим тебя вниз с наступлением темноты, - шипит мне жрец, пытаясь испепелить меня взглядом. Он шумно шагает к своей хижине, где окунется со своими мыслями в дым камеди, оставляя меня одну на краю водоема. Люди, собравшись в круг, рассматривают меня с довольно большого расстояния. Затем они начинают расходиться, что-то бормоча друг другу. Я сажусь, свесив ноги с отвесного края. Отсюда до воды придется еще долго лететь.

«Интересно, какая она, теплая или холодная?» - думаю я про себя.

Я сижу и прислушиваюсь, и тут до моего слуха долетает шелест из джунглей. Раздвигая листву, из зарослей появляется Чон, загорелый и собранный. Его зубы белы как луна. Он и сейчас одет в белую рубаху навыпуск, а его волосы подстрижены, с челочкой. В левой руке он держит маленькую связку зеленых листьев. Я невероятно рада видеть его здесь.

- Это начало, которое Сновидишь. Мы ожидали тебя здесь, чтобы разбудить, - говорит он, изучая меня с любопытством, - мы начнем с этого момента. Чак стар и

непостижим. Он не выплюнет тебя – он преобразит тебя. Чак – это дух. Позволь мне поделиться с тобой этим.

И он указывает на связку листьев.

Чон начинает растирать мне спину ароматной смесью животных и растительных масел. Он не отрывается от своего занятия пока на смену дню не приходит ночь. Возвращается жрец, а Чон исчезает в зарослях джунглей.

- Я даже не стану швырять тебя вниз. Прыгай сама! – злобно выкрикивает он.

- Но отсюда невозможно прыгнуть, - отвечаю я, заглядывая в черноту водоема.

- Ты должна прыгнуть!

Он надвигается на меня, глядя сверху вниз. За его спиной поднявшийся ветер шуршит деревьями.

Я думаю о том, чтобы незаметно спуститься по лианам и провести всю ночь, висая на них у самого водоема. Но жрец неотрывно смотрит на меня. У меня нет никакого выбора. Жрец вытаскивает кремневый нож и подступает ко мне. Если я не прыгну, он убьет меня. Кроме нас двоих здесь никого нет. Если я не прыгну, он убьет меня. Я слышу его рык. Прыгаю. У меня перехватывает дух, и ноги взлетают, ударяясь о ледяную воду. Я не могу дышать. Затем я чувствую, что плыву.

- Не пытайся контролировать себя. Отдайся энергии Чака, - доносится до меня голос Чона.

Я открываю глаза. Меня окружает полнейшая темнота, но я чувствую, что плыву на поверхности воды. Я делаю вдох А-а-а-а! Я не могу повернуть голову, чтобы вдохнуть в себя свежий воздух.

- Жир ягуара, - говорит Чон, подходя к краю бассейна, - а также ароматические масла растений поддерживают нормальную температуру тела. Оставайся там же, где сейчас. Скоро взойдет луна. Она также будет решать свою судьбу. Этот жрец просто испуган твоей силой. Он сказал: «Если она всплывет мертвой – значит, Чак отверг ее. И мы бросим на заре в водоем младенца. Если же о тела не осталось и следа, - значит, Чак принял ее». Он ушел сразу же после того, как ты прыгнула.

Я остаюсь в воде. Чон говорит о том, что время и Сновидение цикличны. Они всегда возвращаются назад. Тут восходит луна. Она совершенно кругла. Она поднимается в зенит и оказывается точно над водоемом. Я чувствую, что плыву в белой горячей чаше. Я делаю лишь слабые движения, чтобы пустить рябь по свечению.

- Я так и знал! – торжественно кричит Чон. – Оставайся с луной. Все будет в порядке. Просто оставайся там, где ты сейчас, и слушай, когда птицы начнут петь на рассвете.

Он вновь исчезает в лесу.

Я напряженно вслушиваюсь, пытаюсь различить пение птиц, но слышу лишь крики животных и страшные булькающие звуки, доносящиеся из тьмы. Жуткие крики, наводящие меня на мысли о какой-то древней душе. Наконец я вижу тоненькую пурпурную полоску на горизонте. Затем до моих ушей доносится топот толпы, спускающейся вниз по тропе. Рядом, словно черная птица, прыгает Чон. В руках у него лиана, с помощью которой он надеется вытащить меня из воды.

- Чак благословил ее, - кричит он толпе, - она не мертва и не отвергнута. Она жива.

Лиана падает в воду.

- Не мели ерунды! – резко обрывает его жрец, когда я цепляюсь за лиану, и люди вытаскивают меня на берег. – Чак даже не обратил внимания на ее жест.

- О, нет, он обратил внимание! – кричит в ответ Чон.

С меня стекает вода, а все тело покрыто зеленой тиной и жиром. Моя набедренная повязка тоже зеленая и прозрачная. Сквозь нее просвечивают мои бедра.

- Это отвратительно, - шипит жрец, тыча кремневым ножом в мою сторону.

Я ощущаю, словно поднимаюсь куда-то во тьме. Я снова плыву по тому же водоему, но меня окружает гораздо большее количество людей. В этом месте бурлит жизнь. Вокруг множество каменных конструкций и пирамид. Я вижу спиралевидное строение и астрономическую обсерваторию.

Я лечу куда-то вниз, подобно дыму, и оказываюсь сидящей со скрещенными ногами в темном углу «Наннери» - здесь проходят обучение жертвенные женщины, пока их жизнь не будет «призвана». Чон сидит рядом со мной. Я люблю его заботливым, добрым лицом с длинным тонким носом, столь характерным для индейцев майя. Он улыбается и указывает рукой в сторону тучи, висящей над обсерваторией.

- Я ждал тебя. Обряд жертвоприношений Чаку стал иным. Если мы собираемся нести это учение дальше, то должны исправить его жертвенный аспект.

- Какой сейчас год? – спрашиваю я саму себя. По иероглифам, высеченным на стеле (похожей на тотем, стоящий рядом с Наннери), я определяю, что сейчас время, соответствующее 650 году н.э.

Я слышу тяжелые шаги приближающегося Халач Винника, звон золота и яшмы. Его фигура появляется в проходе и закрывает солнце. Он огромный – высокий и мощный. Весь его вид выражает властность. Я с изумлением смотрю на Чона.

- Добро пожаловать с Чичен-Ицу, - раздаётся рев Халача.

Его зубы густо инкрустированы драгоценной яшмой и бирюзой. Он усмехается мне и идее дальше в сопровождении двух послушных ему вельмож, облаченных в одежды из шкур ягуара.

Женщины из Наннери нашептывают мне, что детей, как и взрослых женщин, бросают в священный водоем со связанными руками и ногами. Мужчин же собирают для игры в мяч в священном дворе. Победителей обезглавливают, и их кровью поливают двор во славу Чака.

Я отправляюсь на экскурсию с Чоном – моим Чуч Кахау. Я осматриваю искусственные водоемы и вижу, как в парных банях вода из подземных источников стекает по горящим угольям. На берегу рядом с Тулумом есть места для ритуального омовения и очищения. Они кажутся мне божественными – почти небесными. Мы купаемся под землей в чистой воде, озаренные солнечным светом, проходящим сюда через отверстия в крыше пещеры. Везде прыгают и кувыркаются дельфины.

Вот мы проплываем на каноэ, сделанном из ствола дерева, по реке сквозь джунгли. Это по другую сторону Паленке, дальше от Чичен-Ицы. Здешний правитель, Ахау Пакаль Вотан, построил здесь подземную канализацию, а сейчас занят сооружением огромного Храма Надписей, в котором будут покоиться его останки. Как и Халач, он отличается невероятно огромным расходящимся косоглазием.

В дворцовой Комнате Инициаций люди прокалывают свои языки и гениталии в экстатическом ритуале ради видений и прорицаний по брызгам крови. При этом они съедают грибы или воскуряют порошок, приготовленный из сушеных грибов, что вызывает галлюцинации и озарения. Видения и прорицания проводят практикующих, покинувших свое тело, сквозь миры, населенные богами.

Мы идем по джунглям в направлении Чичен-Ицы. Лесная тропа становится все более узкой и наконец совершенно исчезает, когда мы, подобно дыму, начинаем подниматься над густой листвой. Когда мы вновь опускаемся на землю, время уносится вперед. Я вижу двор с огромными каменными цилиндрическими фигурами, подвешенными на канатах, которые раскачивают рабочие в набедренных повязках. Сталкиваясь друг с другом, цилиндры издают звон, разносящийся на мили вокруг. Я замечаю немайянские лица среди группы людей, проходящих мимо. Индейцы майя обычно изменяют форму головы – делают ее либо более плоской, либо более высокой, к тому же их отличают орлиные носы. Носы же этих людей не такие большие и более острые, исполнены ярости, а их манеры очень воинственны.

По надписи на камне я определяю, что это 1200 год н.э. Мне сообщают, что эти воинственные люди – потомки толтеков, изгнанных из северных земель. Они осели в почти заброшенной Чичен-Ице и воскресили ее. Мы с Чоном проходим мимо ступенчатой пирамиды, сооруженной в честь пророка Кукулкана, или Кетцалькоатля, как называют пророка они.

Пирамида ориентирована по солнцу, и свет падает на ступени в форме маленьких треугольников, поднимающихся и опускающихся, подобно туловищу змеи, и наконец, скрывающихся в открытой пасти каменной головы змеи. Кукулкан – могучий бог трансформации.

Мы медленно проходим по двору, который заканчивается высоким прямоугольным храмом, украшенным лестницей. У его подножия стоят каменные колонны – их тысячи, и они служат основанием для длинных переходов под тростниковыми крышами. Это Храм Воинов. В нем они приносят в жертву тысячи покоренных людей, не ассимилировавшихся с победителями. Мужчины, женщины и дети стоят внизу, привязанные к колоннам. Они ожидают своей очереди умереть в этих бесконечных верхних переходах.

Множество народу собралось вокруг храма. Я подхожу к одной из колоннад, покрытых тростником. Здесь никто не привязан.

Чон также выбирается из толпы – его лицо выражает тревогу.

- Вот мы и прибыли. Вот что мы должны изменить. Такое жертвоприношение пахнет преисподней. Я полностью согласна с ним и киваю головой. Индейцы майя начинают скандировать:

- Дай нам. Дай нам.

Толтеки, удерживая возбужденную толпу и охраняя связанных пленников, проводят их наверх одного за другим.

Я начинаю проталкиваться сквозь группу корчащихся в агонии, связанных людей, которые что-то кричат на неизвестном мне языке. Я должна Видеть. Толтеки раздвигаются передо мной и позволяют мне дойти до подножия лестницы. Но тут один из них хватается за руку и ведет вверх по ступеням.

- Я не нуждаюсь в помощи! – кричу я ему и вырываю свою руку из его лап.

Я поднимаюсь по невероятно крутым ступеням покрытым терракотой и разноцветными иероглифами. Восхождение оказывается очень продолжительным. Раздается гонг, и толпа замолкает. Наверху перед моими глазами открывается склоненная голова бога, вытесанного из красного камня. Его огромный плоский живот нависает над лестницей. У каждого из четырех углов храма находятся статуи, стоящие на коленях и держащие в руках чаши, в которые попадает «нектар Богов». Массивная голова змеи расположена позади и слева от каменного бога. Из надписей я заключаю, что этот красный каменный демон с плоским животом должен изображать Чака.

Дым благовоний окружает меня, как туман. Внезапно высота вызывает у меня головокружение. Сквозь дым мне удается различить вдали контуры пирамиды Кукулкана. Из каменной комнаты появляются два жреца-толтека, одетые в красные вязаные наряды и золотые шлемы с изображением орлиных голов. Каждый из них берет меня за руку. И тогда из-за каменной перегородки торжественно появляется Халач Винник, разукрашенный золотыми и зелеными перьями кетцалья.

Он косится на меня с довольным видом и начинает точить свой нож из обсидиана об один из церемониальных столбов. Чон, пытаясь, проталкивается наверх. Он принес с собой церемониальную урну и магический жир. Растирая жир на моей груди и шепча молитву, Чон не спускает с меня своих пронзительных глаз. Моя грудь тяжелеет, и мне становится трудно дышать. Кожу начинает пощипывать, и у меня возникает ощущение, что она отделилась от тела.

Чон отступает в сторону, а два жреца-толтека, подойдя ко мне с обеих сторон, ведут меня к каменной плите. Держа мои руки, они привязывают меня к каменной плите.

В то же время два младших жреца, чьи головы не покрыты шлемами, связывают мои ноги вместе, а затем привязывают их к кольцу, прикрепленному к каменному полу. Халач Винник склоняется надо мной.

- Перебейте ей хребет, чтобы она не корчилась, - плюется он ядовито, еле шевеля губами.

- Я не боюсь тебя,- шепчу я в ответ.

Сзади ко мне подходит жрец в шлеме с орлиной головой и поднимает мои руки над головой, второй же заходит спереди и начинает толкать меня на плиту, пока мое тело не сгибается пополам. Я слышу громкий хруст, и мои ноги перестают извиваться. Халач наклоняется ко мне, рассматривает меня с возмущением. Я чувствую его дыхание на своем лице.

- Я не боюсь тебя,- повторяю я, обжигая его взглядом, - ты больше ничего не можешь причинить мне.

- Здесь ты возвращаешь себе свою силу! – доносится до меня крик Чона.

Я смотрю прямо в глаза Халач Винника и вижу в них страх. Он боится, что проиграет битву. Его глаза начинают лихорадочно блестеть, а на висках проступает пот. Он вонзает мне в грудь нож и разрезает грудь. Затем он засовывает руку в открытую рану и достает оттуда мою драгоценность – мое священное сердце, которое все еще бьется. Халач начинает ловить ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег, - сердце в его руках вспыхивает золотым огнем. Толпа, стоящая внизу, приходит в движение. Перепуганный Халач швыряет горящее сердце прямо в плоский живот Мула.

Глава десятая

Первыми, кого я увидела следующим утром, были доктор Бэббитт и круглолицый студент-медик, стоящие у моей кровати. Из-под рукавов белого халата, мешковато сидевшего на парне, выглядывали короткие толстенькие пальцы, а на розовом лице застыло какое-то детское выражение. Поднявшись с постели, я подошла к зеркалу и, тяжело опираясь на умывальник, стала поправлять волосы в свете флуоресцентной лампы.

- Мерилин, - начал доктор Бэббитт прерывающимся голосом, - мы кое-что обнаружили...

- Что? – спросила я, обернувшись.

Он сделал глубокий вдох, а затем выпалил, отворачивая глаза:

- У вас... СПИД.

Тишина.

СПИД? О Господи! Я почувствовала, что начинаю задыхаться. Доктор Бэббитт стал двигаться с замедлением, глядя на меня искоса, так что я не могла разобрать выражение его лица. Я отвернулась от него и перевела пустой взгляд на окно, затянутое дымкой.

Моя энергия пульсировала где-то рядом с телом, немного позади него и сверху, соединенная серебряной нитью с моим животом. Студент-медик обернул ко мне свое лицо. Оно залилось краской и казалось горячим и влажным. Я взялась за спинку руками кровати и села на постель.

- СПИД?

Я старалась говорить тихо.

- Мы еще не знаем, находится ли болезнь в разгаре.

- Вы видели результаты анализа крови собственными глазами?

- Да.

- Это невозможно. Вы ВИДЕЛИ вирус?

- Мы обнаружили антитела, которые борются с вирусом, - тихо ответил он, продолжая смотреть сквозь окно.

- Повторите анализы! – закричала я.

- Я так и сделаю, - ответил он, впервые поглядев мне прямо в глаза. В его голосе звучало напряжение.

- Здесь должна быть какая-то ошибка! – я содрогнулась всем телом.

Доктор Бэббитт посмотрел на мою руку, впившуюся в спинку кровати, затем перевел взгляд на круглолицего неопита и вышел вместе с ним из палаты.

Со следующего дня обложила ворохом литературы, посвященной вопросам СПИДа которую мне удалось раздобыть в больничной библиотеке. Каждая следующая статья, прочитанная мной, казалась мне еще более пессимистичной и безнадежной, чем предыдущая. Красавица-медсестра по имени Фауна торжественно принесла мне пыльные тома медицинской энциклопедии, словно это были фолианты из Александрийской библиотеки.

- Мерилин, вряд ли тебе стоит читать все это.

- Но я должна знать об этом, Фауна.

В какой-то момент я стала беспрестанно повторять имена этих биологических демонов, переворачивая огромные страницы «Некрономикрона».

В палату вошли врачи, чтобы провести кожный тест на туберкулез. Мне сообщили, что ввиду пониженного иммунитета кожная реакция может отсутствовать даже при наличии активного туберкулеза. Отныне медики, являющиеся ко мне, носили на лицах маски, а содержимое мусорной корзины и простыни сбрасывали в красные пластиковые пакеты с надписью: «БИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФЕКЦИЯ».

В палате стояла тьма. Было уже поздно – около десяти вечера. Я проснулась и услышала голоса, доносящиеся из-за закрытой двери. На пол рядом с дверью упал прямоугольник света, и в палату вошли двое. Медсестра Патси, чье лицо скрывалось под марлевой маской, ввела за собой маленького, изящного, хорошо одетого мужчину с длинными седеющими волосами.

- Мерилин, вот человек, который хочет увидеть вас, - произнесла Патси из-под маски.

- Я доктор...

- Роско Бостик, - оборвала я его на середине фразы, приподнимаясь с подушек и протягивая руку для приветствия.

- Откуда вам известно мое имя? – произнес он с сильным акцентом, протягивая мне свою маленькую прохладную руку с хорошо ухоженными ногтями. – Вы уже слышали обо мне?

Он казался искренне удивленным.

- Доктор Бэббитт сказал мне, что вы, возможно, зайдете осмотреть меня этим вечером.

- Понятно, - пропел он. – А говорил ли вам доктор Бэббитт, что я являюсь ведущим специалистом в вопросах ВИЧ/СПИДа?

Я кивнула головой. Доктор Бостик, казалось, был польщен этим и, подтянув к себе стул, элегантно присел на него у моей кровати, скрестив ноги.

- Прошу прощения, Патси, но нам с больной нужно немного поговорить.

Доктор Бостик стал изучать меня, сложив ладони треугольником перед своим лицом. Затем, достав маленькую голубую бумажную маску из кармана пиджака, положил ее перед собой на столе.

- Не могу заставить себя носить эти штуки. Не переносу их. Да и, кроме всего прочего, у меня иммунитет к туберкулезу. Я сам перенес его в детстве, - он на минуту замолчал, слегка наклонившись вперед, - Мерилин, расскажите мне о себе.

Меня ободрили его слова, о том, что он перенес туберкулез и излечился. Судя по его возрасту, это должно было произойти в тридцатые годы до эры антибиотиков. Кроме того, меня очень тронул его жест.

Я начала прерывающимся голосом:

- Мне тридцать девять лет, и я школьная учительница.
- Я знаю это, - терпеливо сказал мой собеседник. – Доктор Стикл рассказал мне об этом... я имею в виду, рассказал мне о вашей болезни.

Несколько удивленная, я попыталась рассмотреть в полумраке его лицо. Затем стала перечислять свои симптомы: лихорадку, ночной пот, потерю в весе, кашель и слабость. Бостик слушал меня очень внимательно, почти зачарованно.

- Что вам уже сказали, Мерилин? – спросил он мягко.
- Сказали, что у меня СПИД, - я внимательно следила за его реакцией.
- И как вы к этому отнеслись?
- Ну, я думаю, что они считают, что я должна им поверить. Они показали мне результаты анализа, - прошептала я, пододвигаясь поближе к нему.

Какой философский взгляд на вещи! – воскликнул он, - А как вам сообщили эту новость?

- Доктор Бэббитт просто вошел в палату и сказал: «У вас СПИД».

Доктор Бостик при этих словах едва заметно вздрогнул и отвернулся, устраиваясь на стуле поудобнее.

- Что вам еще сообщили? – спросил он, окончательно справившись со своими эмоциями.

- Мне сказали, что я, возможно, больна туберкулезом, хотя кожная реакция отрицательна.

- Да, это не исключено, - серьезно произнес доктор Бостик. – Но для вас, Мерилин, важно запомнить одну вещь: хотя СПИД пока что неизлечим, мы можем успешно лечить почти все его симптомы. А сейчас я должен исследовать ваши глаза.

Тут он открыл свой черный докторский саквояж и извлек оттуда офтальмоскоп.

- Пододвиньтесь-ка сюда, к этому концу кровати, - приказал он, похлопывая по кровати у моих ног. – Когда я включу эту штуку, то хочу, чтобы вы смотрели прямо на свет.

Он поднес прибор к моему правому глазу, и я стала смотреть на свет, как мне и было сказано. Он пытался исследовать мой глаз.

- Не глядите на меня. Смотрите на свет.

Но мне все же хотелось смотреть на него. Его лоб за годы работы с людьми покрылся мягкими морщинами, чем-то напомнившими мне складки на старом детском одеяле. У меня слегка открылся рот, пока я глядела во все глаза ему в лицо.

- Мерилин, да не смотрите же на меня, смотрите на свет, - мягко повторил он свою просьбу.

Смотрите на свет: эта фраза пробудила во мне смутные воспоминания из иного времени. Заглядывая в освещенный офтальмоскоп, я поначалу видела лишь слепящий белый свет, *но затем я обнаружила в нем туннель, в конце которого сиял еще более сильный свет. Я могла ощущать, как молекулы вещества, вырываясь из моего тела, мчатся вдоль туннеля в электрическом танце, сталкиваются друг с другом, описывая свободную спираль. Когда они поглощаются туннелем, я начинаю слышать мелодичные звуки, подобные пению птиц, которые вскоре переходят в голоса, окликающие меня из туннеля, из-под арки старинного каменного моста.*

- Мерилин, - слышу я красивый женский голос.

- Нану!

Это моя прабабушка. Она стоит под мостом в длинном викторианском платье с высоким воротничком. Оно темно-синего цвета – как сама полночь. Она прекрасна. Ее длинные густые каштановые волосы разлетаются нимбом вокруг ее высоких скул и смуглого лба, а затем собираются в пучок на затылке. Ее огромные миндалевидные глаза горят ледяным синим светом. В руке она держит зажженный факел, озаряющий узор на камнях над ее головой.

- Мерилин?

Ее голос глубок и протяжен.

Худощавый хорошо одетый мужчина со столь же гипнотическими глазами появляется в их тени и становится рядом с Нану. Я сразу же узнаю его.

- Ричард!

Мне не хватает воздуха. Мое сердце разрывается, из глаз текут слезы.

Мое дыхание учащается по мере того, как я приближаюсь к ним, приближаюсь к факелу, от которого во все стороны летят искры. Они отступают назад – в тень моста, отрицательно покачивая головами. Я слышу голос Ричарда:

- Стой!

Доктор Бостик выключил свой офтальмоскоп.

- Ну, как мои глаза? В порядке? – спрашиваю я с тревогой, утирая льющиеся из глаз слезы.

- Да.

Он смотрит на меня вопрошающе, засовывая инструмент в саквояж.

- Вы думаете, у меня СПИД, доктор Роско?

- Нам лишь известно, что у вас ВИЧ положительная реакция. А это... не совсем хорошо. Я еще не получил сообщения CD4, из которого я смогу узнать о состоянии вашей иммунной системы. Когда у меня будут эти сведения, я смогу рассказать вам больше. Однако у меня такое чувство, что вирус у вас давно. - Он на минуту задумался. – Как только вы заражаетесь ВИЧ, выработка тимусзависимых лимфоцитов начинает падать примерно на сотню клеток за год. В норме их должно быть около тысячи. Думаю, что вам следует обратиться к прошлому. Что произошло с вами лет тринадцать-четырнадцать назад?

- Вы думаете у меня это так давно?

Я испытала новый шок.

- Вполне возможно. Как ВИЧ, так и туберкулез могут пребывать в латентном состоянии многие годы.

- Что ж, меня изнасиловали, - сказала я, заикаясь.

- Мог ли этот человек быть бисексуальным, наркоманом, бывшим заключенным или иметь контакты с проститутками?

- Так где это... произошло... я видела знаки... - начала бормотать я.

- А прежде? Были ли у вас контакты до этого?

Только с моим женихом, который умер.

- Умер?

Да, в автомобильной катастрофе.

Доктор Бостик понимающе посмотрел на меня.

- Я думаю, что вам следует рассматривать этот... случайный контакт... как реальную возможность.

Он покачал головой и вновь уселся на стул.

- Итак, вы лингвист, как мен сказали. Можете ли вы определить, из какой я страны?

- Я всего лишь учительница испанского языка, доктор Бостик.

- Уверен, что вы владеете им в совершенстве.

- Ни один человек не владеет в совершенстве ни одним языком.

- Такое может сказать лишь лингвист.

- Что ж, значит, я лингвист, - согласилась я. – Но мне следует быть осторожной. Я не хочу обидеть вас.

Я устремила взгляд на голубовато-золотой свет, окружающий его, и услышала, как женская текстура ауры прошептала мне: *Не говори, что он югослав. Это испугает его.*

Думаю, что вы из Болгарии или Румынии, - объявила я.

Доктор Бостик на минуту лишился дара речи.

- Я родился за восточные пятьдесят миль от румынской границы и за сотню миль от Болгарии. Я из Югославии – серб.

- Мерилин, донесся до меня голос медсестры Патси, вошедшей в палату, чтобы поменять постельное белье, - Да благословит вас Бог! Вам должно быть так одиноко здесь, в полной изоляции.

Надев свою фланелевую пижаму с цветочным узором, я слезла с кровати и села на стул.

Не отрываясь от работы, Патси спросила:

- Вы находитесь здесь почти три недели. Говорят ли вам врачи, когда они намерены отпустить вас домой?

Поменяв мне постельное белье, Патси поставила на тумбочку кувшин с ледяной водой.

- Нет. Доктор Бэббитт говорит, что я еще заразна.

- Представляю, как приятно вам будет, когда вы отправитесь наконец домой и встретитесь со своими родными и друзьями! – заявила она, ожидая моей реакции.

- Моя семья живет далеко отсюда, - ответила я, вновь устраиваясь в кровати, - они не могли навещать меня из-за того, что часы посещения никак не увязываются с их графиком работы... - я услышала, как задрожал мой голос от этих объяснений.

Патси слушала меня молча, опустив глаза. Затем она вышла за порог и поправила красный предупредительный знак на моей двери, а затем плотно прикрыла ее. Лежа на больничной койке, я погрузилась в размышления о своей изоляции. Я привыкла к ней. Мне казалось, что моя физическая матрица растворяется, словно болезнь позволяет силе более полно притягивать к себе все мое существо.

Я Сновижу себя заключенной в цементной комнатухе после изнасилования. Приближаются тяжелые шаги. Я прихожу в ужас. Открывается деревянная дверь, и я ожидаю, что на пороге появится революционер в своих грязных джинсах и хлопчатобумажной рубашке, который вернулся мучить меня. Но нет, это Халач Винник стоит в этом заглаженном переулке. На нем льняная туника и сандалии, сплетенные из травы, его соломы и перьев кетцала, а с затылка свешивается длинная черная коса.

Халач склоняется в дверном проеме и присаживается на край грязного матраса, взирая на груды мусора с некоторым удивлением. Он зажигает масляную лампу, ставит ее на землю, а затем достает обсидиановый клинок и маленький глиняный сосуд из своей сумки. Острым обсидиановым клинком он надрезает кожу на своей руке. Затем Халач достает порошок из сосуда и присыпает им рану. Фитиль лампы шипит, и во все стороны летят искры.

- Ага, вот где ты, - говорит Халач, замечая меня, спрятавшуюся в темном углу.

Возможно, все его чувства обострились благодаря приему галлюциногена.

Как он похож на революционера! Я поражена. Отличны лишь одежда, длина волос, а также длинный, покатый, уплощенный лоб.

- Итак, тебе не удалось скрыться от меня. Что ты собираешься сказать по этому поводу? – говорит он насмешливо, прижимая кусочек грубой бумаги к своей кровоточащей руке.

- Не понимаю, что ты от меня хочешь, - отвечаю я, выходя из тени и садясь в круг света, который отбрасывает лампа.

Он подносит кусочек бумаги к язычку пламени и задумчиво произносит:

- Не все так просто. С самого начала ты противостояла мне. Не знаю, на что ты надеялась, предложив принести себя в жертву Чаку. Кажется, ты веришь, что здесь существует какая-то действенная сила трансформации. Я же, напротив, уверен, что единственный способ выжить – это увековечить то, что является постоянным, несмотря на изменчивые маски времени.

Я поражена его красноречием. На ум приходят слова о том, что дьявол обладает серебряным языком.

- А сейчас я победил тебя. Тебе нелегко будет оправиться от воспоминаний и последствий всего случившегося с тобой сейчас, - в его голосе звучит определенность. –

Энергия, которую ты расходуете в этих бесплодных попытках трансформации, станет моей. Ты также будешь служить укреплению мирового порядка в его нынешнем виде.

- Зачем тебе все это нужно?

От ужаса у меня перехватывает дыхание.

- Почему ты дошел до такой степени деградации? Ты не можешь не осознавать, что этот путь приведет тебя к гибели! Мир не может вечно быть таким, как сейчас!

- Все это, - его рука описывает широкий круг, - единственная посылка, в существование которой мы можем верить в данную минуту. И так должно продолжаться.

С этими словами он поднимается и покидает дом, затворив за собой дверь.

Просидев здесь в темноте, дрожа и всхлипывая целую вечность, я слышу, что наконец, дверь в мою комнату начинает отворяться.

- Заходи сюда, поддонок! – реву я изо всех сил, словно ягуар. – Я не могу больше жить так! Или убей меня, или выпусти на волю!

Я начинаю бить руками и ногами в стены своей камеры. Дверь распахивается, и комната озаряется ярким светом. На фоне дверного проема вырисовывается фигура человека среднего роста и сложения, одетого в легкую тунику и плащ. У него коричневые вьющиеся волосы, а некоторые пряди окрашены золотой краской. Его сопровождает небольшая группа индейцев-музыкантов, играющих на флейтах, а другие индейцы майя усыпают его путь лепестками цветов.

Он полностью раскрывает входную дверь, и та поскрипывает на петлях.

- Ты раскрыла тайну, - говорит он мне, а затем поворачивается и уходит в сопровождении своей свиты.

- Иди с нами, - говорит мне один из музыкантов на языке майя.

- Кто это? – спрашиваю я, вскакивая на ноги и стараясь не отстать от загадочного человека и его свиты.

- Это Кукулкан, - взволнованно сообщает мне один из индейцев, усыпавший дорогу цветами. Процессия выходит на улицу сквозь железную калитку, оставляя ее открытой.

Глава одиннадцатая

Я очнулась от сновидения, когда в плату вошел доктор Бэббитт.

- Мерилин, - бодро начал он, - у меня есть для тебя потрясающая новость! Ты уже не заразна, а значит, можешь отправляться домой!

Моя подруга и коллега Лиз тут же пришла мне на помощь со своим мужем. Они выгребли весь хлам из моего двухэтажного дома и, когда он заблестел чистотой и порядком, выставили его на продажу по моей просьбе. Затем Лиз отправилась в продовольственный магазин и, купив там продуктов, приготовила мне недельный запас еды, а тем временем ее муж приводил в порядок мою машину. Другие учителя из моей школы привезли мне под дом различные продукты, а некоторые ученики положили под дверь цветы, из которых Лиз составила красивые букеты.

Я оказалась в центре внимания. Все были такими заботливыми. Когда пришло время выписываться, доктор Бэббитт специально закончил прием пораньше, чтобы прийти попрощаться со мной и договориться о следующем приеме. Я была одета в красивое платье, которое подобрала мне Лиз. Пока я беседовала со своим доктором, моя подруга покатила тележку со всем моим барахлом к машине, поджидающей у входа в клинику, а затем возвратилась за мной. Усадив меня в кресло на колесах, оснащенное пластиковой плевательницей и кувшином со льдом, Лиз вывезла меня на улицу.

Через несколько минут я оказалась дома. После месячного пребывания на больничной койке восхождение по лестнице на второй этаж показалось мне непростым испытанием. Цепляясь за перила, я медленно подтягивала себя вверх – ступенька за ступенькой. Лиз убрала мою комнату, и сейчас она была залита солнечным светом и

благоухала цветами. Затем Лиз удалилась, пообещав, что возвратится к обеду, чтобы разогреть одно из замороженных блюд.

Когда я, лежа на уютной двуспальной кровати, осматривала свою комнату, мой взгляд невольно задерживался на всех произведениях индейцев майя, которые мне удалось собрать и привезти сюда. Маленькие фигурки доколумбовой эпохи улыбались мне с подоконника.

Портрет Чона, держащего в руках свои целебные травы – единственная его фотография, которую он позволил мне сделать, - висел на стене справа от большого зеркала.

У меня в ногах стоял старый дубовый сундук, полный домотканых одеял, которые я привозила из своих многочисленных путешествий. В нем также были сложены тетрадки, в которых я записывала истории, поведенные мне Чоном: о майянском Пророческом Сновидении и о прочем. Несмотря на то, что Лиз строго-настрого приказала мне подниматься только тогда, когда мне понадобится сходить в туалет, я не могла удержаться от того, чтобы не заглянуть в свои записи. Особенно меня интересовали истории о Кукулкане и пророчества майя, относящиеся к новому веку.

Не без усилий открыла я тяжелую крышку. Внутри сундук пахнул деревом и шерстью. В самом низу, под сложенными одеялами, я нашла несколько больших тетрадей с записями о Сновидениях о Чоне. Тут же я бросилась к своей кровати, боясь, что Лиз может нагрнуть в любую минуту, я изумилась тому количеству записей, которые когда-то сделала. Наконец мой взгляд упал на название, которое я искала:

ПРОРОЧЕСКОЕ СНОВИДЕНИЕ МАЙЯ

ДНЕВНИК ОТКРОВЕНИЙ ЧОНА

Астероид Чиксулуб:

«Первоначальным местом возникновения сознания разумной жизни в нашей Солнечной системе является Венера. Вот почему индейцы майя высоко чтят эту вторую от Солнца планету. Однако во время своего формирования Венера столкнулась с астероидом. От этого удара на поверхность планеты вышло столько ядовитых газов и она нагрелась настолько сильно, что эволюция органической жизни оказалась невозможной. Тогда внимание было обращено на Землю, но на третьей планете жизнь уже начала развиваться по иной биологической матрице. То, что нам известно как человеческое сознание, должно было появиться там нескоро.

Согласно научным исследованиям, около шестидесяти пяти миллионов лет назад на землю также обрушился астероид, известный как «Чиксулуб». Он врезался в берег Юкатана – недалеке отсюда, - и его приземление открыло путь возникновению человеческого сознания. Все огромные рептилии, населявшие в ту пору Земной шар, погибли от холода, вызванного тем, что подымавшаяся в атмосферу пыль задерживала солнечные лучи. Вот почему майя почитают Чиксулуб как святыню, несущую в себе благословение и великую трансформацию.

Должно было пройти еще немало времени, прежде чем появится человек. Похолодание заставило животных обрасти шерстью и вынашивать свое потомство в утробе. Наконец от существ произошло некое подобие человека. Но планета все еще была холодна во многих местах. Отступление холода носило циклический характер, и это привело к вынужденным миграциям.

Предшественники людей оставались под землей, пока ледники, покрывавшие землю, были слишком обширны. Они охотились на крупных животных и кормились их мясом круглый год, так как оно долго сохранялось свежим благодаря холоду. Большие миграции, согласно нашим подсчетам, начались около двухсот тысяч лет назад. После долгой холодной эпохи с ее свирепыми ветрами пыль, некогда поднятая Чиксулубом, начала оседать, атмосфера прояснилась, и Мать-Земля вновь начала расцветать. Позднее возник великий потоп, причиненный таянием льдов и снегов.

В это время были построены суда- маленькие и довольно большие. Люди переплывали на них моря и оседали на тех землях, которые поднимались над поверхностью воды, Это произошло около пятнадцати тысяч лет тому. Но, даже высадившись на возвышенностях, люди продолжали искать подземные укрытия, так как вода все поднималась.

Наконец воды сошли, и люди начали заселять земли, на которых живут и по сей день. Приблизительно десять тысяч лет назад, когда основная масса льда растаяла, предшественники современных людей заняли те земли, где живут их потомки по сей день, хотя некоторые мигранты продолжали прибывать на судах и позже. Мы, народ майя, заняли это теплое тропическое лоно, где получила развитие наша культура. Мы стали астрономически измерять циклы трансформации, вызванной астероидом Чиксулубом».

Календарь Цолькин:

«Как я уже говорил, майя имеют священный календарь, который зовется Цолькин. Он начинается с 3113 года до н.э. циклом коллективного откровения и завершается в 2012 году н.э. Собственно говоря, для тех, кто понимает этот календарь, он начинается от конечной даты и устремляется в прошлое – к дате своего возникновения. Причиной тому является вера майя в то, что Человек, появившийся здесь «незаконно», постепенно утрачивает картину божественной эволюционной манифестации, которая является первоначальной матрицей всего сущего.

В 2012 году планета Венера – родина первичной матрицы – окажется между самым центром солнечного диска и Землей, вызвав едва заметное затмение. Жизнь здесь пройдет сквозь новую трансформацию, подобную той, которая была причинена падением астероида Чиксулуб шестьдесят пять миллионов лет тому назад. В это время будет вновь манифестирована возможность обретения новой матрицы более высокой вибрации.

Во время последнего Катунa – двадцатилетнего цикла (с 1992 по 2012 год), Мать-Земля будет постепенно оттягивать энергию жизненной силы с поверхности планеты, чтобы ускорить этот переходный период. Многие виды животных исчезнут. Люди начнут испытывать снижение своих сексуальных энергий и способности к воспроизведению. Земля не сможет больше кормить всех ее обитателей, и это приведет к усилению агрессии и освобождению от тяжелой ноши слишком большого количества несостоятельных жизней.

Именно в это время люди начнут *вспоминать*. Они вспомнят Чиксулуб и то, как мы попали сюда. Они вспомнят свою божественную эволюционную матрицу. Каждый человек в это время будет действовать согласно своему предназначению. Некоторые люди начнут возводить вокруг себя укрепления в надежде выжить в эти времена и воспользоваться тем, что останется после их погибших собратьев. Но таким образом они лишь ускорят собственную гибель. Найдутся и такие, которые пожелают облегчить свои жизненные страдания и обретут энергию, пройдя через Духовные Воды. Но будут и те, кто пожелают навсегда распрощаться с Матерью-Землей. Они унесутся в поисках иных миров».

Я оторвалась от чтения, чтобы вспомнить, что первые симптомы туберкулеза у меня появились в 1992 году. Затем перевела взгляд на окно и обнаружила, что солнце уже склонилось к горизонту и небо окрасилось золотистыми и розовыми разводами. Взяв в руки тетрадь, я продолжала читать.

Кукулкан:

«Имя Кукулкан означает «пернатый змей». Его часто неверно толкуют, как люди, незнакомые с культурой майя, ассоциируют это с каким-то летающим драконом. Для создателей этого символа он просто означает сочетание максимальной высоты с огромной сексуальной энергией. Эволюционное развитие претерпело неожиданный поворот –

высшее сознание, существующее на Венере, переместилось на эту планету, где в то время господствовали рептилии.

В этой части мира мы пережили манифестации этой энергии, принявшей форму Уай Кин, или Солнечной Сущности, а также Божественного Орла. Полная манифестация получила имя «Кукулкан». Эта энергия появилась на здешних землях перед людьми задолго до 50 года н.э., стимулируя их в мирном земледельческом труде и в искусствах. Однако впоследствии она была вытеснена соперничающими энергиями во времена великого Теотихуакана. Однако возвращение манифестации этой энергии было предсказано. Следующая полная манифестация явилась людям в 700 году н.э., в мире толтеков, а затем в южных землях майя. Кукулкан предстал перед народом в виде вельможи и пророка, предрекающего конец обряда человеческих жертвоприношений. Его соперники, воины-жрецы, устроили против него заговор, запутывая людей рассказами о том, что может произойти, если жертвенная кровь перестанет литься, и желание бога к трансформации не будет удовлетворено. Его изгнали из Толана - столицы толтеков, - а затем и из Чичен-Ицы, в которой он пытался утвердить свою власть. Кукулкан утверждал, что жизнь, как и боги, должна развиваться. Жрецы же считали, что жизнь находится вне их сферы.

Все правящие пытались убить Кукулкана. Он оставил страну, пообещав вернуться в год Одного Тростика, который оказался тем самым годом, в который Кортес высадился на берег Америки. Я слышал истории, в которых утверждалось, что Кукулкан появлялся и в других странах в различное время, но не могу ручаться за их правдивость».

Я закрыла тетрадь, и тут до меня дошло, что ее содержание можно назвать более чем необычным. Эти сновидения были элегантными, редкими и пространными. Чон – настоящий мастер Сновидения.

Небо стало совсем темным, и я услышала, как Лиз звякнула ключом в замке входной двери. Я быстро спрятала записи под пуховое одеяло, и, когда та вошла ко мне в комнату, у меня был совершенно невинный вид.

На следующий день мы вместе с Лиз отправились в магазин прикупить те вещи, о которых она не подумала раньше. Я сопровождала ее на коляске, оснащенной двигателем. Несмотря на смущение, вызванное необходимостью пользоваться коляской, я не могла удержаться от соблазна погудеть в горн за спиной у подруги или время от времени наезжать ей на пятки.

Езда на этой крошечной машине, которая оказалась столь легкой в управлении, напомнила мне о носилках, на которых когда-то носили жертвенные подношения Халач Виннику. Очевидно, ощущение людей, которых медленно несли сквозь джунгли воины майя, были в чем-то сродни моим нынешним. Безусловно, я ничего не сказал Лиз об этих образах, когда мы решали, какую головку сыра лучше купить к обеду. Наконец мы возвратились ко мне домой, отобедали, и Лиз отправилась восвояси. Теперь, на полный желудок, я спокойно могла приступить к изучению своих записей.

Последняя эпоха перед Шестым Солнцем:

«Оглядываясь в нашу долгую историю, ты увидишь то, что должно произойти. Первая хорошая волна была принесена Первым Человеком (черными африканцами). Он стимулировал все народы, укрепляя их генотип, усиливая тягу к миграциям и увеличивая способность к репродукции. Менее развитые народы, получив такую стимуляцию, начинали разрушать все на своем пути, но были и периоды стабильности и мирного развития. Наконец пришла самая медлительная и самая плохая волна – Белый Человек. Когда Мать-Земля вспомнит о жизненной силе, то снова начнет свою историю с Первого Человека, который вновь прогонит волну через иные расы. Возможно, в Африке будет голод и мор. Возможно, на этом континенте появятся святые. Наверное, к этому времени

Белый Человек достигнет высшей точки в своем научном и духовном развитии и в результате сможет дать что-то позитивное этой эпохе. Но это слишком оптимистический взгляд на вещи.

В эту эпоху произойдут еще и другие великие перемены. Вся мудрость человечества будет объединена и направлена на то, чтобы построить мост через то, что должно скоро произойти. В это время животные исчезнут с лица земли. Ученые будут устремлять свой взгляд в небо, ожидая появления нового Чиксулуба. И на земле начнется мор.

Поскольку женская мудрость окажется единственной вещью, которая будет иметь шансы уцелеть после этих перемен, все на Земле сместится к женскому аспекту. Женщины займут ведущее место во всех культурах. Эти события обретут высокие частоты в последний Катун – двадцатилетний цикл календаря Цолькин. Через некоторое время будет рождено подлинное духовное сознание, которое станет наиболее высокочастотной манифестацией в этом мире до Эпохи Седьмого Солнца, когда все сущее воссоединится с Созидательным Сновидением».

Зазвонил телефон. Мне сообщили, что самостоятельная работающая женщина готова купить мой дом.

Переговорив с ней, я включила телевизор и стала смотреть передачу, идущую по образовательному каналу. В ней рассказывалось о том, что благодаря разработанной для Звездных Войн технологии становится возможным предотвратить попадание астероидов на Землю. В программе также обсуждалась возможная связь между исчезновением динозавров и астероидом Чиксулуб.

Это была последняя капля «синхронизма». Я просто не могла пренебрегать знамениями. Происходило нечто очень важное, во что была вовлечена моя энергия. Если дела обстояли именно так, как я предполагала, то моя энергия требовалась на самом высоком уровне, где принимались решения. Я решила подчиниться своей судьбе и, вопреки всем медицинским советам, вновь отправиться в Мексику. Деньги, которые должна будет заплатить покупательница за мой дом, поступят на мой банковский счет приблизительно через месяц. Я должна разыскать Чона и начать бороться со своей болезнью на высшем энергетическом уровне, чтобы освободиться для участия в этом стремительно развивающемся процессе.

Я вовсе не была уверена, что вообще смогу найти его. Я начну с Паленке, но это весьма удаленная часть Мексики, да и к тому же со времени нашей последней встречи прошло двенадцать лет. Последний раз я видела Чона, когда он совершал переход в иную сферу. Возможно, он никогда не возвращался оттуда. И все же я чувствовала, что, если я собираюсь вернуть свою силу, начинать нужно именно с этого. Я также знала, что мне предстоит еще одна схватка не на жизнь, а на смерть. И как раз в эту минуту по испаноязычному телеканалу стали крутить рекламный ролик, в сопровождении «Cancion Mixteca» - любимой песни Чона!

Глава двенадцатая

Самолет компании «Аего Мауа», осуществляющий чартерные рейсы до Паленке, был полностью готов к отлету, когда я прибыла в аэропорт Мехико-Сити. Пройдя тщательный таможенный досмотр, во время которого любезный мексиканский джентльмен помог перенести мой чемодан, я вышла на летное поле и направилась к маленькому самолету, в кабине которого меня ждал пилот. Ему было лет тридцать, и было явно заметно, что в его жилах текла кровь индейцев майя. Он спросил меня, не заболела ли я, на что я ответила, что лишь недавно переболела туберкулезом.

Полет был довольно недолгим. Когда мы достигли горной гряды, утопающей в джунглях, пилот снизил высоту, так что мы стали лететь ниже облаков и могли

любоваться пейзажем. Волнистое зеленое одеяло простиралось до горизонта, а под нами приветственно покачивались широкие листья пальм. Мы совершили посадку на маленькой посадочной полосе, и я отправилась вместе с пилотом в чартерный офис.

У меня все плыло перед глазами. Джунгли кружились и волновались. Мне казалось, что я нахожусь в центре водоворота или зарождающейся спиральной галактики. В лоб стучала кровь, а в ушах звенело. Я заказала машину из города, которая должна была довезти меня до ресторана Эсмеральды.

Примерно через двадцать минут машина подъехала к стоянке у ресторана. Я зашла вовнутрь и огляделась. Молодые майянские женщины, работающие в ресторане, показались мне совершенно незнакомыми. Я поднялась и спросила, где находится Эсмеральда, все еще испытывая крайнюю неуверенность.

- Она в Гватемале, - ответила мне одна из молодых женщин, по-птичьему искоса глядя на меня.

Я почувствовала, как к горлу подкатил ком. Ее здесь нет. Мне так и не удастся найти Чона. Моя энергия готова была принять неминуемую смерть.

- Единственный человек, который сейчас следит за заведением, - это ее брат, старый целитель, - добавила она. - Хотите, чтобы я пригласила его к вам?

- Да, - еле выдавила я, тяжело сглотнув.

Молодая женщина удалилась по направлению к хижине, стоящим позади здания ресторана. Через минуту я услышала певучий голос и мелодичный смех приближающегося Чона.

- Ах, моя ненаглядная Мерилин!..

Наконец я увидела его!

Он отступил на несколько шагов и смотрел на меня широко улыбаясь, слегка склонив голову набок. Он был все тем же Чоном, которого я знала! Та же широкая улыбка! Он даже не особенно поседел, что, впрочем, было не удивительно, так как многие индейцы майя умудряются и в девяносто лет оставаться черноволосыми.

- Ты вернулась! Вот здорово! Добро пожаловать!

Чон отступил еще на шаг, окинул меня своим пронзительным взглядом, а затем стал быстро приближаться, что-то тараторя на языке майя. Он похлопал меня по спине, а затем крепко обнял за плечи.

Мое тело отказывалось повиноваться мне. Оно было ватным и бесчувственным. От облегчения я испытала такой шок, что не могла выговорить ни слова. Уронив свой чемодан на землю, я просто стояла и смотрела на него. Я была так счастлива видеть его, что казалось, я вот-вот умру от радости. Вся моя жизнь стремительно пронеслась у меня перед глазами.

- Думаю, ты собираешься здесь задержаться, - сказал он со смехом и склонил голову в другую сторону, рассматривая огромный чемодан у моих ног. - Заходи в хижину и отдохни. Мы переговорим обо всем позже.

Улыбнувшись, он повел меня за собой. Я оглядывалась по сторонам и никак не могла поверить своим глазам. Неужели я действительно снова здесь? Снова с ним? Я заметила, что у хижины не было обычной очереди пациентов. Мне это показалось странным, чем-то сюрреалистическим. Чон смотрел на меня, словно я только что пробудилась от сна.

- Я чувствовал, что-то должно случиться, - мягко сказал он мне.

Он указал мне рукой на открытую дверь тростниковой хижины, и я сразу же ощутила присутствие в ней другого человека. Я напрягла зрение, и когда мои глаза привыкли к темноте, то смогла различить какую-то, фигуру, раскачивающуюся в гамаке у дальней стены. Рядом с ней к потолку поднималась струйка дыма.

- Ну и ну... - раздался мужской голос, и человек спустился с гамака на пол. Голос показался мне знакомым. Мужчина, направляющийся ко мне сквозь дым камеди, был

худым и высоким. Когда слабые лучи солнца упали на него, я поняла, что знаю э того человека.

Все происходящее показалось мне совершенно нереальным – передо мной стоял Джон Черная Ворона.

Я потеряла сознание.

Девять дней прошли как в тумане. Чон поддерживал мое полусознательное существование какими-то снадобьями и заклинаниями. Когда я приходила в себя, он поил меня, и я снова проваливалась в забытие. Я смутно припоминаю, как он и Джон Черная Ворона стояли рядом с моей кроватью и что-то напевали. Я также помню, как однажды по требовала, чтобы Джон Черная Ворона сказал мне, что они со мной делают, но в ответ услышала лишь смех.

Когда мне, наконец, было позволено проснуться, у меня появился необычайный аппетит. Мужчины постоянно приносили мне блюда с сушеными фруктами, початками жареной кукурузы, плодами авокадо, манго и бананами. Казалось, они хотят укрепить мое тело. Я обнаружила, что моя грудь покрыта какой-то лечебной мазью, и по запаху могла догадаться о присутствии в хижине каких-то ароматных растений. Дым камеди постоянно висел в воздухе. Мое дыхание стало гораздо более легким, а небольшое повышение температуры окончательно прошло. Появилось ощущение полного физического здоровья и легкости.

Однажды Чон явился в хижину с полной тарелкой плодов инжира. Я присела в гамаке и, поедая их, стала рассказывать обо всем, что произошло после того, как я пыталась осуществить переход в Катемако – об изнасиловании и своем бегстве из преисподней. Свой рассказ я заключила последними *Сновидениями*, историей своей болезни и госпитализации. Чон искоса поглядел на меня.

Ага. Гм-м-м... - произнес он загадочно.

Джон Черная Ворона склонился в дверном проеме и вошел в комнату. Он сделал несколько широких шагов и устроился в другом гамаке. Я заметила, что его волосы заметно побелели, но в остальном его внешность почти не изменилась. На его указательном пальце сидел новый друг Чона – большой голубой попугай ара. Он как всегда, перед тем как начать говорить, поерзал на гамаке, устраиваясь поудобнее. Меня вновь очаровало его прекрасное лицо, глядящее на меня из тени. Ара заорал в знак согласия и захлопал крыльями. Медленно взлетев, он тут же уселся на одном из стропил и оттуда стал наблюдать за нами.

- Никак не могу в этом всем разобраться, - пробормотала я себе под нос.

- Потребуется немало времени, чтобы разобраться в этом, - ответил Чон со своим смешком. – Думается, прежде всего, мы должны отправиться в то священное место, где произрастают мои особые растения, и там познакомить тебя с энергией, которая наблюдает за ними. Мы должны будем пожертвовать несколько капель твоей крови земле в надежде, что энергия разделит с нами *Сновидение* о том, как мы сможем трансформировать ее. Затем мы посетим храмы и съедим грибы. Я тебе когда-то уже говорил, что это должно произойти. Твоя жертвенная кровь должна попасть в отвар, а затем мы посыплем священным порошком ранку на твоей коже.

Я скривилась. Чон достал свою доску для прорицаний, а затем развязал мешочек и высыпал оттуда на доску семена и кристаллы. Он начал считать. Он разделял семена на кучки ловкими взмахами руки, словно заправский «наперсточник».

- У индейцев Юго-Запада есть пророчества, относящиеся к этому времени, - начал Джон Черная Ворона. – Земная ось начнет качаться, и произойдет смещение магнитных полюсов. Это происходит циклично. Это и есть трансформация. Вопрос о том, находимся ли мы в гармонии с планетой, обретает особое значение в эти времена. Когда все сущее начинает вращаться с огромной скоростью при этом смещении, будет определено

подлинное предназначение каждого из нас. При этом рука Джона описала круг сильным и элегантным движением.

При этом рука Джона описала круг сильным и элегантным движением.

Чон понимающе улыбнулся и оторвал взгляд от своей доски для прорицаний.

- Тебе прикажут отворить калитку, - торжественно произнес он.

Оставшуюся часть дня Джон Черная Ворона развлекал нас игрой на флейте. Я познакомилась с маленькой обезьянкой Чона по имени Манник. Я заснула рано, но время от времени просыпалась и слушала, как беседуют Джон Черная Ворона и Чон. Все вокруг походило на *Сновидение*, словно это был аванпост на границе с бесконечностью.

Мы проснулись рано утром и перекусили маисовыми лепешками и домашним сыром, прежде чем отправиться в джунгли, к священному месту Чона. К счастью, переход оказался недолгим, а день не особенно жарким. Чон сказал, что мне необходимо дойти туда пешком самостоятельно. Вскоре мы оказались в небольшой роще недалеко от водопада, к которой вела извивающаяся пешеходная тропа. Там росли миллиарды различных растений, и мне показалось, что Чон должен был посадить их сам.

На краю рощи стояла верхняя часть древней каменной головы.

- Пойди-ка присядь там, в центре, - приказал мне Чон, распаковывая урну для камеди разжигая маленький костер из щепочек. Затем он поставил курящуюся урну перед каменной головой и усыпал землю лепестками цветов. Дым стал подниматься вверх клубами. Постепенно дым стал приобретать расплывчатые очертания женской фигуры

- Посмотри на нее, - сказал Чон.

Женщина превратилась в старую ведьму.

- Не бойся ее, у нее множество лиц, - прошептал мне Чон, продолжая наблюдать за дымом в поисках ответов.

Туманные глазницы ведьмы стали пустыми, а лицо превратилось в череп. Затем она протянула костистое подобие руки. Туманные пальцы плавно раскрылись.

- Дай ей то, что она просит, - приказал мне Чон.

Его веки были полужакрыты.

Я достала из кармана маленький обсидиановый нож и сделала надрез между средним и безымянным пальцем, как научили меня Чон и Джон Черная Ворона. Я опустила руку, растопырив пальцы, так что кровь свободно капала на землю рядом со мной. Туманная фигура приобрела устрашающие очертания, и мне на память пришла картина «Крик». Наконец она опустилась на землю, и мы вырыли небольшую ямку в месте, густо укрытом каплями крови, а затем покрыли ее землей. Принеся благодарность в форме мыслей, жестов и горящих кусочков камеди, мы с Джоном Черной Вороной покинули рощу. Мы шли, храня молчание, а Чон задержался, чтобы «побеседовать с местом».

Этой ночью я раскачивалась в своем гамаке, прислушиваясь к крикам обезьян-ревунов, которые уже не тревожили меня, и к пронзительному свисту птиц, чей ночной разговор казался мне интересным и прекрасным. Маленький Манник прыгал у меня на животе и играл с моими пальцами. Я кормила его арахисом в скорлупе. Устав, он обвил мою шею своим хвостом. И мы оба заснули.

Лишь через несколько дней Чон вновь заговорил о том, чтобы возвратиться к храмам и провести «грибную» церемонию. В промежутке мы с Джоном Черной Вороной пустились в долгую беседу (что с ним случалось крайне редко) и стали поститься, поедая лишь невероятное количество фруктов. Мы также часто делали вылазки к водопаду, чтобы «послушать его пение», насладиться прохладой и полюбоваться бабочками.

- Научилась ли ты тому приему, о котором я как-то давным-давно рассказал тебе? – спросил меня Джон Черная Ворона в один прекрасный солнечный день, когда мы сидели на берегу ручья, опустив ноги в его стремительные воды.

- О каком приеме ты говоришь, Джон? – спросила я его в свою очередь, пытаюсь охватить мысленным взором все его многочисленные наставления.

- *Сновидеть* себя в виде животного, - ответил он, и его старое, загорелое, словно выточенное резцом лицо озарилось улыбкой.

- О, это старинный прием, - сказала я равнодушным тоном.

- Ты будешь очень удивлена. Видишь ли, твой дух ягуара очень ослаб. Ты должна найти другой дух, чтобы бороться вместе с ним. Постарайся найти другое *Животное Силы*, которое придет к тебе на помощь.

- Как мне это сделать?

- Откройся и оставайся безмолвной. Обдумай свое намерение и отправь его в иные пространства, - при этом он взмахнул над головой руками. – при этом он взмахнул над головой руками. – Затем ложись на этот гладкий камень и поспи немного. Я скоро возвращусь.

С этими словами Джон встал и зашагал вдоль ручья, оставив меня одну на берегу.

Я зевнула. Бабочка попыталась залететь в мой открытый рот. Я подула на нее, чтобы отогнать от своего рта. Сидя без движений, я думала о том, какое животное должно явиться мне. Звук водопада казался мне женским смехом. Постепенно я почувствовала желание заснуть, которое показалось мне совершенно естественным, и положила лицо на гладкую поверхность камня.

Мое повышенное осознание увлечено видом ящерицы, рывками поднимающейся по камню прямо перед моим лицом. Мне кажется, что она демонстрирует передо мной какие-то физические упражнения. Около минуты мы смотрим друг другу в глаза. Обе чувствуем смущение. Ящерица делает еще несколько рывков вперед, а затем торопливо убегает. Та же самая бабочка теперь садится на кончик моего носа, отчего тот начинает слегка чесаться. Я провожу пальцем по своей верхней губе. Бабочка взлетает вверх.

Я слышу, как Джон Черная Ворона призывает меня к alertности. Я знаю, что *Сновиджу*. Перед моим лицом возникает небольшая вспышка и раздается неопределенный звук. Огромная гремучая змея, свернувшись кольцами, устроилась на валуне на противоположной стороне ручья и греется на солнце.

- Что бы ты хотела узнать? – спрашивает она меня, вытягивая тело кверху и сверкнула жалом.

- Чем ты можешь помочь мне? – спрашиваю я в мыслях.

Моя голова тяжела от глубокого *Сновидения*.

Змея сворачивает свое тело в новые кольца, шипит, гремит и вновь поднимает голову.

- Если ты подружишься с ядом, то будешь сбрасывать кожу за кожей.

Бабочка садится на голову змеи.

- *В этом символе заключена трансформация.*

Желтые глаза змеи закатываются кверху, чтобы взглянуть на бабочку.

Формируется маленький золотой треугольник, вокруг которого возникает сияние.

- *Запомни этот знак, - произносит змея, увенчанная бабочкой. – Это твоя энергия. Она будет принадлежать тебе, а также тем, кто идет рядом с тобой. Я не знаю ни одного существа на Земле и за ее пределами, которое откажется вести тебя, если сможет сделать это.*

Большой золотой ястреб садится на дерево позади рептилии, и видение исчезает.

Проснувшись, я вижу Джона Черную Ворону, сидящего передо мной, скрестив ноги.

Я рассказал ему о своем *Сновидении*, и Джон черная Ворона заверил меня, что разговор с гремучей змеей является весьма благоприятным знамением, так как в теле змеи течет кровь и она обладает знанием о трансформации. Он сказал, что бабочка

также является символом трансформации и воскрешения. Услышав, что бабочка увенчала голову змеи, Джон Черная Ворона погрузился в глубокое раздумье.

- О каком из явившихся тебе животных ты могла бы *Сновидеть* как о себе? – спросил он с очень серьезным видом, так, чтобы я поняла, что мой ответ будет иметь большое значение.

- Обо всех них, но больше всего о золотом ястребе. Мне часто снится, что я летаю и парю над землей, - ответила я, брызгая себе в лицо холодной водой.

- Я и сам порой становлюсь подобным птице, - сказал Джон Черная Ворона, глядя на меня с одобрением. – Если твоя энергия парит, может прийти исцеление. У тебя будет великое видение. Не садись в низине, устройся на возвышенности. Но ты должна не забывать приземляться, иначе никогда не возвратишься. Когда ты охотишься – так же, как охотилась, будучи большой кошкой, - будь ловкой, милосердной и быстрой.

Он шагнул на каменную косу, возвышающуюся над потоком, наклонился, а затем протянул мне ястребиное перо.

Глава тринадцатая

Мерилин, - с важностью произнес Чон, увидев меня на следующий день, - нам надо побеседовать с тобой кое о чем. Ты должна понять, что не была полностью спящей, когда прибыла сюда, на Землю. Вот почему тебя посещают подобные Сновидения. Большинство людей следуют своей цели, руководствуясь бессознательными мотивами. Они по-настоящему никогда не понимают, зачем делают те или иные вещи. Думаю, что это никак не относится к тебе. И раз ты уже стряхнула с себя сон, он никогда не возвратится к тебе.

- Что ты пытаешься втолковать мне, Чон? – спросила я и подтянула колени к груди, испытывая необъяснимый страх.

- Я хочу объяснить тебе, что чем выше взлетает твой дух, тем больше ты вспоминаешь. Подобно ястребу, ты начинаешь видеть то, что открывается впереди и что осталось позади. Если мы отправимся к храмам и съедим там грибы, твой дух поднимается в сферы, куда ты не взлетала в снах, и перед тобой откроется гораздо более пространная картина. Тебе следует подготовиться к этому.

Я уверен, что болезнь, которую ты носишь в себе, поразила Мать-Землю в последний Катун, перед началом новой эпохи. Судя по тому, что ты говорила мне о ее происхождении и пути передачи, эта болезнь соответствует видению, которое посетило меня. Не бойся взглянуть на эту сторону болезни. Если существует хоть какая-то возможность обрести знание по исцелению ее, ты должна изучить все. Я уверен, что твоя отвага коренится глубоко и ты способна взглянуть правде в глаза. Именно так ты сможешь правильно выбрать оружие борьбы.

Есть еще один вопрос, и он касается твоей трансформации. Ты видишь эти вещи мельком. Они необычайно важны, так как дают тебе представление о том, что творится в мире. Ты увидишь мир как некое преобразующееся целое. Ты должна отправиться на церемонию, помня обо всем, что я рассказал тебе. Ты должна отправиться на церемонию, помня обо всем, что я рассказал тебе.

- Будете ли вы с Джоном Черной Вороной также участвовать в этой церемонии? – спросила я, громко сглотнув.

- Да, у нас один путь. Мы идем все вместе. Если у тебя есть еще вопросы, задай их все в эти последние дни перед полнолунием. Ты должна получить ответы на все что тревожит тебя, до полнолуния.

- Думаешь ли ты, что мы найдем лекарство от этой болезни, Чон?

- Если и найдем, то оно придет от самой Земли или от того, что за ее пределами, но не от человека. Об этом я молился и ради этого совершал жертвоприношения в своем священном месте.

По понятной причине я чувствовала себя увереннее, узнав, что Чон и Джон Черная Ворона собираются принимать грибы вместе со мной. Я все время напряженно думала о

предстоящей церемонии, пытаюсь представить себе, какую форму она примет. Если не считать этого любопытства, мой разум был почти полностью пустым. Однако я недолго пребывала в этом блаженном состоянии. Через четыре дня наступило полнолуние.

В день церемонии мы все проснулись рано. Чон приготовил травяной чай в своей хижине-кухне. Он не разрешил нам в этот день даже прикасаться к пище. Кругом царило необычайное безмолвие. Казалось, даже ветер полностью прекратился.

Перед самым рассветом Чон отправился в рощу с влажной землей, находящуюся милях в трех от развалин, чтобы собрать там грибы. Мы же с Джоном остались сидеть в хижине и глядеть друг на друга.

- Что нас объединяет в действительности, Джон? – спросила я.

Он взглянул на меня с противоположного конца стола, подняв лицо над дымящейся кружкой.

- Твоя энергия почти готова к тому, чтобы оставить этот мир и отправиться в путешествие за его пределами. Моя уже покинула его. Я пришел за тобой. Мы с тобой – две части единого целого. Вот как я смотрю на это. Когда я впервые увидел тебя в Аризоне, ты показалась мне духовной путешественницей, явившейся на эти земли еще до прихода белых людей. За три ночи до твоего появления я слышал вой поездов в моих снах. Ты была той, кого я ждал. Я почувствовал это еще тогда, когда ты была маленькой девочкой. Вот почему я стоял там, на железнодорожной станции. Наверное, ты уже поняла, что я вложил свою собственную энергию в тебя.

Я непроизвольно ахнула, вспомнив о том, каким видела Джона Черную Ворону в последний раз. Его глаза горели.

- Между нами существует еще одна связь. Она имеет отношение к Пернатому Змею. Эту историю знают многие индейцы обеих Америк. Названия разнятся, по учению одно. Некоторые говорят, что Пернатый Змей явился на эти земли, тогда еще неизвестные остальному миру, как последняя часть пророчества. Иные утверждают, что это существо сумело избежать смерти и превратить свое тело в свет.

Как бы там ни было, людьми *видящими* эти откровения должны быть приняты такими, каковы они есть. Они могли бы стать основой единения с теми, кто является на эти земли. Но это, безусловно, не произошло. Белые люди изо всех сил пытались уничтожить знание индейцев и потому отшвырнули в сторону часть ответов на их самые глубокие вопросы. Они принудили индейцев принять меньшую реальность, тем самым отбросив возникающее сознание во тьму.

Туземцы держали свое знание в тайне, и сейчас, когда они дошли до конца и отправились в нечто новое, все фрагменты головоломки собраны вместе. Скрытое ранее знание стало их общим достоянием. Пророчества достигли своих пределов. Здесь неустанно думают о том, каким будет новый мир. Материя отделена от духа. Ее одухотворенность и вибрации должны возрасти, чтобы сформировать единое, видоизмененное целое. Это откровения Кукулкана.

Джон прислушался к чему-то, а затем продолжал:

- Я вижу эту отметину на тебе. Я увидел это, когда впервые бросил на тебя взгляд.

- Что же это за отметина, Джон? – спросила я, широко раскрыв глаза и склонив в изумлении голову набок.

- Свет в центре лба. Здесь. Примерно на дюйм в глубине.

Джон потянулся через стол и прикоснулся к моему лбу в месте, на дюйм выше линии бровей, указательным и средним пальцами своей правой руки. Я интуитивно знала, что у него и Чона в этом месте горит такой же свет. Джон Черная Ворона с мягкой улыбкой отвел свою руку.

Чон возвратился из своего похода в лес, когда утро уже переходило в день. У меня просто отвалилась челюсть, когда я увидела размер его мешка. Он был величиной с

добрый баул. Джон разразился истерическим смехом, несколько раз изо всех сил стукнув рукой по деревянному столу. Чон глядел на него с какой-то виноватой улыбкой.

- Мерилин, небось, думала, что погрызет грибочек другой – и все, - еле выдавил из себя Джон в перерыве между приступами хохота.

- Вот почему следовало воздержаться от пищи, Мерилин! А ты как думала? – захохотал в свою очередь Чон, хлопаясь на землю рядом с мешком.

Не сомневаюсь, что выражение моего лица было исключительно красноречивым.

-Но Чон, ты что, действительно думаешь, что я смогу съесть все то?! – закричала я, отходя на ватных ногах к манговым деревьям и глядя на двух гиен, катающихся передо мной на земле.

Чон вытер со щек слезы и похлопал себя мокрыми руками по искривленным в судорожном смехе уголкам рта. Пряди волос все еще подпрыгивали над его ушами.

- Это мы сварим, - решил он наконец успокоить меня, раскачивая головой и продолжая тихо посмеиваться.

- Все это?! – снова закричала я, что вызвало новый взрыв смеха.

Мне стало противно их общество, и я отправилась на поиски Маника, чтобы поиграть с ним, пока двое мужчин не придут в себя. Когда я возвратилась назад с обезьянкой, Джон и Чон изо всех сил пытались принять серьезный вид.

- Не хочешь ли взглянуть на них, пока я не бросил их в кастрюлю? – спросил меня Чон, словно речь шла о выпечке пирожных.

Я подошла к мешку и заглянула в него. Священные грибы оказались совсем не такими, как я ожидала, - они вовсе не походили на огромные поганки из *Алисы в стране чудес*. Они напоминали маленькие соски или склизкие чуть приоткрытые зонтики. Грибы были серовато-коричневыми с красными точечками на самой верхушке. Их там было не менее чем полторы тысячи.

- Так это вправду они? – удивленно протянула я, отчего Чон ухватился рукой за рот, не давая вырваться смеху наружу, а Джон быстро зашагал прочь, чтобы вволю нахотаться в одиночестве.

Манник перескочил с моего плеча на плечи Чона, обвил его хвостом за шею и повис головой вниз, пытаясь ухватить гриб из открытого мешка. Эти грибы казались гораздо более гладкими и нежными, чем все остальные, которые мне когда-либо доводилось есть и даже видеть. Но я не была искушенным грибником. Я только вздохнула.

Джон возвратился назад, таща огромный, тяжелый черный котелок. Он быстро развел костер между деревьями манго и заполнил котел дождевой водой до половины. Как только вода закипела, Чон стал бросать в котел полные пригоршни грибов. Они быстро разваривались, и Чон продолжал бросать туда все новые порции, пока все грибы не оказались в пузырящейся жидкости. Вскоре котелок содержал в себе лишь неоднородную темно-коричневую скользкую массу.

В течение всего дня я подходила к котлу и со страхом заглядывала в него. Его содержимое блестело, как расплавленная смола. Я даже могла рассмотреть свое озабоченное лицо, отражающееся на поверхности. Вещество становилось все более темным и густым. Наконец Чон слил свою тягучую, словно патока, стряпню в глиняный горшок и закрыл его крышкой. По окончании варки осталось лишь с полгаллона концентрированного зелья.

Чон отправился в свою хижину и возвратился оттуда с маленькой урной, содержащей порошок. Он сказал мне, что этот порошок получается из такой густой жидкости, размазанной по вошеной бумаге и медленно высыхающей там. Джон Черная Ворона был занят тем, что разрывал в клочья сушеные грибы и заворачивал их в кусочки оленьей кожи. Никогда прежде я не видела большего количества грибов.

В конце дня мы совершили омовение ведер, содержащих дождевую воду. Чон облачился в пурпурную тунику и джинсы тускло-зеленого цвета. Свой наряд он завершил

яшмовыми бусами и серьгами. Джон же надел темно-синюю хлопчатобумажную рубашку и черные штаны из чертовой кожи, а также обвязал голову платком. Его белые волосы, доходящие до плеч, блестели. Меня удивил этот тщательный выбор нарядов, словно в мир духа нельзя явиться голышом. Я надела розовую рубашку из мокрого шелка и свободные брюки, затем вставила в мочку уха коготь пумы, который Джон подарил мне много лет назад. Мы обменялись взглядами, в которых сквозило одобрение, а затем направились вдоль ручья сквозь джунгли к развалинам.

Когда мы прибыли на место, сумерки уже сгустились. Чон нес все необходимое в плетеных сумках. Он подал нам знак миновать Храм Надписей и продолжать путь к дворцу Пакаль Вотана, где находился зал инициаций. Сооружения сияли в лучах восходящей луны. Вокруг царило безмолвие, не нарушаемое даже криками ночных птиц и пением цикал.

Мы вошли в центральный зал дворца, где находились платформы, опирающиеся на четыре колонны. Чон уселся на северной стороне, а Джон Черная Ворона расположился на западной платформе. Мне определили место на южной платформе – там, где я сидела в тот день, когда Чон впервые привел меня сюда. Ночное небо казалось темным роскошным гобеленом. Стояла ясная ночь с множеством звезд.

Чон вышел на середину двора между четырех платформ и зажег церемониальный огонь. Когда костер разгорелся, он поставил на него глиняный горшок с отваром грибов. Джон Черная Ворона раскрыл свою длинную сумку и извлек из нее длинный олений рог и трубку из кости. Он указал трубкой во всех четырех направлениях, а затем поднял вверх – к зениту. Затем он стал набивать ее.

- Отведаем все по очереди: вначале дым, затем отвар и в конце порошок, - сказал Чон, изучая содержимое горшка в свете пламени.

Затем он вновь занял свое место на северной платформе и продолжал:

- С каждой новой волной ты будешь подниматься все выше. Когда достаточное количество вещества попадет в твоё кровяное русло и достигнет мозга, ты катапультируешься в иную сферу. Ты не должна ни на минуту забывать о намерении, с которым отправилась на поиск. Ты улетишь чрезвычайно высоко и далеко, но не забывай о том, что необходимо приземлиться. Если ты этого не сделаешь, утром мы найдем твоё мертвое тело, лежащее здесь.

У меня возникло такое ощущение, словно в моем желудке оказался холодный камень. Джон Черная Ворона раскурил трубку и глубоко затянулся. Не выпуская дыма из рта, он сделал еще несколько затяжек, а затем встал и протянул трубку мне. Я стала попыхивать трубкой. Дым имел землистый запах. Сделав несколько затяжек, я передала трубку Чону, который набил ее заново, покурил некоторое время, а затем возвратил снова мне. За каждую трубку, выкуренную мужчинами, я должна была выкурить две. В какой-то момент Чон подошел к восточной платформе и поставил на нее шестидюймовую фигурку богини, вырезанную из мыльного камня. Он сказал, что это Иксчел – богиня луны и воды. Она поможет нам возвратиться, когда луна зайдет. Он также посоветовал мне прислушиваться к журчанию ручья – сразу же по возвращении в тело. Это поможет мне полностью войти в него.

Я постепенно начинаю замечать, что песни цикад становятся все более пронзительными и громкими.

Мне кажется, звук пронзает мой мозг. Ко мне приближается Чон и ведет меня в центр, к костру. Там он открывает кувшин. Obsидиановым ножом он делает надрез на моей правой руке, между средним и безымянным пальцем. Я ощущаю боль, но в то же время мне кажется, что я не участвую во всем этом в полной мере. Кровь капает в горшок. Вот моя рука уже оказывается перевязанной, и я отправляюсь назад на свою платформу. Но мне трудно вспомнить, какая из них моя.

Затем по кругу пускается горшок. Первым начинает Чон. Каждый из участников должен окунуть в него крошечный глиняный ковш и проглотить его содержимое. Когда

приходит моя очередь, я замечаю, что сосуд украшен четырьмя существами, символизирующими четыре стороны света. Но я не могу сфокусироваться на них. Зелье кажется мне на вкус таким, как земля. Но оно те такое клейкое, как я ожидала. Запах противный, но не настолько, чтобы нельзя было съесть ложку. Я уверена, что Чон приправил все это медом и цветочным сахаром. Но главная проблема – это металлическое послевкусие. После каждой ложки оно усиливается. Начинается отрыжка. Ужасно!

Каждый раз, когда кувшин возвращается ко мне, я боюсь, что сейчас меня вырвет. Но чувства тошноты нет – только ужасное послевкусие. Наконец телесные ощущения становятся очень приятными. Мне совершенно не хочется спать, как я того ожидала, - наоборот, я возбуждена, а все чувства обострены.

Я оглядываюсь вокруг. Все такое яркое! Я перевожу взгляд с одного предмета на другой. Кажется, что шуришащая листва деревьев нашептывает мне что-то важное. Я слышу и чувствую течение подземных ручьев и рек. Джон и Чон кажутся какими-то особо значительными существами – их движения замедленны.

Чон поднимает свою тунику и проводит острием обсидианового ножа по груди в области сердца. Он открывает маленькую урну и присыпает надрез порошком. Затем он прикрывает рану тонкой пластинкой коры смоковницы и начинает массировать, совершая вращательные движения по ходу часовой стрелки. Джон Черная Ворона расстегивает свою рубашку. Достав свой собственный нож, он проводит им вниз по центру груди против сердца. Затем он присыпает рану порошком, накрывает ее корой смоковницы и начинает массировать это место таким же образом, как и Чон.

Чон подходит ко мне, держа в руке третий обсидиановый нож, делает надрез между грудой. Здесь кожа оказывается совсем не столь чувствительной, как я предполагала. Я беру большое количество порошка, сыплю его на рану, а затем прикрываю это место кусочком коры смоковницы. Кровотечение почти полностью прекращается. Я массирую место надреза, следуя примеру обоих мужчин. К моему удивлению, порошок исчезает в ране.

Чон отправляется назад на свое место. Кажется, что огонь разгорелся ярче и отбрасывает странный золотой отблеск на все вокруг. Его потрескивание вбирает в себя все, словно фоновая радиация. Чон и Джон увлеченно следят за пламенем. Кажется, что верхняя часть их черепов начинает расширяться, а нижняя – сужаться. В результате их головы приобретают форму электрической лампочки. Я вижу, как от них начинает исходить розовое свечение и, отказываясь верить своим глазам, трясу головой. Их макушки начинают призрачно дымиться. Звуки растягиваются и искажаются с каждым движением.

Камень, на котором я сижу, перестает быть твердым, и все же я продолжаю ощущать силу притяжения. Дрожь прокатывается волнами по моему телу. Я также начинаю чувствовать притяжение луны и поднимаю глаза вверх к белому кругу. Свет серебрит все вокруг. Он липкий и лучистый. Я начинаю, подобно паре, подниматься по лунному лучу. Я ощущаю эти линии раскаленной энергии и устремляюсь по ним головой вперед прямо к ночному светилу. Все ближе и ближе. Все выше и дальше. Я освобождаюсь от всякого желания задохнуться себя обратно в собственное тело. Я почти свободна. От возбуждения я начинаю дышать тяжело и быстро.

Передо мной открывается поверхность луны с ее кратерами. Затем я слышу шепот, спрашивающий, где бы я хотела путешествовать. Первое, что приходит мне в голову, - к солнцу. Я чувствую, что мой полет тут же меняет направление, и уношусь в черные глубины космоса по направлению к светилу, которое стремительно увеличивается в размерах и вскоре становится нестерпимо горячим и ярким. Вскоре я врежусь в него и сгорю. Перед глазами возникает ослепительная вспышка, и мне кажется, что я начинаю нестись чуть ли не со скоростью света во всех направлениях одновременно. Сила этого движения такова, что я перестаю осознавать все иные ощущения, кроме движения и света.

Глава четырнадцатая

Я нахожусь вне Сновидения. Грибы помогли мне осуществить истинное преобразование. Я двигаюсь вместе со всем, одновременно находясь в разных временах и мирозданиях. После взрыва света я обнаруживаю проход и вхожу сквозь мерцающий золотой овал на берег Ганга. На моей голове покачивается высокий глиняный кувшин, который я придерживаю правой рукой. Все прежние связи разрушены. Я присутствую здесь полностью.

Мое платье состоит из большого куска оранжевого шелка, обмотанного вокруг тела и переброшенного через левое плечо. Мои ноги босые. Оглянувшись налево, я вижу вращающийся диск света, величиной с тарелку, летящий в моем направлении. Я ускоряю шаг, интуитивно осознавая, что диск – не что иное, как мое энергетическое тело, и что если оно достигнет меня, я умру для этой сцены.

Светящийся диск преследует меня, увеличивая скорость и набирая обороты. Я бегу. Он почти настигает меня, но я успеваю заскочить в одно из подземных помещений, вырытых на берегу Ганга. Я поспешно закрываю за собой дверь. Я чувствую себя в безопасности. В свете лучей, проникающих сквозь щели деревянной двери, я различаю множество сосудов с водой. Из моей груди вырывается вздох облегчения. Но тут же светящийся диск появляется, словно ниоткуда, и повисает над моим левым плечом. Оказывается, он был здесь все это время! Диск подлетает все ближе и прикасается к коже в области лопатки. Я взрываюсь светом.

Вначале нет никаких чувств. Затем появляется ощущение пепла, медленно оседающего в конической трубке. Когда проходит время, кажущееся тремя днями, пепел приходит в движение, словно от дуновения ветра или дыхания. Это становится осознанием. Мое осознание легко проходит сквозь землю и дерево погребца, в котором я оказалась. Я поднимаюсь и свободно взлетаю над Гангом. Расправляя свои чувства как крылья, я наблюдаю за мужчинами и женщинами, которые купаются и набирают воду в сосуды. Вслушиваясь в музыку их голосов, я поднимаюсь все выше и выше над водами реки. И тут, в следующем взрыве света, я исчезаю из этой сцены.

Почти в то же мгновение я превращаюсь в феникса, восстающего из египетского склепа, - в огромное, похожее на орла существо, состоящее из золотого огня. Я возношусь над землей, и кислород начинает питать огонь, из которого я состою. Мои гигантские крылья, словно кузнечные меха, раздувают магнетическую энергию вытеснения. Подо мной проходят по песку люди, одетые в белые наряды из тонкого льна. Я смотрю, как свет, окружающий их, становится все более ярким, пока не возникает еще одна ослепительная вспышка.

Ярко осознание отступает, и я вижу сводчатую комнату, наполненную светом. Существа, находящиеся в ней, настолько прозрачны, что я с трудом вижу их – скорее просто ощущаю их присутствие. Их мысли звучат, словно голоса, накатываясь волнами на мой мозг. Они общаются телепатически и сообщают мне, что я должна возвратиться, как только полностью преобразую свое тело. Они – залетные ангелы, прибывшие сюда из иного мира. Мне показывают абстрактный артефакт, состоящий из золотого света, на котором выгравированы символы. С его верхушки бьет фонтаном многоцветная энергия. Она возносится наверх, словно луч творения. Это сила небесного крещендо, знание, содержащееся в ней, уже закодировано во мне. В экстазе я взрываюсь новой вспышкой света.

Свет уносит меня вперед и опережает мое осознание, которое оказывается в зеленых джунглях. Я с изумлением осматриваюсь в новом месте. Группа людей, собравшихся вблизи маленькой дереvушки Южной Индии, слушает принца Сиддхартху Гаутаму Будду. Похоже, это происходит около 500 года до н.э., а это означает, что я значительно продвинулась во времени вперед.

Принц Гаутама на минуту замолкает, чтобы одарить меня счастливой улыбкой. Заметив меня, он, кажется, задумывается о моем положении и на время забывает о

разговоре. Я украдкой осматриваю собравшихся здесь людей, а за тем смотрю и на себя. Только сейчас до меня доходит, что я маленький безобразный человечек! С изумлением я смотрю на свои руки, словно они принадлежат существу иного вида. Мне кажется, что сейчас я оказалась в плену у тела. Это преображение оказывается для меня настоящим ударом, но меня настолько пленяет речь Будды, что я перестаю думать о себе и начинаю внимать его словам.

«Ты будешь бороться за эту цель в иных землях, Обезьянья Мордашка», - говорит он мне, и я зачарованно смотрю на него.

У него внушительная внешность – большое крепкое тело, облаченное в шелк цвета меда, миндалевидные глаза и безупречные черты лица представителя высшей индийской касты!

«Очищая жизнь, - продолжает он, - лучше всего изменять низкие формы до того, как они стали высокими. Стремись к вхождению в ясную светлую пустоту».

Я прихожу в экстаз от этих слов, а Гаутама указывает рукой на лес. Мне не хочется отказываться от мира и смирения, проповедуемых в его учении, но Будда ясно указывает мне на то, что меня ожидает иная работа. Он со своими паломниками отправляется пешком сквозь густую сочную зелень джунглей к следующей деревушке. Я остаюсь в одиночестве. Вскоре начинает накрапывать дождь. Он барабанит по листьям деревьев. Где-то рядом кричит большой слон.

Я осознаю, что более не являюсь этим маленьким человечком! Я – энергия! Это осознание вызывает во мне органический хаос. Все цвета вокруг блекнут, словно акварель под дождем. Я взрываюсь серией вспышек – бесконтрольно меняюсь!

До меня доносятся слова Чона: «Приземляйся, иначе никогда не возвратишься назад».

Последняя ослепительная вспышка превращается в солнце, проглядывающее сквозь густую листву джунглей. Сейчас тепло и туманно. Я смотрю на свое тело. Оно оказывается загорелым и женским. «Вроде так и должно быть», - говорю я сама себе на языке майя. Я оглядываюсь по сторонам и замечаю, что меня несут на носилках по джунглям для того, чтобы принести в жертву, как и других женщин. Мужчины, которых приносят в жертву, обязательно должны быть либо пленниками, либо участниками ритуальных состязаний.

Я покоюсь на носилках в легкой белой тунике, которая приятно холодит мое тело, тогда как маленький индеец майя стоит рядом, держа надо мной длинный бамбуковый шест, увенчанный широкими пальмовыми листьями, чтобы охранить меня от яркого солнца. Я знаю, что нахожусь здесь, чтобы осуществить полный переход и исправить эти практики.

- Куда вы несете меня? – спрашиваю я тихо одного из сопровождающих меня мужчин, склонившись с носилок.

- Халач Винник приказал доставить тебя к нему до прибытия Кукулкана, - отвечает он мне, и его черные волосы, собранные в хвостик, и белый льняной наряд подрагивают с каждым шагом.

- Разве Халач не избрал меня для жертвоприношения? – провоцирую я своего собеседника.

- Конечно, Длинный Тростник, но вчера, в день семи Тзец, пророк Кукулкан возвратился из Юксмала, где он распространял свое учение. Халач умолял его остаться и обогатить наш город своим знанием. Халач Винник предложил Кукулкану любое сокровище в обмен на его согласие остаться в Чичен-Ице, что сделает ее самым влиятельным городом в землях майя, - чувствуется, что мой собеседник забыл обо всем в приливе красноречия.

- И что потребовал Кукулкан?

- Он требует жертвоприношения, - сообщает мой собеседник как что-то само собой разумеющееся.

- Он приказал, чтобы жертву принесли в его честь? – допытываюсь я, так как меня очень интересует собственная судьба.

- Нет, но он требует, чтобы Халач Винник уступил ему свое место в ритуале жертвоприношений и во всем придерживался его наставлений, - исправляет меня собеседник.

«Каких наставлений?» - упорно думаю я по мере приближения к Чичен-Ице. Вот мы прибываем в Наннери, где я буду жить одна, посещаемая лишь Чуч Кахау, который посвятит меня в мистерии циклического времени, которые он изучил по священному календарю Цолькин. Он ожидает меня внутри строения из тесаного камня при свете факела, укрепленного в стене. Я подхожу к нему и обливаю свое лицо водой из каменного сосуда. Чуч Кахау оказывается не кем иным, как Чоном!

- Заходи, заходи! Какой счастливый день! – говорит он, поворачиваясь и улыбаясь мне. Чон одет в белую тунику, достигающую ему до колен. – Ты слышала? Ты слышала о Кукулкане, Длинный Тростник?

- Я услышала о нем по дороге сюда, когда меня несли от священного родника пещеры Болончен, отвечаю я, вспоминая водоворот духовных вод – место своего возникновения.

- Что ты думаешь о его приходе? – спрашивает меня Чон.

- Это добрый знак, - отвечаю я, и Чон понимающе улыбается.

Пока мы говорим, на тропинке появляется большая группа людей, возвращающихся из астрономической обсерватории. Процессию сопровождают музыканты, играющие на флейтах, и прислужники, бросающие под ноги цветы. Халач Винник увенчан своим лучшим головным убором из перьев кетцала. Перья развеваются высоко над толпой. Я слышу, как он обсуждает с каким-то человеком последние события в Чичен-Ице. В этот момент толпа раздвигается, и какой-то человек, которого я никогда не видела, направляется к Наннери.

Он совершенно не походит на бога. Форму его головы нельзя назвать удлиненной, а кожа кажется бледной. Он одет в обычную белую тунику – как и большинство из нас, - а не в церемониальный наряд. Однако в нем есть что-то особенное – выражение его глаз и золотистый отлив его каштановых волос.

А сейчас он совершает нечто немислимое – переступает порог моей обители, в которую по закону можно входить лишь мне и тем, кто ухаживает за мной, - Чуч Кахау и Халач Виннику. Я на какое-то время теряю дар речи. Он по-доброму смотрит на меня в свете солнечных лучей, проникающих в комнату сквозь открытый дверной проем. Чон отступает в тень.

- Итак, ты та, кто умрет во имя трансформации? – спрашивает меня Кукулкан, наблюдая за игрой света и теней на барельефе, покрывающем каменные стены.

- Если ты мне прикажешь, - почтительно отвечаю я, чувствуя, как все мое тело, облаченное в тунику, охватывает дрожь.

- Я могу предоставить тебе право выбора, - произносит он с такой уверенностью, которую может позволить себе лишь бог. – Как тебя зовут?

- Длинный Тростник, господин.

- Почему тебя так назвали?

- Сила длинного тростника в том, что он поддается силе, которая обрушивается на него. Он никогда не ломается, он остается на месте, лишь изгибаясь под давлением. И то, что должно пройти, - проходит мимо. Это наше представление об идеальной жертве, - отвечаю я ему.

Он улыбается мне.

- А все остальные думают так же?

- Только я думаю так, господин.

Кукулкан склоняет голову, принимая мой ответ.

- Я хочу, чтобы ты отвечала на все мои вопросы относительно Чичен-Ицы. Я буду навещать тебя каждый день. Согласна ли ты на это?

- Я согласна на все твои требования, Кукулкан.

С этим Кукулкан удаляется в сопровождении толпы индейцев майя и Халач Винника. Я остаюсь сидеть на соломенной циновке. Чон приносит мен каких-то фруктов, в то время как я заплетаю в косички свои длинные черные волосы. Он плюхается на циновку рядом со мной.

- Ты была хороша! – говорит он.

- Что же я такого сделала? – спрашиваю я, очищая кожуру с плода авокадо.

- Ты была искренней.

Утром я отправляюсь на поле церемониальных цветов в сопровождении молодого индейца майя. Он указывает мне рукой в центр поля, давая понять, что там я могу найти Кукулкана. Я медленно продвигаюсь сквозь ряды высоких белых пахучих лилий, красных гвоздик и ирисов. В центре великолепной грядки ноготков я нахожу возлежащего на соломенной циновке, блаженствующего в солнечных лучах и благоухании цветов Кукулкана.

- Доброе утро, Длинный Тростник! – приветствует он меня. – Подходи ко мне и присаживайся, - говорит он, подходи ко мне и присаживайся, - говорит он, хлопывая рукой по циновке.

Я подхожу и сажусь с краю.

- Какая красота, это море волнующихся цветов!

Верно?

Я соглашаюсь, покачивая головой.

- А теперь ответь мне, скольким богам вы поклоняетесь здесь, в Чичен-Ице? – продолжает он с улыбкой.

- У нас целый пантеон богов. Главным божеством, которому мы поклоняемся в Чичен-Ице, является Чак Мул – дух воды. Пока ты находишься здесь, с нами, мы посвятим тебя во все тонкости поклонения, - объявляю я торжественно и почтительно.

Моими устами говорит многолетняя дипломатическая подготовка. Но на Кукулкана мои слова, кажется, не производят никакого впечатления.

- Запотеки, те, что живут на северо-западе, верят лишь в одну энергию, которая преобразуют все и присутствует во всем, - говорит он задумчиво.

- Я разделяю это представление, - мои слова срываются с моих уст с порывом ветра.

- А что тебе известно обо мне, Длинный Тростник?

- Твой приход был предсказан в пророчествах, принесенных нам северными племенами. Ты – бог трансформации, учитель, целитель, который несет с собой мир.

- Я дарю свою энергию, отвечает он. – Известен ли тебе этот символ?

С этими словами Кукулкан рисует две скрещенные линии на земле между двумя циновками.

- Это символ нашего бога кукурузы Юн Какса, - с готовностью отвечаю я.

- А каков мой символ? – спрашивает меня Кукулкан.

Под его двумя скрещенными линиями я рисую круг, на котором покоится треугольник.

- Твой символ планета Венера. Вот видишь, здесь земля – круг, а здесь божественная мудрость, нисходящая в жизнь в виде пирамиды – треугольника, - я улыбаюсь, довольная тем, что сумела верно истолковать его иероглиф.

Кукулкан улыбается мне в ответ.

- А сейчас взгляни на комбинацию этих трех фигур, - говорит он, а я слежу за движениями его руки рисующей на земле.

- В результате скрещенные линии оказываются на вершине треугольника, как гребешки, венчающие крыши храмов на шей древней столице, Нах-Чан (Паленке). Это пророчество. Гляди на этот новый знак. Пусть тебе явится видение! – приказывает Кукулкан. – Этот знак будет обладать властью все изменять в будущем, как хорошее, так и плохое. Он должен быть передан дальше. Он сможет очищать. А теперь расскажи мне, каким образом ты прибыла в Чичен-Ицу?

- Меня доставили сюда. Все видящие из Нах-Чана, так же как все Чуч Кахау приходят сюда из Тикала, где они изучают календари. Когда о моем появлении начали говорить, Халач Винник, происходящий отсюда, как раз изучал мудрость майянских династий в Уксмале – там есть университет. Он приказал, чтобы меня доставили сюда, - ответила я, крутя между пальцев стебелек ноготка.

- Как тебя нашли?

- Жрицы их Храма Воспоминаний и Духовенство Ягуара совершают путешествие по энергетическим сферам в поисках женщин, обладающих даром видения и энергетической маткой.

Кукулкан в задумчивости склоняет голову.

- С какой целью ты приносишь в жертву себя? – спрашивает он устремляя взгляд в бесконечные просторы волнующихся цветочных полей.

- Эта жертва открывает путь трансформации и переходу. В ней заключена энергетическая эволюция и, возможно, исцеление. Она также позволяет Халач Виннику заглянуть в таинства энергии и духа. Моей же наградой является моя духовная идентичность и моя энергия.

Кукулкан на минуту задумывается над моими словами.

- Безусловно, все это должно быть крайне заманчиво для Халач Винника, но неужели он действительно заслуживает этих откровений, не ища их в глубине своего сердца, не предлагая в жертву себя? Может ли он проникнуть в высшие сферы, к которым он стремится, сознательно принося в жертву жизнь других людей? Жертвоприношение, совершаемое ради него, предполагает существование сознания и энергии за порогом смерти. Если он не в состоянии понять ценность жизни, приносимой в жертву (или того величайшего альтруизма, который заключен в этом поступке), то как он может отправиться в путешествие по тропам высших миров?

Он пристально смотрит прямо мне в глаза.

Я замолкаю, чтобы подумать. Я рискую открыть перед ним свои подлинные чувства.

- Я уверена, что многому можно научиться из обрядов жертвоприношения. Но человек преображается лишь благодаря окончательному анализу. Каждый должен работать сам, а не забирать энергию у других. К тому же всегда есть смысл сохранить жизнь, чтобы продолжалось развитие.

Мне кажется, что Кукулкан тронут моей искренностью.

- Единственная жертва, достойная Великой Энергии и Духа, единственная жертва, в которой есть смысл, - это жертва самого себя. Лишь она нужна для исцеления мира, эволюции духа и обеспечения гармонического баланса энергии, необходимой для создания жизни. Такая жертва становится чем-то более высоким. Подумай о том, что ты приобретаешь и чего лишен Халач Винник! Собираешься ли ты взорваться в энергию?! Ты соединишься с верностью и любовью, ожидающими тебя там! Он же, напротив, сам станет жертвой – будет разорван в клочья.

Кукулкан смотрит на меня с любопытством и продолжает:

- Это знание глубоко проникает на всех уровнях энергии. Ты не можешь вознестись, не изучив его. Каждая возносящаяся энергия должна приносить себя в жертву чему-то более великому. Главное то, что принесено в жертву. Энергия должна быть свободной: летящая, уносящаяся и возвращающаяся духовная энергия блаженного создания; восхитительный бесконечный взрыв; вечная пернатая волна ослепительных

цветов; танец любви и гармонической силы; беспредельная вибрация сфер. Человечество не Видит. Оно подобно холодной, как камень, женской груди, в которой нет молока. А народ майя всегда отдавал все долги. Но кто может требовать от него расплаты за то, в чем он не повинен? Ты должна знать, чей я предтеча. Если ты согласишься со мной, у тебя появится шанс. Ты не будешь принесена в жертву каким-то грубым способом.

Если ты жертвуешь собой ради трансформации, энергия окрылит тебя, - Кукулкан замолкает на минуту, чтобы проследить за полетом бабочки. - У майя есть вдохновенное пророчество о конце цикла времени. Верно?

- Если ты говоришь о календаре Цолькин, господин, - отвечаю я, - и ты желаешь обсудить эту тему подробно, то тебе следует обратиться к Чуч Кахау – он знает гораздо больше моего.

- Одна из причин, по которой я нахожусь здесь, - это пророчество, - мягко отвечает мне Кукулкан. – Я обсужу его с ним. Да, пришло время, когда люди вновь должны увидеть энергию и услышать весть о том, как им следует жить. Длинный Тростник, ты можешь стать участницей этих событий!

Кажется, что Кукулкан полностью поглощен тем, что открылось ему.

- Я сейчас говорю о свободе!

Кажется, что его глаза пронзают меня насквозь.

Я зачарована его видением. Кукулкан ложится на спину.

- Свобода для каждого? – отваживаюсь я, наконец, спросить.

Тут же мое тело обмякает, и я падаю на циновку, устремляя глаза в небо.

Кукулкан многозначительно улыбается, также поднимая лицо к небесам.

- Во-первых, должна произойти трансформация. Во-вторых, как всегда, каждому должно воздаться по делам его и помыслам.

Мы продолжаем лежать на спине, наблюдая за тем, как над нами безмолвно проплывают белоснежные головы – облака.

Глава пятнадцатая

Через несколько дней Кукулкан, вняв просьбам Халач Винника, дарует ему пророчества о будущем Чичен-Ицы. Нашему городу, в отличие от других городов, не грозит скорое падение – он будет долго существовать и процветать, станет блистательным памятником нашей культуры, о котором будут говорить на протяжении тысячелетий. Но все это, безусловно, зависит от ряда обстоятельств: отмены человеческих жертвоприношений, запрещения рабства и пыток.

Халач, похоже, очарован этими идеями. Чичен-Ица и без того отличается от иных майянских держав хотя бы тем, что здесь правят не представители монархической династии, а три благородных воина – три брата, стоящих во главе трех разных фракций. Он уже мог предвидеть то, как эти реформы смогут превратить Чичен-Ицу в незаходящую звезду земель Юкатана.

Однако его братья-воины не разделяют этих идей. Каждый из них мечтает о дальнейших завоеваниях, и, хотя Халач Винник является старшим в этой правящей триаде, они составляют большинство. Оба брата, опасаясь возможных реформ, вступают в заговор против Кукулкана, опираясь на духовенство, желающее продолжать обряд жертвоприношений, на Острые Ножи и на Дом Летучих Мышей. Тогда как мистическое духовенство Ягуара, Чилам Балам и жрицы Храма Воспоминаний вместе с Халач Винником становятся на сторону Кукулкана.

Однажды вечером Халач Винник решает заглянуть в Наннери, где я нахожусь в полном одиночестве. Он, облаченный белую тунику, перетянутую поясом, маленький головной убор из соломы и перьев и сандалии, водит в мою комнату и садится напротив меня за стол. Он кажется очень озабоченным политической обстановкой.

- В день Чак Мула, который скоро должен наступить, я собираюсь провести обряд жертвоприношения по-своему, - выпаливает он тоном бунтаря, уверенный, что я

внимаю каждому его слову. – Надеюсь, что с этого начнется та новая эпоха, о которой говорит Кукулкан.

- Это очень важное заявление, - говорю я, сжимая руками в священном ужасе угол деревянного стола. – Но уверен ли ты, что моральные цели оправдывают риск?

- Да, согласно видениям Кукулкана, это так.

- Но цена за воплощение этих видений может быть высока. Ты готов заплатить ее?

Халач смотрит на меня, не говоря ни слова.

- Это может оказаться полезным для тебя, но лишь в том случае, если ты увидишь все последствия этого решения уже сейчас. Я привыкла расплачиваться за идеи собственной жизнью. Я, но не ты.

- Думаю, что и я. Это очень важно для майя. Я также надеюсь, что впоследствии ты оценишь мою преданность, - произносит он с огромной нежностью. Я едва сдерживаю слезы.

- Я желал тебя с того самого дня, когда тебя привели ко мне. Ты единственная, способная успокоить мою душу.

Я чувствую, как меня охватывает пульсирующая грусть. Его невероятное смирение изумляет меня. Я встаю со своего места и, обойдя стол, кладу руки ему на плечи. Пытаюсь утешить его.

- Хотя все в нас видели непримиримых врагов, я всегда видела разницу между человеком и ролью и я надеялась... - но я не могу произнести невозможное.

Он уходит от меня грустный, не сказав больше ни слова. Я стою у двери и смотрю, как медленно движутся по небу тяжелые гроззовые облака. Сильный ветер разогнал обитателей Чичен-Ицы, словно пустой тростник. Мне кажется, что какая-то призрачная тень висит над землей. Я вижу, как Халач Винник выглядывает из каждой тени, как его грустные глаза преследуют меня, пока я разгуливаю по городу, беседуя с Кукулканом.

- Я ухожу отсюда, - заявляет мне Кукулкан следующим утром во время прогулки, - но это не важно. То, что имело значение, уже сделано.

Я пытаюсь забыть о своем страхе, когда молча сижу рядом с Чоном. Мы терпеливо ожидаем приближения дня, предназначенного для жертвоприношения. Ждем, когда Халач Винник скажет свое слово.

Сельские жители хлынули в священный город в день ритуала жертвоприношения у пруда Чак Мула, словно воды потопа. Оживленные толпы все утро проходят мимо Наннери нескончаемым потоком. Проходы между храмами, совершенно пустые в обычные дни, ныне переполнены. Уже давно существуют планы постройки более высоких храмов, в которых смогли бы размещаться люди, прибывающие сюда все в больших количествах в дни церемоний.

Когда толпы вновь прибывающих наконец начинают редеть и город заполнен до предела, дорога, ведущая к священному водоему Чак Мула, освобождается от зевак и посыпается цветами. Жрецы из Дома Летучих Мышей и Острые Ножи выстраиваются по обе стороны дороги, оттесняя назад толпу. Жрецы Ягуара стеной окружают водоем.

За мной является группа певцов, чтобы проводить меня к водоему. Я одета в простую белую тунуку, а две косы закручены вокруг моей головы. Чон идет рядом со мной, и мы беседуем. Толпа начинает петь, когда мы минуем обсерваторию.

- Будь готова к любой неожиданности, - говорит мне Чон.

И мы продолжаем вести себя как ни в чем не бывало, проходя мимо зевак и кивая им. Я пытаюсь выглядеть радостно возбужденной. Дорога плавно спускается к пруду. Когда мы, наконец, достигаем места церемонии, то видим там Халач Винника, чью голову венчает лучший головной убор из самых длинных перьев кетцалья. Он жестом приказывает нам приблизиться к краю водоема, и мы послушно шагаем вперед.

Он берет меня за кисти рук и поднимает их вверх. Толпа разом задерживает дыхание, ожидая, что он сейчас начнет связывать меня, готова к церемонии. Неожиданно вздымается ветер.

- С этого момента начинается новая эпоха! Это жертвоприношение завершено. Она будет жить! – громко выкрикивает он, выпуская мои руки. По толпе волной проходит смятение. Прежде чем Халач начинает объяснять народу видение Кукулкана, два враждебный ордена жрецов бросаются вперед, заполняя проход к священному пруду. Я незаметно бросаю взгляд на Чона, который изучает толпу, пытаюсь определить ее настроение. Вдруг толпа вновь расступается.

- Разойдитесь! Идет Кукулкан! – раздаются выкрики из толпы. – Разойдитесь!

Воцаряется тишина, и мы видим, как сквозь толпу пробивается вперед какая-то фигура. У меня перехватывает дыхание, и я хватаю за руку Чона. Да, это Кукулкан, он идет вперед со связанными за спиной руками в сопровождении старших жрецов из Дома Летучих мышей и ордена Острых Ножей. Вооруженные соратники последних выходят из джунглей и окружают водоем. Они хватают Халач Винника. Застигнутые врасплох, воины Духовенства Ягуара бросают оружие и скрываются в джунглях. По толпе проходит дрожь ужаса.

Халач Винник смотрит мне прямо в глаза, и я читаю в его взгляде подлинное горе. Жрецы ордена Острых Ножей по приказу двух младших братьев бросают Халач Винника на землю и отсекают ему голову острым обсидиановым серпом. Они высоко поднимают его окровавленную голову, держа ее за перья головного убора, а затем, обернувшись к Кукулкану, начинают оскорблять его, пытаюсь запугать. Старший из двух братьев поднимает с земли резной жезл, символизирующий власть, и, потрясая им, объявляет себя верховным правителем. Толпа приходит в ужас и готова разбежаться во всех направлениях. Мне кажется, что я убита болью и страхом. Кукулкан не оказывает никакого сопротивления, когда жрецы ведут его навстречу судьбе.

Кукулкана сопровождает к берегу огромная толпа. Воины двух жреческих орденов во главе с новым Халач Винником на носилках быстро прокладывают себе дорогу к побережью сквозь густой кустарник. Они безжалостно толкают Кукулкана на острые шипы тропических растений, которые оставляют на его коже глубокие следы. Мы с Чоном неслышно крадемся по тропе. Большинство деревенских жителей не могут прийти в себя от изумления. Они негодуют, видя, как унижают их бога, и готовы взбунтоваться. Но они слишком перепуганы и плохо организованы. В толпе раздаются одинокие голоса, пытающиеся оправдать происходящее. Они объясняют другим, что так пожелали другие боги. Какое-то время никто не проявляет к нам особого интереса.

Когда мы приближаемся к океану, там уже все подготовлено для того, чтобы развести огромный погребальный костер на плоту. Кукулкан позволяет привязать себя к бревнам. «Я возвращусь к вам», - кричит он собравшейся на берегу толпе, пока воины затягивают узлы на его руках.

Тут он замечает меня и произносит слова, адресованные лишь мне: «В год Одного Тростинка ищи меня здесь, где мы расстаемся сейчас». Я пытаюсь протолкаться к нему сквозь толпу. Охранники хватают меня за руки и удерживают на месте. Костер загорается, и лодка отплывает от берега. Я могу лишь рыдать.

Горящий костер покачивается на волнах, и мои наполненные слезами глаза больше не в силах переносить это жуткое зрелище. Вдруг костер вспыхивает ослепительно ярким светом, подобного которому еще не видел никто из нас. Меня отбрасывает назад какая-то сила, а я оказываюсь совершенно одна. Огонь трансформации обжигает мой лоб, а затем проникает своими кристаллическими иглами в каждую клетку моего существа. Толпа, глядящая на бушующий огонь, застывает в полном безмолвии. Затем по рядам проносится вздох. Кажется, что он срывается одновременно с уст каждого из зрителей. Затем вновь воцаряется абсолютная тишина.

Ослепительный свет смягчается и превращается в солнце, заглядывающее в оконный проем. Моя трансформация свершилась. До меня долетает ветерок и доносится нежный шепот бирюзового океана, простирающегося у подножия белых утесов. Все это объединено в эфирном осознании. Я прозрачна и выглядываю из окна в пульсирующем потоке света. На глади океана, по которой когда-то плыл костер Кукулкана, сейчас скользит каноэ Чона, направляющегося от острова к нашему берегу. Он выходит на берег и устремляется к утесу.

- Я видел большие лодки-призраки, - говорит Чон, переступая порог. От него исходит мерцающий свет.

- Где мы находимся сейчас? – спрашиваю его я.

- Мы видим прошлое, находясь в некоем месте между мирами. Мы путешествуем между полосок света.

- Собираются ли они пристать к этому берегу? – интересуюсь я.

- Похоже, они направляются на север. – отвечает Чон. – Скорее всего, они пристанут к берегу рядом со столицей ацтеков. Они похожи на волну призраков.

Все это кажется мне понятным. Ацтеки будут править на этой земле. Они далеко не столь утонченны, как майя, но они – безжалостные воины. У них есть свой календарь, основанный на календаре Цолькин, но ревность к нашим достижениям не позволяет им понять его до конца. Их более примитивный календарь завершается третьим приходом Кукулкана в год Одного Тростника, который уже наступил, - то есть на пять веков раньше, чем заканчивается календарь Цолькин народа майя, в котором предсказывается четвертый приход и эпоха Шестого Солнца Чистого Сознания.

Мы наблюдаем за происходящими событиями, которые разворачиваются перед нами словно фильм на экране кинотеатра. Купцы-ацтеки ходят по селениям и тихо рассказывают о том, что среди высадившихся на берег людей есть один, который действительно подобен богу. Он их предводитель. У него белая кожа, густая борода, его тело покрыто блестящей чешуей, и он по желанию может разъединяться с большим четвероногим хрипящим зверем, с которым соединен в единое существо.

Поскольку этот человек прибыл в год Одного Тростника, многие ацтеки считают его Кукулканом, или Кетцалькоатлем (как они называют его на своем языке Нахуатл), прибывшим, как и гласит пророчество, в ипостаси бога войны, ищущего отмищения. Они не знаю, как относиться к этому. Принесет ли он опустошение на их земли? Могут ли они отважиться на убийство иного бога?

Вот мы видим их императора, Мотекузому, посылающего богу сокровища и просьбы покинуть их землю. По мере того как пришельцы продвигаются от побережья вглубь страны, все больше индейцев присоединяются к ним. Они маршируют под знаменами нового бога. Ацтеки крайне непопулярны. Когда чужаки достигают границ Теночтитлана, Мотекузومه не остается ничего иного, как позволить им войти и принести им присягу в верности. Но все же он отказывается показать их предводителю (которого многие считают Кукулканом) свою сокровищницу.

Затем происходит нечто необычное. Жители всей этой страны сходятся, чтобы наблюдать за двумя небесными знаменами. Первым из них является полное солнечное затмение, за которым следует ночное появление странной кометы, которая, кажется, неподвижной зависает в темном небе. Голова кометы огромного размера, хвост очень длинный, и от него огненным рисунком по черному небу во все стороны простираются светящиеся полосы. Лучшие майянские, запотекские и ацтекские астрономы пытаются истолковать это знамение.

Ацтеки начинают интуитивно чувствовать, что они грубо ошибались относительно намерений вновь прибывших. Становится ясно, что, кем бы ни было это существо, его прибытие несет в себе смертельную угрозу для их вселенной. Они прячут свои сокровища и вступают с пришельцами в бой, в котором участвует каждый мужчина, женщина и ребенок, живущий в городе.

Он зовет себя «Эспаньел», этот предполагаемый бог и покоритель ацтеков. Подлинное же имя этого антипода Кукулкана, демона, высадившегося на землю ацтеков в год Одного Тростника, - Эрнан де Кортес, и он посылает своего лакея, Педро де Алварado, на юг, чтобы тот покорил народ майя.

Когда следующая волна конкистадоров прибывает сюда со своими зверями, мы с Чоном переходим через энергетический барьер и теперь присутствуем в этой реальности более полно. Она представляется нам своего рода астральным адом. Мы испытываем ужас перед ними. Они одеты в тяжелую броню, и их тела воняют. Дыхание их зловонно оттого, что они едят несвежее мясо. Они худы и бледны, а их лица обросли густыми волосами. Однако их звери очень красивы – огромны и горды, их шкуры блестят, а мышцы играют.

Они вырываются в город Тулум, издеваются над его жителями и требуют, чтобы им сказали, где можно найти побольше этого желтого металла. Они орут на сломленных ацтеков. Они захватывают целое селение. Местного вождя держат под охраной в его собственном доме. Он рассказывает на своем ломаном ацтекском языке с резким майнским акцентом, что в селении больше не осталось желтого металла. Все, чем они когда-то располагали, уже давным-давно обменено на другие товары.

Поработители превращают местных жителей в рабов. Индейцы майя вынуждены таскать их тяжелые сундуки, чтобы разгрузить этих невиданных зверей. Людей допрашивают о местонахождении древних городов и пытаются, если те ничего не отвечают. Эти ужасы продолжаются, пока поработители не удовлетворят, до определенной степени, свои ненасытные потребности и не отправляются дальше в поисках новой добычи. Напоследок они обещают возвратиться и установить свое собственное правительство, которому будут подчиняться все.

Следующая банда вновь прибывших «эспаньелов» выглядит отличающейся от этих воинов. Я почти обманываюсь их внешностью, но, по существу, они точно такие же демоны. Они одеты в длинные коричневые рясы с капюшонами, а в руках держат точно такие же скрещенные палки, как тот знак, который рисовал мне Кукулкан. «Святые отцы», как они зовут себя, прочесывают земли майя, чтобы конфисковать и сжечь священные книги. Когда Чон узнает об этом варварстве, он прячет двести томов в подполье дома, который мы занимаем.

Деревенские жители (за исключением тех, кого взяли в плен) выходят на улицы, чтобы приветствовать незваных гостей с алчными глазами. В знак доброй воли святые отцы раздают всем местным жителям шерстяные одеяла. Они говорят, что собираются создать общину, и хотят, чтобы все местное население приняло их доброго Jesu Cristo.

Затем святые отцы строят деревянный дом, крышу которого украшают две скрещенные палки. Они изучают сельскохозяйственные методы и беседуют с людьми о своем боге. Все то время, что они пребывают в деревне, до нас доносятся слухи из других частей страны о болезни, которая появляется там, где проходят эти люди. Затем некоторые индейцы майя из нашей деревни внезапно заболевают, и на коже у них появляются маленькие гноящиеся высыпания.

Вначале заболевают лишь немногие, но вскоре болезнь охватывает чуть ли не все население Тулума. Тревожные симптомы не уменьшаются со временем, и вскоре тела заболевших людей покрываются отвратительными сочащимися язвами. Они очень болезненны и сопровождаются жаром. Никто не представляет себе, как лечить эту болезнь.

Когда умирает первый больной, Чон достает свои травы и благовония, пытаясь облегчить участь несчастных. Но, кажется, ничто не в силах остановить распространение страшной болезни. Мы пробуем лекарства одно за другим, а люди вокруг нас продолжают умирать.

Я вхожу в темную хижину, где в агонии лежит старик. Сквозь густые волнистые тени до меня доносятся его причитания, а в помещении, словно серный дым, стоит густой запах душиной энергии. На полях не видно ни одного человека, а святые отцы затворились в своем деревянном здании, где читают книгу Jesu Cristo.

- Он умирает – спрашиваю я Чона шепотом.

Перед нами появляется дух этого человека. Чон окуривает его дымом камеди. Затем он вливает несколько капель горячего желтого травяного отвара в раскрытый, хрипящий рот старика.

Чон приседает на корточки и оборачивает ко мне свое усталое, обеспокоенное лицо.

- Это не просто смерть. Это гораздо больше, чем колдовство и мелкое зло. Я прежде ничего подобного не видел. Это – вторая смерть. Лишь небу известно, сквозь что проходят эти люди, когда покидают этот мир, может быть только небу...

Чон кладет голову на скрещенные руки.

Повсюду вокруг нас умирают люди. Оставшиеся в живых страшатся такого количества трупов. Огромные костры, на которых сжигают тела умерших, пылают по все земле. Но местные жители дрожат от мысли, что болезнь может переноситься вместе с дымом. Святые отцы опасаются, что болезнь могла быть передана с одеялами, которые раздали индейцам, и приказывают сжечь их. Но, увы, уже слишком поздно что-либо исправить. Это ярость невознагражденной энергии.

Чон работает неутомимо, но безуспешно. Святые отцы бормочут над умершими о приятии Jesu Cristo. Некоторые крестьяне в отчаянии соглашаются. Их мажут растительным маслом и кладут им в рот маленькую вафлю. Но облегчение не наступает.

Когда почти каждый из заболевших умер и святые отцы покинули наши места, я обнаруживаю оспины на своем лбу. Я с ужасом гляжу на Чона. У него также выскочил один пузырек на лбу и несколько на руках.

- Чон, как могло такое произойти? Болезнь прорвалась сквозь барьер! Неужели мы тоже умрем? – кричу я прерывающимся голосом. – Я не хочу умирать так!

- Но это еще не конец, - отвечает он. – Завоеватели уничтожили наш народ. Возможно, не осталось достаточно знаний для того, чтобы наша культура могла продолжаться. Мы должны спасти то, что еще возможно спасти, Мерилин.

Лицо Чона прорезают грустные морщины.

До нас доносятся звуки шагов приближающихся святых отцов. Ни врываюся в нашу хижину и обвиняют Чона в том, что он наслал болезнь и хранит у себя книги дьявола. Они приходят в бешенство и начинают обыскивать помещение, срывая с пола циновку, прикрывающую люк в подполье.

На их лицах появляются злоеющие улыбки. Они начинают лихорадочно доставать двести с лишним книг из подземного тайника. Переворачивая листы, они смеются, тыча пальцами в иероглифы и цифры, а затем сваливают их в кучу у двери хижины, словно мусор.

Чон и я обмениваемся взглядами, в которых сквозит ужас.

- Мы можем не возвратиться, утратив знание! – говорит Чон.

Я вздрагиваю, видя, как святые отцы разжигают огонь, в котором должна сгореть мудрость, накопленная веками.

- Память приходит изнутри, - наконец произносит Чон, не отрывая взгляда от разгорающегося пламени. – Верить мне?

Я киваю головой, и он хватает меня за руку. Мы поднимаемся с пола, и переступив порог хижины, бросаемся в костер.

В центре еще лежат неповрежденные книги, но везде вокруг пляшут высокие языки пламени. Мои ноздри и легкие заполняет горячий дым. Мы прижимаемся друг к

другу, стоя на холме пылающих знаний. Святые отцы что-то кричат нам и молятся о спасении наших душ. То, что мы сделали, совершенно «чуждо» для них.

Но вот их визжанье заглушает мощный взрыв, и я оказываюсь в погребальном костре рядом с Кукулканом. Лишь мы с ним вдвоем озарены отблесками пламени – Чон куда-то исчез. Кукулкан выхватывает горящую книгу из пламени, ревущего вокруг нас. Он протягивает мне книгу и держит ее на весу, пока я не беру ее из его руки. Тогда он улыбается и взрывается новой ослепительной вспышкой.

Я просыпаюсь в холодном ручье, протекающем рядом с развалинами Паленке. Я лежу на спине, полностью погруженная в воду. Начинает светать, и я вижу, как Чон с Джоном Черной Вороной стоят рядом, пытаюсь привести меня в чувство. Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Джоном Черной Вороной, чье обветренное лицо расплывается в улыбке.

- Нам лучше убраться отсюда поживее, - говорит он. – Скоро совсем рассветет, а подобная сцена может привлечь к себе ненужное внимание. Ты можешь идти, Мерилин?

- Я не в состоянии даже пошевелиться, - отвечаю я слабым голосом.

Чон и Джон берут меня за мои исхудалые руки, каждый со своей стороны, и с удивительной легкостью поднимают в воздух. Убедившись в том, что я совершенно не в состоянии идти, Джон, демонстрируя силу лесоруба, взваливает меня на плечи и начинает путь домой. Так мы проходим без остановки около мили.

Я совершенно поражена силой и выносливостью этого девятиностовосьмилетнего индейца. Я обвиваю его шею и плечи руками и зарываюсь лицом в его седую шевелюру. Я ощущаю, как меня омывает сила его присутствия.

- Не покидай меня, Джон, - говорю я, чувствуя, что намерение воина Джона Черной Вороны могло бы поднять меня на высочайшие горы Тибета, сияющие на солнце своими белыми шапками, так похожими на эту седую орлиную голову.

Это была сказочная поездка на спине *дедушки* во время рассвета в джунглях. Утренние радужные цветы пробуждались и раскрывались в эротическом порыве. Это была сюрреалистическая жизнь, и осознание, которое беспрерывно меняется. Густые ароматы дождевого леса притягивали меня к себе, кружили голову. Гигантская желто-зеленая бабочка сплясала передо мной танец света, а я следила за ней, откинув голову на плечо.

Когда мы прибыли в обитель Эсмеральды, Чон уложил меня в «лечебнице». Я тут же уснула. Мои сны были исполнены грусти и нежности. Они походили на капли росы, дрожащие на паутине, на плененную певчую птицу или на звуки, раздающиеся, когда по струнам арфы ударяет порыв ветра.

Глава шестнадцатая

Чон и Джон вскоре поняли, что мне необходимо остаться на некоторое время одной. Из моих остекленевших глаз лились ручьями слезы, когда я следила за тем, как мир Кукулкана растворяется в дымке. Я избавилась от последних зыбких образов Халач Винника и костров, испепеляющих священную культуру майя. Я совершенно искренне собиралась умереть. Чон и Джон Черная Ворона приносили мне еду, которую я отвергала и оставалась лежать в гамаке, свернувшись калачиком.

Маленький Маник прыгал вокруг меня, надеясь вернуть меня к жизни, но все его усилия пропадали втуне. Джон играл по ночам на своей флейте, и я внимала всей душой этим пронзительно тоскливым мелодиям. Прислушиваясь к звукам флейты, я размышляла о том, что могло быть написано в той книге, которую передал мне Кукулкан. Что она могла содержать в себе? Я чувствовала, что эта тайна наполняет меня скрытым жаром.

Наблюдая за тем, как ухудшается мое состояние, Чон и Джон посоветовались и решили, что я должна рассказать им о переполняющих меня чувствах, пока не закрылась

от всего мира. Я не знала, с чего начать, но их настойчивость пробила брешь в моем внутреннем нежелании говорить.

- Как все это могло произойти? – спросила я в конце рассказа.

- Бывают минуты, когда мы становимся чем-то большим, чем могли даже мечтать, - ответил мне Джон. – Это возвышает нас.

- Наверное, я скоро умру? – спросила я и глубоко вздохнула, поднеся руку ко рту.

- Нередко именно тогда, когда мы чувствуем, что жизнь ускользает от нас, мы встаем и начинаем жить. Именно это происходит сейчас с тобой, - уверенно произнес Джон Черная Ворона.

- А что ты можешь сказать насчет Халач Винника?

Меня захлестнули эмоции.

- Когда его попросили совершить поступок, он не смог этого сделать, - ответил Чон, закрыв глаза.

- Но ведь он погиб!

- Да, погиб, жалея о том, что сделал.

Чон открыл глаза и взглянул на меня ободряюще.

- По-своему он заботился о тебе, и поэтому ты хранишь к нему определенные чувства. Он знал, что будет лучше, если он покончит с этим самостоятельно. Возможно, происшедшее послужило ему уроком.

Я громко сглотнула, чувствуя правоту Чона.

- Ты переживаешь из-за него только по своей доброте, - произнес Джон Черная Ворона с нескрываемым презрением. – Если человеку нужно такое, чтобы чему-нибудь научиться, я скажу одно: начхать мне на него!

Мы дружно залились смехом – впервые после моего возвращения.

Чон сложился пополам, прикрывая рот рукой.

- Что ты *видел* этой ночью, Чон? – спросила я, втайне опасаясь, что его ответ может повергнуть меня в еще большую депрессию.

- Я видел, что современная культура использует технологию как костыль, на который опирается ее энергия. Но это не похоже на то, как парализованный человек пользуется коляской, чтобы передвигаться более свободно. Коляска заставляет его концентрироваться, бросать вызов ограничениям. Технология же подобна опию, так как не освобождает нашу энергию для достижения иных целей. Нынешняя культура очень слаба, но, пожалуй, оно и к лучшему, если учитывать то опустошение, которая она произвела на земле. Она почти ничего не помнит об иных культурах и ничего не хочет знать о том, какими мы могли бы стать.

Я видел, что эта болезнь открывает для тебя большие возможности. Человеку не нужна защита. Он должен отдаться потоку и позволить энергии пропитать его всего. Энергия и сама Земля не будут поддерживать нас такими, какие мы есть, если мы будем противиться им. Человечество должно научиться тому, как жить в гармонии со всем остальным. При всех его потребностях оно должно осознавать, что желать и иметь желаемое еще не достаточно для полноценной жизни. Кроме того, люди должны научиться заботиться друг о друге.

В своем видении я уловил некоторые формулы будущей эволюции и понял, что ты, очевидно, должна будешь описать свои переживания и рассказать об увиденном.

- Ну и что из этого получится? – недоуменно спросила я, а Маник озабоченно нахмурил свое личико.

Чон только насмешливо хмыкнул.

- Напиши и увидишь, что из этого получится. Может, выйдет что-то приличное. Ты тонная личность, из хорошей семьи и образованна. Люди не ожидают услышать эти слова от такой, как ты. Это застанет их врасплох.

Чон перевел взгляд на свои руки, словно любясь кольцом.

- В глазах людей ты будешь той, от кого это знание должно быть скрыто. Для людей твоя симпатия к нашей культуре окажется полной неожиданностью, и это может пробудить в них интерес к твоим словам. Они задумаются над твоими историями, их не оставит равнодушными твоя болезнь. Их поразит твоя способность Сновидеть и твоя неспособность ненавидеть. Возможно, другие тоже вспомнят. Возможно, некоторые начнут видеть. Разве может воля просто истощиться и унести, как пылевой смерч, оставляя по себе лишь пустоту и бездуховность? Но помни, в любом случае ты обретишь своду.

- Я не ожидаю, что это может изменить хоть что-нибудь. Ведь я – ничто, - я глубоко заглянула в карие глаза Чона.

- Возможно, так и должно быть.

- А что *видел* ты, Джон?

- Я *видел*, как уходит осознание из формы... - он ущипнул себя за руку, демонстрируя материю, - по той причине, что мы пренебрегаем и тем и другим. Это не должно происходить так, но именно таким образом все происходит. Еще я *видел* такого рода энергию, которой пользуется разум и сердце, чтобы существовать в мире, лишенном форм. У большинства людей не хватает духа, и потому они боятся грядущих перемен. Однако в настоящее время они всю уничтожают материальный мир (единственный доступный их пониманию) и принижают значение духа. Ценности этого мира являются нашим мостом, переброшенным в иные сферы и в иное существование. Я также видел, куда мы отправимся, когда уйдем отсюда, - мы взорвемся все вместе в бесконечность.

Он замолчал. У меня перехватило дыхание от красоты и мощи их видений.

- А что ты видела? Спросили они в унисон, а затем, обменявшись взглядами, вместе расхохотались.

Я рассказала все свое приключение от начала до конца. Казалось, их зачаровал мой рассказ, и они проявили особый интерес к комнате, где находились сущности света.

- Итак, ты говорила с ними? – спросил Чон возбужденно.

- Да.

Тогда оба они стали рассказывать мне по очереди о том, что им в видении также явился золотой купол, в котором обитали сущности света. Чон объяснил, что это было эволюционное переживание, вызванное употреблением священных грибов.

- Я слышал, что хиппи, которые частенько навдывались сюда, утверждали, что древние майя повысили свои вибрации и врывались в иные измерения или даже переносились в НЛЮ, - Чон хихикнул, - это не так уж глупо, как представляется поначалу. Теперь вы оба понимаете, что они были правы.

Все мы залились истерическим смехом. Смех приносил мне огромное облегчение – как трудно избавляться от всех этих переживаний! Маник решил воспользоваться нашим настроением и привлечь к себе внимание. Он стал подпрыгивать на гамаке, ухватившись за свой половой член, а затем, соскочив вниз, стал кататься по полу.

- Да, именно с этим мы и работаем, - закричал Джон и выпятил нижнюю челюсть, передразнивая Манника, который развеселился еще больше, хотя вряд ли понял шутку.

- Скажи-ка, Мерилин, - серьезно обратился ко мне Чон, когда мы все успокоились, - что, связанное с Кукулканом, запомнилось тебе более всего?

- Пожалуй, все, - я на минуту задумалась. – Свобода. Виденье. Дарующая природа любви. Переход. И... взрыв.

- Мне удалось удержаться от слез. – Он дал мне книгу. Я не знала, следует ли мне принимать ее. Сейчас я сожалею лишь о том, что не сумела прочесть, что в ней было написано. – На минуту воцарилась тишина. – Это была одна из наших собственных книг, но как-то преображенная.

- Возможно, ты расшифруешь ее, - произнес Джон загадочно, - Принимая во внимание твою болезнь, мои слова могут показаться странными и дерзкими, но все же

тебе не стоит переживать из-за нее. Что-то происходит здесь и сейчас. Оно сам скажет все за себя. Давай-ка прислушаемся.

Чон медленно покачал головой в знак полного согласия, так же поступила и я, глядя прямо в яростные и добрые глаза Джона Черной Вороны. Затем Чон и Джон по очереди обняли меня, и я провела остаток дня с чувством надежды и покоя.

Мы прекрасно провели все оставшиеся дни моего пребывания с ними. Чон отвел нас к водопаду Мисол Хатуда, где горная река обрушивается с высоты каскады чистой лазурной воды. Мы также посетили Наху – последнее селение подлинных майя из джунглей, которые говорят на том диалекте Паленке, который употреблялся там тринадцать столетий назад. Джунгли расчищены вокруг поселка, в котором проживает не более двухсот человек, но они до сих пор носят свои белые туники. Старый мудрец, Чон Кин Виехо, сказал, что рад видеть меня.

Из Нихи мы поплыли на каноэ по реке Усмаците в Гватемалу, где посмотрели на развалины Тикала – родины Чона. Для меня это место было столь знакомым, как Паленке или Чичен-Ица, но Чон был растроган до слез. Его руки заметно дрожали, когда он прикасался к камням, имеющим для него особое значение, и сумел передать это чувство нам. Главной достопримечательностью была большая пирамида – жемчужина Тикала. Она оказалась самым высоким сооружением из всех, которые я видела прежде в мире майя.

Затем мы отправились в путешествие в горы – туда, куда бежали индейцы майя от испанских конкистадоров в 1600-х годах. В домах сидели женщины за ткацкими станками и ткали точно такие же узоры, какие носили их предшественницы две тысячи лет тому.

Чтобы возвратиться назад, в Паленке, мы сели в давно знакомый нам поезд, который направлялся в Юкатан, в сторону Чичен-Ицы. Затем мы пересели на автобус и проехали на нем остаток пути.

Вид, открывшийся передо мной, был столь же впечатляющим, как когда-то. Массивные пирамиды Кукулкана были частично реставрированы мексиканским правительством. Однако вся терракотовая окраска поблекла, и я сомневаюсь, то ее когда-либо удастся восстановить. Сейчас никто не знает, как следует окрашивать барельефы.

Мы приблизились к священному источнику и сели рядом с ним на землю, несмотря на сорвавшийся ветер. Вода в источнике показалась мне более зеленой, чем прежде. Над источником была построена тростниковая будка, в которой молодые индианки майя, одеты в цветастые вышитые блузы, торговали свежим ананасовым соком. Они приветствовали покупателей на своем родном диалекте, иногда вставляя несколько испанских или английских слов для туристов.

Проведя несколько часов в этом месте, мы направились к главным кварталам мертвого города. Вместе с Чоном и Джоном я взобралась на вершину Храма Воинов. Громадный Чак Мул все еще восседает там, а блюдо, стоящее на его плоском животе, сейчас оказалось пустым. Позади высшего храма находится каменная плита, на которой перебивали жертвам позвончики, и комната, из которой появлялся Халач Винник во время церемоний. Я провела рукой по камню.

Спустившись вниз, мы стали бродить вдоль длинной разрушенной колоннады, окружающей храм, а затем вышли на тропинку, ведущую в обсерваторию. В ее крыше образовались огромные дыры, сквозь которые можно было видеть спиралевидный интерьер обсерватории. Он напомнил мне древнюю раковину, омытую волнами доисторического моря.

От обсерватории открывался вид на развалины Наннеки. Когда мы с Чоном вошли вовнутрь, он стал изображать, что зажигает факел, закрепленный в стене, тогда как я уселась прямо на пол. Каменные своды казались мне низкими и давящими. От камней тянул древностью и все же я могла живо представить себе обстановку покоев, как только закрывала глаза!

В «фольксвагене», взятом напрокат, мы покатались по побережью к Тулуму. Здесь не осталось, и следа той деревянной церкви, построенной миссионерами. Парочка крупных игуан принимала солнечные ванны на валунах у края утеса. Внизу на много миль протянулся нетронутый берег, на который накатывали волны, играющие яркими красками в лучах тропического солнца. Чуть выше на ветру покачивались пальмы. Мы не смогли устоять перед соблазнами Карибского моря и через минуту бултыхались в его волнах, оставив верхнюю одежду на берегу.

Карабкаясь вверх по склону, я нашла раковину в форме горна и маленькую окаменевшую бабочку, погребенную в песке. В тот же вечер мы отправились в ближний рыбацкий поселок, чтобы принять участие в празднике, устроенном по случаю большой ярмарки, и тут же потеряли головы. Мы хохотали, паясничали и стучали кулаками по столу, требуя добавки. Официантки, молоденькие индианки майя, казались очарованными нашими чудачествами, хихикали и громко обсуждали нас тут же за углом.

На следующий день мы отправились к Кскарету (месту священных купален) на пестро разрисованном мексиканском автобусе второго класса, на котором изображение Девы Марии соседствовало с рекламой игры в кости. И сейчас дельфины вместе со всевозможными тропическими рыбами весело плескались в кристально чистых водах. Мы побрели по воде в полузатопленные подземные пещеры, освещенные лучами солнца, проникающими сквозь отверстия в потолке.

Тем же вечером мы прибыли в Уксмал – университетский город древних майя. Мы любовались полетом ласточек на фоне вечернего неба, а затем стали наблюдать за игрой лучей на стенах величественных пирамид, отбрасываемых заходящим солнцем Мексики. Когда мы бродили между строений, Чон напомнил мне о том, что учителя имели право поселиться в Уксмале постоянно лишь по достижении пятидесятилетнего возраста и что эти великие наставники должны были носить нагрудные пластины, сделанные из панциря гигантских морских черепах как знак долгожительства и мудрости.

Всю ночь мы *сновидели*, летали и вспоминали. На следующий день мы отправились обратно в Паленке на автобусе. Несмотря на огромное желание спать, я нашла в себе силы сидеть всю дорогу с открытыми глазами, чтобы не пропустить последние минуты нашего общения. Джон Черная Ворона указал на нескольких парящих ястребов, хорошо заметных из окна автобуса. Когда мы возвратились в Паленке, Эсмеральда уже была там и устроила на теплый прием. Каждый раз, когда я проходила мимо Эсмеральды, та дружелюбно похлопывала меня по спине, а затем мы вдвоем уселись за кухонным столом и наблюдали за тем, как она готовит пищу.

Мы с жадностью набросились на великолепные блюда, поданные нам Эсмеральдой, с жаром рассказывая обо всем увиденном во время путешествия. Мы проговорили до поздней ночи, сидя у огня, который отпугивал комаров. Когда мы, наконец, собирались разойтись, Джон Черная Ворона сказал, что закажет для нас чартерный рейс до Мехико. Эти слова возвратили меня к действительности, и я отправилась в постель с чувством легкой грусти.

Я Сновиджу реку света, раскинувшуюся на небе, словно Млечный Путь. Я возношусь к ней и начинаю переходить ее, чувствуя, как растворяются мои ноги. На другой стороне простирается освещенный берег похожий на высший земной план. Я долго иду в одиночестве, пока не начинаю различать фигуры существ, оставшихся на берегу. Здесь они вынуждены сидеть и тоскливо глядеть в зеркальные воды, ловя там образы упущенной ими вечности.

Другие, свободные существа появляющиеся на берегу и сопровождают меня в другое место. Их тела исполнены золотого света и покоя. У них вытянутые вверх головы. Мы подходим к священному водоему со спиральным мерцающим водоворотом. В этом месте человек должен ожидать, когда его позовут к себе ангелы – прекрасные летучие огни, издающие эфирные звуковые вибрации и исцеляющие чувства. Ангелы

начинаю кричать в воронку – словно воющие волки. Звук их голосов достигает верхнего предела, и они демонстрируют мне, как нужно петь на озере.

Они говорят мне, что я, как женищина, должна вытянуть пропавшую жизнь из воронки и продемонстрировать, как проникнуть в ее вращающийся центр. Моя тоска и созидательная энергия позволяют желанным и любимым появиться из воронки. Я захожу в транс, и они говорят мне, что я могу оставаться здесь как угодно долго. Я чувствую, что если простою здесь вечность, то превращусь в хранилищу этого священного озера.

Я призываю образ Ричарда, а затем своей прабабушки, Джона Черной Вороны, Чона, а после этого Халач Винника и в самом конце Койола. Я вижу, что они здоровы, красивы, совершенны и окружены целительной благословенной энергией.

Затем ангелы говорят мне, чтобы я прыгнула в водоворот сама. Я так и делаю и тут же ощущаю, как растворяюсь в этой энергии. Они призывают меня к себе и пронзают воду лучами. Вода начинает нагреваться и пузыриться, выбрасывая вверх струи, словно гейзер. Я оказываюсь в самой середине возносящегося потока жидкого света.

Когда я выхожу оттуда, то оказываюсь окруженной дорогими людьми – всеми теми, кто хотели помочь мне или сделать для меня что-то доброе. Духи несут мне послания. Я благодарю ангелов, а затем спускаюсь вниз по подводному туннелю света к своему земному телу и захожу в него – серебристая и блистающая – сквозь темя и сердце.

Утром я встречаюсь с Чоном, который поджидает меня за столом, накрытым для завтрака. Мы неторопливо поглощаем пищу, пока Джон Черная Ворона лениво покачивается в гамаке, натянутом между манговых деревьев. В этот день Эсмеральда не открывает свой ресторан для посетителей. Затем мы отправляемся в город и смотрим фильм в единственном кинотеатре. Это довольно необычная китайская картина, рассказывающая о судьбе цирковых акробатов.

Вечером мы обедаем в городском ресторане, являя собой весьма любопытное зрелище. Эсмеральда одета в новое пестрое платье, а я – в самые лучшие юбку и блузу, которые прихватила с собой. И наконец, мы отправляемся прогуляться по центральной площади под луной на ущербе. Мы садимся на скамейку и смеемся, слушая игру на арфе и смакуя кукурузные хлопья с тонко нарезанными пластинками кокосового ореха.

Домой мы возвратились уже поздно ночью, и, когда мужчины отправились спать, я попросила Эсмеральду постричь мне волосы. Она усадила меня на стул с прямой спинкой под деревом авокадо, а сама отправилась за тазиком с водой и ножницами.

- Ты не будешь жалеть об том? – спросила Эсмеральда. – Тебе так идут твои длинные воздушные волосы!

- Не буду, - уверенно ответила я. – Мне будет трудно следить за ними. Сделай мне прямой причес.

И я посмотрела в тазик с водой, где плавало отражение последней четвертушки луны.

Она лишь покачала головой.

- Как коротко обрезать? – спросила Эсмеральда, расчесывая мои длинные пряди влажным гребнем.

- Примерно до ключиц. И не забудь оставить челку – в египетском стиле, - ответила я со смехом.

- Такие же носят и индейцы майя, - засмеялась она в ответ и начала кромсать мои волосы спереди.

- Эсмеральда, как ты думаешь, почему Чон так и не женился? – спросила я, словно любопытный ребенок.

Она посмотрела на меня своими спокойными глазами, в которых отражался лунный свет, а затем сказал:

- Знаешь ли, многие целители никогда не женятся. Это такая большая работа и она забирает столько энергии! Но если ты хочешь узнать о его женщинах, я скажу тебе – он всегда любил молодых.

Мы обе расхохотались. Она заплела мне волосы с одной стороны в косу, обрезала ее, затем расплела и стала подравнивать концы. Поднявшись, она критически осмотрела плоды своей работы.

- Неплохо! – заявила она наконец. – А знаешь ли, больше всего он любит женщин с мокрыми волосами. Таких, как ты.

С этими словами она вновь принялась за работу. Я же почувствовала, как мое лицо захлестывает горячая волна.

Мы сложили обрезанные волосы в два пучка, перевязав их пестрыми кусочками сатина, которые она откладывала, чтобы пошить из них сумочки. Затем она сходила в хижину за зеркалом и прицепила его к дереву возле бочки с дождевой водой, чтобы я могла полюбоваться на ее работу. Я призналась, что с такой прической я выгляжу гораздо моложе, и решила, что скоро постригусь еще короче.

На следующее утро, во время завтрака, когда мужчины обменивались лестными замечаниями по поводу перемен в моей внешности, Эсмеральда делала вид, что фотографирует нас аппаратом, в котором не было пленки. Мы принимали самые немислимые позы и тут же заливались смехом. Оставшиеся часы тянулись медленно – я собирала свои вещи в дорогу. Чон вошел в хижину, где я набивала свой чемодан разными мелочами.

- Не представляю, как я перенесу все это! – прошептала я ему.

Он присел в гамак.

- Да, это очень тяжело. Вдруг я понял, что хотел, чтобы все сложилось иначе. Почему именно ты должна выполнить это задание? Но если бы не ты, мы не смогли бы встретиться именно так!

- Я не хочу уезжать.

- Ты должна уехать и жить там, пока не выполнишь своего задания. Ты знаешь, что нужно делать? – прибавил он, потирая лоб.

- Да, - ответила я, я знаю, что делать.

- Это хорошо, улыбнулся Чон, - но когда ты это сделаешь, помни, что должна вернуться к нам.

Я бросилась к нему и заключила его в объятия. Так мы и простояли целую вечность. Затем я дала ему перевязанную прядь своих волос и ничуть не чувствовала себя глупо при этом.

- Хочешь забрать с собой Манника? – спросил он, быстро смахивая слезу с уголка глаза. – Он сумеет тебе помочь.

- Не думаю, что смогу перевезти его через границу.

- Это же относится и ко мне, - философски заключил Чон.- По крайней мере, заведи с собой его намерение. Знаешь, что означает его имя?

Я припомнила некоторые слова языка майя.

- Преодолевающий Смерть?

- Да, и это относится к тебе, - засмеялся Чон.

Мы закрыли чемодан и обменялись улыбками.

В три часа пополудни мы с Джоном стали переносить свои вещи в джип. Чон старался не смотреть, как мы делаем это. Он повернулся к нам лицом и помахал на прощанье рукой лишь тогда, когда мы завели мотор и стали выезжать на дорогу. Мы с Джоном хранили молчанье. Ветер трепал наши волосы. Мы оба старались не оборачиваться назад.

Полет был невыразимо прекрасен. Когда мы поднялись в воздух, то попросили пилота описать круг над руинами, и он охотно согласился, поскольку и сам был частью

истории майя. Казалось, мы взглянули на храмы из другого мира – столь необычным был открывшийся нам вид. Мне пришла в голову мысль, что боги, должно быть, сами соорудили эти строения, в соответствии со своими замыслами. Величие, мощь и отрешенность храмов была совершенно мистической. Я сказал им «до свидания».

Эсмеральда дала Джону в дорогу мешочек с тамали, и мы с удовольствием уминали их во время полета в Мехико-Сити. Там были тамали из листьев юкка с миндалем, ананасом и изюмом, а также дикая индейка под соусом из семечек тыквы. Я положила голову на плечо Джона Черной Вороны, когда мы пролетали сквозь тучи.

Вскоре мы оказались в самой гуще толпы суматошного аэропорта Мехико-Сити. Я изо всех сил вцепилась в руку Джона Черной вороны, опасаясь, что толпа может разъединить нас и мы потеряемся навеки. Но этого не произошло. В ожидании рейса мы уселись в кафетерии и стали беседовать.

- Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, - сказал Джон, держа в руке стакан минеральной воды. – Мы тоже это чувствовали, когда оказались в резервации. Мы чувствуем это и по сей день. Это так, словно тебя вырвали с корнем из всего, что дорого тебе.

Я кивнула головой.

- Что ждет тебя там, куда ты сейчас направляешься? – спросил Джон, наклоня бутылку с водой, словно желал убедиться, что там не осталось ни капли жидкости. Затем он подозвал официанта и заказал вторую порцию.

- Ничего, кроме воспоминаний и обязанностей. Эти люди не понимают меня. Там пусто.

- Идеальная ситуация. Твои друзья не будут мешать тебе, - заявил Джон Черная Ворона. – Твой жених был родом из этих мест?

- Как, ты помнишь Ричарда? – удивленно воскликнула я.

- Конечно же! Ведь ты попала к нам благодаря ему. А сейчас он поможет тебе выжить, когда ты приедешь домой.

- Это все равно что опираться на мертвого жениха, - ответила я с горечью в голосе. Джон усмехнулся.

- Нельзя недооценивать помощь, которая приходит из мира духа, Мерилин.

- Ты говоришь как истинный индеец.

- Всегда к твоим услугам, - галантно ответил он.

И я протянула ему мешочек со второй прядью своих волос.

- Я помню тебя, Златовласка, - сказал он с улыбкой, засовывая сверточек в нагрудный карман своей голубой рубашки.

Я заплатила за билет. Джон, к моему удивлению, не стал покупать себе билета. Мы сидели в аэропорту и ждали, когда будет объявлена посадка на мой рейс. Через час Джон Черная Ворона проводил меня до регистрационной будки. Дальше он идти не мог.

Я почувствовала абсолютную растерянность, представив, что останусь одна, без Джона Черной Вороны. Нас толкали со всех сторон, пока мы обнимались. Я просто не могла разжать рук и отпустить его. Мне казалось, что каждый человек в аэропорту смотрит на нас, стоящих в овале желтоватого света. Наступила вневременная тишина. Когда мы наконец разъединились, я обнаружила, что нас просто никто не видит.

- Ты видишь, Мерилин, - сказал Джон. – Для них я просто опереточный индеец.

Я улыбнулась ему. Проходя сквозь ворота, я ощутила вспышку света позади меня. Я тут же повернулась, но Джон Черная Ворона исчез с того места, где находился какую-то секунду назад.

Отлет самолет задерживался, что было совершенно обычным делом для Мехико-Сити. Я уселась в свое кресло и стала вспоминать Чона и Джона Черную Ворону. Наконец эмоциональное напряжение дня взяло свое, и я незаметно для себя уснула.

*Я Сновижу, как мы все втроем плывем в каноэ вниз по сверкающей реке
Усумацинте к тому месту, где на воде плавают цветы. Там нас ожидает другое каноэ, в
котором сидит Кукулкан. Он улыбается нам.*

*Я Сновижу, как мы вновь находимся в высокогорье Чипа, и пляшущий жрец с белой
каменной маской на лице исчезает в тумане. Эту маску дал мне священный ягуар. Я
догоняю его и хлопаю по левому плечу. Жрец останавливается как вкопанный и в
изумлении поворачивается ко мне. Я срываю маску ягуара с его лица и бросаю его
собственную маску в снег. По другую сторону священной каменной маски открывается
светящаяся пустота. Я наклоняюсь и отступаю назад сквозь туманный водоворот
Сновидения. Джон Черная Ворона кричит мне сквозь туман: «Койол все еще там.
Отправляйся в Юму».*

*Думаю, что Чон прав – описывая все, что произошло со мной, я смогу
расшифровать то, о чем говорится в священной книге, которую вручил мне Кукулкан.
Это будет прекрасно!*